

Кейси Доуз

72

18+

Кейси Доуз

72

*<https://litres.ru/74133743>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Лаки просыпается в непонятном помещении. Он не помнит кто он и ничего, что было ДО. Помимо него, "здесь" еще несколько людей - так же с полной амнезией. Как они сюда попали, как отсюда выбраться и кто за этим стоит?

Книга включает в себя три части:

- 72
- Земля Проклятых
- Идентификация

Кейси Доуз

72

Кейси Доуз

Кейси Доуз

72

~

ЗЕМЛЯ ПРОКЛЯТЫХ

~

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

72

В пустой комнате 5 шимпанзе. В центре комнаты лестница, сверху лежит банан. Когда первая обезьяна замечает банан, она лезет за ним по лестнице, чтобы схватить и съесть. Но как только она приближается к фрукту, с по-

толка на нее обрушивается струя ледяной воды и сбивает вниз. Другие обезьяны тоже пытаются забраться на лестницу. Всех сбивает вниз струя холодной воды, и они отказываются от попыток взять банан.

Воду выключают, а одну вымокившую обезьяну заменяют новой, сухой. Не успевает она войти, старые пытаются не дать ей забраться на лестницу, чтобы ее тоже не окатило водой. Новая обезьяна не понимает, в чем дело. Она видит только группу собратьев, мешающих ей взять вкусный фрукт. Тогда она пытается прорваться силой и дерется с теми, кто не хочет ее пропускать.

Но она одна, и четыре прежних обезьяны берут верх.

(с) Эксперимент с обезьянами: формирование общества.

Глава 1.

-1-

Я чувствую какое-то бурчание, словно рой пчел засел в моей голове. Пытаюсь отмахнуться.

Ничего не понимаю.

Жужжание (бурчание?) становится назойливее.

Кажется, пчелы пристали.

Судорожно дергаю плечом, все еще не до конца понимая, откуда именно поступают звуки.

БР-АГР-БР..

Что за черт?

ШЛЕП!

Кто-то с силой ударяет меня по щеке. Это провоцирует реакцию, словно у младенца, когда его бьют по попе (откуда я это знаю?) – я резко распахиваю глаза и судорожно втягиваю воздух.

Одно лишь различие – я не кричу. Задерживаю воздух на мгновение в себе..

ШЛЕП!

Как получаю еще один удар. Этот намного сильнее – из-за него я падаю вновь навзничь, так и не успев ничего разглядеть.

– Что за хрень.. – слышу я сквозь толщу воды чей-то озадаченный голос – эй, чувак? Эй?

Вновь какое-то бурчание.

ШЛЕП! ШЛЕП! ШЛЕП!

Уже не так сильно – зато теперь меня бьют ритмично по обоим щекам. Я пытаюсь отмахнуться, заезжаю во что-то теплое и жалобно бурчу. Язык напервой не подчиняется.

– Вот дерьмо – все тот же голос, но бить прекращает – вот же дерьмо, мать твою.

– Как думаешь, что это значит? – чей-то девичий голос. Явно растерянный.

– Я те пророк что ли? Позови сюда Лютера.

– А он?

– Будет брыкаться – вырублю. Зови давай! – по окончании голос уже прикрикивает. Сразу следом слышу чьи-то удаляющиеся шаги.

К этому моменту я более или менее избавляюсь от странного мутного эффекта в ушах.

И понимаю – что совершенно ничего не помню.

Кроме своего имени – и то не знаю, откуда оно у меня есть. Просто в голове крутится и крутится «меня зовут Лаки, меня зовут Лаки, мое имя Лаки»... Откуда?

Я понятия не имею.

Все остальное – словно белая ширма.

Кто я? Где я? Откуда я здесь взялся и что вообще происходит? Ничего не понимаю.

Наконец, вместо громкого шлепка кто-то резковато трясет меня за плечо. Я вновь бурчу и с трудом приоткрываю глаза. Сначала яркий свет слепит меня, но пара мгновений – и глаза привыкают.

Все еще чуток шурясь, я разлепляю веки и приподнимаюсь на локтях. Видимо, делаю это очень резко, потому что вновь слышу голос:

– Слыш, а ну прекращай! Ляг назад, на хрен! Ляг, мать твою, я не шучу!

Ничего не понимаю.

БАМ!

Наказание следует тут же – кто-то с силой бьет меня по виску, словно хочет оглушить рыбу и я вновь падаю навз-

ничь.

Рыбу? Откуда я знаю, как и для чего оглушают рыбу? Выходит, я что-то все-таки помню? Но это что-то обрывочное, бессвязное, и почему-то очень туманное..

Я пытаюсь вспомнить что-то о себе. О своей семье или родителях. Где я родился, сколько мне лет, как выглядят мама с отцом, есть ли у меня братья и сестры, какая обстановка в комнате, где я рос..

Ничего.

«Меня зовут Лаки» – единственное твердое, что выдает мне моя поврежденная память. Кроме имени, у меня нет ничего о себе. Даже если бы меня сейчас подвергли пыткам, под угрозой жизни заставляя рассказать, кто я такой и так далее – я бы, наверное, умер.

Потому что и сам не знаю.

Пелена забвения такая белая и плотная – что в какой-то момент я всерьез начинаю сомневаться, а возможно ли действительно настолько все забыть? Было ли что у меня вообще, если я настолько ничего не помню?

Мои несуразные мысли прерывают приближающиеся шаги. Судя по шуму – их несколько.

– Наконец-то – голос рядом со мной – вы где, блин, мотались? Этот перец вскочить удумал.

– А ты? – новый голос. Тоже мужской.

– Я, ясное дело, обратно его. Прыткий. Ты лучше на это посмотри.. – задиристый голос сменяется вкрадчивым, слов-

но ведает какую-то тайну.

И в следующую секунду я чувствую чьи-то осторожные пальцы на своем правом запястье. Руки человека слишком горячие.

– Какого... – тот новый голос – что это значит?

– Откуда я знаю? Мы как нашли – я сразу сказал тебя позвать. Ты вообще можешь это объяснить?

Пальцы начинают неприятно нагревать мне кожу и я рефлекторно дергаю запястьем.

– Черт его нахрен! – испуганно вскрикивает парень и тут же убирает пальцы. Зато сразу же толкает меня в плечо.

Наконец, состояние «нирваны» и оцепенения начинают спадать и я-таки вновь открываю глаза. Сначала я вижу их лишь тремя нечеткими темными силуэтами на фоне слишком яркого света. Но приподнявшись на локтях – теперь уже намного медленнее, чтобы вновь не подвергнуться нападению – я различаю в силуэтах трех людей.

Два парня и девушка.

Один парень сидит на корточках передо мной – но костлявые руки напряжены, словно он вновь готов дать мне по щекам или еще чему. Черные вьющиеся волосы заправлены за уши. Глаза такие огромные и выпученные – словно на его носу очки с минусом больше, чем погода зимой.

Очки. Минус.. откуда я это помню? Почему не всплывает ничего другого?

Чертовщина.

Второй парень стоит, нагнувшись надо мной и уперев руки в колени. Он ярко-рыжий. Плечи широкие, сам взбитый – полная противоположность Выпученным Глазам. Губы сложены в недоверчивую узкую линию. Так внимательно смотрит на меня, что даже будто не моргает.

Третья – девушка. Она стоит за его спиной, растерянно скрестив руки на груди. Светлые волосы убраны в хвост, беспорядочные пряди болтаются по лицу, словно она давно не смотрелась в зеркало. Она старается избегать взгляда со мной – но если и глядит украдкой, то он наполнен неподдельным ужасом.

Все они примерно одного возраста – не старше 17-ти.

Что, черт возьми, здесь происходит?

Но не успеваю я сказать и слова, как Выпученные Глаза угрожающе тыкает мне в грудь своим костлявым пальцем:

– Ты, на хрен, кто такой и откуда здесь взялся?

Я растерянно оглядываюсь.

Здесь – это где?

– Говори, черт тебя возьми! – он вновь замахивается ладонью. Несмотря на его щуплость, я рефлекторно прикрываю лицо руками, но удара не следует.

– Я.. – мой голос хрипит и я прокашливаюсь.

«Меня зовут Лаки – мое имя Лаки».

– Я.. Лаки.

Рыжий фыркает и выпрямляется, не спуская с меня глаз:
– Уж сомневаюсь, если оказался здесь. [*прим. Лаки (lucky)*]

– удачливый, везучий.]

–2–

Теперь я смотрю за их спины.

Здесь – это где? Вопрос повторно всплывает в моей голове неонем. Он борется за место рядом с остальными и определенно конкурентоспособен.

Чувствую, как первая дезориентация начинает сменяться дикой паникой. Где я, блин? Кто эти придурки, что бьют меня по щекам, и тарашатся, как на невидаль?

– Где.. – я вновь прокашливаюсь – где я?

Стараюсь с локтей приподняться выше, но Выпученные Глаза вновь требовательно останавливает меня тычком пальца в грудь:

– Не рыпайся, на хрен – повторяет он. Так часто ругается, что будто пытается этим скрыть свою худосочность и выглядеть более грозно.

– Где я? – несмотря на его приказ, я вновь пытаюсь подняться. За что награждаюсь очередной затрещиной.

– Да что ты делаешь? – я уже хочу замахнуться сам, чисто в качестве защиты от этого безумного придурка, но Рыжий подключается и предупреждающе поднимает ногу. Мол, если что – он двинет ботинком мне по челюсти без раздумий.

Бросаю просящий взгляд на девушку за их спинами – но она тут же поспешно отворачивается. Будто один мой взгляд – это самое страшное наказание, уготованное ей.

– Ладно-ладно – я поднимаю руки ладонями вверх.

Откуда-то я помню и то, что это означает знак капитуляции. Почему, если я помню такие странные, не связанные между собой мелочи с прошлого – не могу вспомнить самого главного? Кто я и как здесь оказался?

– Так-то лучше – кивает Выпученные Глаза и Рыжий опускает ногу.

Но все они напряжены.

– Повторяю вопрос – кто ты?

Голос Рыжего звучит властно и требовательно. Очевидно, несмотря на гонористость Выпученных Глаз, лидер из них троих именно он.

– Лаки.

– Да нам насрать, как тебя зовут! – фыркает Выпученные Глаза – ты как здесь, твою мать оказался, *Везучий*? – последнее слово он произносит с таким сарказмом, что им будто пропитывается весь воздух вокруг.

Я растерянно дергаю плечами:

– Не знаю.

– Он, на хрен, нам бошки морочит! Как пить дать – морочит! – он поднимает голову к Рыжему – предлагаю связать его и бросить к чертям в трап.

Трап? Это слово я не знаю. Что оно значит? Но если они хотят меня туда бросить – вряд ли что-то хорошее.

– Я правда ничего не помню! – повторяю я уже с мольбой в голосе – клянусь! То есть..

Я хмурюсь, будто пытаюсь визуально увидеть все, что всплывало в моей памяти.

– Я знаю какие-то отдельные вещи, но понятия не имею откуда. Просто знаю и все тут. Как будто всегда знал. Они глупые и бессвязные. Например, я знаю, что рыбу ловят и глушат. Знаю, что младенцы кричат, когда их сразу после родов бьют по попе. Знаю..

Я начинаю паниковать, пытаюсь вспомнить разом все, что проносилось в моей голове:

– Знаю.. что ладони вверх – это «сдаюсь». Что-то приходит ко мне походу, и я даже не знал, что помню это.. я..

Я закрываю рот и беспомощно гляжу на них. Во мне одновременно бурлит страх и ярость. Какого черта вместо того, чтобы помочь мне, они меня бьют, допытываются и собираются связать и бросить в какой-то там трап?

Рыжий глухо вздыхает и скрещивает руки на груди. После чего смотрит на Выпученные Глаза и изрекает:

– Выборочная амнезия, блин. Как у всех хоплэтов.

Кто такие хоплэты? Неизвестных слов становится все больше, а уходящий прямо сквозь пальцы хотя бы призрачный контроль над ситуацией вновь побуждает меня подняться с локтей.

– Хоплэты? Кто такие хоплэты?

Но они будто не слышат меня. Впервые Выпученные Глаза не пытается вернуть меня на полу-лежачее место.

– Черт, Лютер, но я клянусь тебе – на утряке его не было.

Я, на хрен, яйца свои ложу на это! Я все тут прошарил – не было никого! Откуда он здесь, мать твою, взялся?

Они вновь глядят на меня. Я настороженно перевожу взгляд с одного на другого, стараясь не выпускать их из виду так же, как они меня. Девчонка будто бы уже слилась со стеной – молчит и не двигается.

Только зрачки пляшут туда-сюда.

– Ты как сюда попал? – повторяет уже в сотый раз Рыжий вопрос, на который я не знаю ответа.

Отчаяние накрывает меня. В голове снова всплывает незнакомое, но угрожающее слово «трап». Я не хочу в трап, чем бы оно ни было.

– Я не знаю – повторяю я – клянусь, я не знаю, блин как сюда попал. Я даже не знаю «сюда» – это куда?

Наконец, Выпученные Глаза тоже встает с корточек. Скептически глядит на меня. Цокает и бросает Рыжему:

– Я, на хрен, не веру ни одному слову этого чертова хоплэта. Слишком много странного. Ты, блин, чувак сам что ли не видишь? Что за хрень у него? Ни у одного из нас такого нет.

Он вновь кивает в мою сторону, но что именно со мной не так я понять не могу.

– Надо бросить его в трап – вновь гнет свое Выпученные Глаза, подводя черту.

– Нет! – я вскакиваю – не надо в трап!

Видимо, я делаю это очень резко – потому что девушка

за их спинами вскрикивает, а они тут же выставляют руки вперед, готовые наподдать мне как следует.

В ответ на это я растерянно делаю шаг назад и упираюсь в холодную стену.

– Ты еще раз так сделаешь – полетишь туда, черт возьми, башкой вперед прямо сейчас! – кричит Выпученные Глаза, но видно, что злится он из-за того, что действительно испугался.

Почему они так меня боятся? Судя по тому, что я сам могу видеть, наклонив голову – я немногим сложнее Выпученных Глаз, и уж точно раза в два худощавее Рыжего.

– Ладно – я вновь выставляю руки вперед.

– Кинуть в трап его, Лютер – уже более остервенело повторяет Выпученные Глаза – кинуть в чертов трап этого чертова хоплэта и дело с концом, вот что я думаю!

– Угомонись, Ричи – обрывает его Рыжий – ты здесь пока не стал Папочкой-Боссом, так что захлопни варежку, будь добр.

Я озадаченно поглядываю на их странную перепалку.

– Мы не можем разбрасываться хоплэтами направо и налево – продолжает он, внушительно глядя на Выпученные Глаза – или тебе надо повторять, в каком мы дерьме? Этот придурок может чем-то помочь. Да и просто – пара рук у нас не лишняя.

– Пара рук, на которых *Это?* – не унимается Выпученные Глаза.

Это? Я поднимаю обе руки к глазам, чтобы увидеть, что с ними не так. Одна моя рука – совершенно обычная. А на второй закреплен черным узким ремешком маленький циферблат. Почему-то я знаю, что это часы.

Но эти – почему-то показывают не время. Вернее, так же есть цифры и они так же сменяются, но это больше похоже не на часы..

На дисплее виднеется:

«71:53:26»

При мне 26 сменяется на 25. Оно отсчитывает время назад. Будто.. таймер.

-3-

Я все еще изумленно таращусь на часы.

Но кто настроил этот таймер на 72 часа, зачем и что случится, когда все время истечет и везде останутся лишь нули?

Все трое замечают, что я таращусь на часы – и начинают таращиться на меня испытывающими взглядами.

– Впервые их вижу – признаюсь я – я.. но мне кажется, это таймер.

– Спасибо, умник – тут же фыркает Выпученные Глаза – чтоб мы, на хрен, без тебя делали. Мы видим, что это сраный таймер – какого хрена он делает на твоей долбанной руке и что он отсчитывает?!

Я жму плечами:

– Не знаю. Я впервые его вижу.

– Дай сюда – требует Рыжий и протягивает руку.

Я послушно расстегиваю ремешок, но едва циферблат перестает касаться моей кожи – все цифры пропадают и он гаснет. Рыжий тут же одергивает руки, словно от ядовитой змеи, а Выпученные Глаза аж подскакивает на месте:

– Какого хрена это сейчас было?! – шипит он.

– Что за черт? – хмурится Рыжий, но не берет протянутые часы и командует – а ну-ка, надень их опять.

– Зачем?

Выпученные Глаза замахивается для очередной затрещины:

– Надеть, мать твою, тебе сказали.

Я вновь обвиваю ремешок вокруг кисти и едва циферблат оказывается на прежнем месте – цифры появляются. Между тем, отсчет не был остановлен, потому что добрых 30 секунд как не бывало. Просто дисплей погас.

– Теперь сними – командует Рыжий.

Я снимаю.

Дисплей вновь гаснет.

– Чертовщина.. – шепчет Выпученные Глаза и поворачивается к товарищу – говорю тебе, с этим хреном что-то не так. Как он вообще здесь появился! Я знаю все углы – он что, в воздухе из атомов собрался, черт его подери?!

– Успокойся, Ричи – вновь требует Рыжий, хотя сам взволнован.

После чего глядит на меня:

– Надень эту чертовщину и не снимай. Пока что.

Я послушно натягиваю часы уже в третий раз обратно на запястье и дисплей вновь загорается.

– Ричи – он кивает Выпученным Глазам на выход из помещения – ты первый. Ты – теперь мне – тащи свою задницу следом и не вздумай что-нибудь выкинуть, понял?

– А куда мы пойдём? – озадаченно спрашиваю я.

– Какое твое собачье дело? – огрызается Ричи – скажи спасибо, что он пока не соглашается кинуть тебя в трап.

– Спасибо – бормочу я.

– Давай шевелись – подталкивает меня Рыжий, когда Ричи скрывается в проходе – надо показать тебя остальным хоплэтам.

– Остальным? – вскидываю я брови, между тем оказавшись в этой цепочке Ричи-Лютер/девчонка посередине, без какой-либо возможности дать деру – а есть еще?

Он не отвечает мне.

– Где я вообще? Может ответите, наконец.

– Ты в Хоплесе, Везучий. [*прим. Хоплес (hopeless) – безнадёжность, отчаяние.*] С чем тебя и поздравляю.

-4-

Я шурюсь:

– Хоплесе?

Это что, шутка какая-та?

– Да – кивает Ричи, идя впереди меня – это Лютер так назвал его.

– Кого?

– Не кого, а что. Тот кусок дерьма, в котором мы все очухались.

– Очухались?

Вопросов все больше – но, кажется, никто не собирается мне на них отвечать. А когда я начинаю допытываться усерднее, Ричи окончательно выходит из себя и больно толкает меня локтем в бок, обернувшись:

– Слыш, захлопнись и иди тихо. Если ты думаешь, что из-за часиков на ручке стал треклятой золушкой и можешь тут все от всех требовать – ты глубоко ошибаешься, хоплэт. Еще раз – и я съезжу тебе по роже.

Но теперь Ричи пугает меня уже не так сильно. Мне хватило шариков в башке разобраться, что главный из них двоих – Лютер. И меня никто не тронет – пока Лютер не даст добро. По крайней мере, хочется в это верить. Потому что тот менее вспыльчивый, чем Ричи.

Что представляет из себя девчонка – я вообще пока не понял. Она постоянно молчит, а как только я перевожу на нее взгляд – тут же тупит глаза в пол.

– Можете хотя бы сказать, сколько вас здесь? – подаю я голос вновь.

– Достаточно, чтобы, на хрен, навалить тебе по очереди и

заставить держать свой сраный язык за зубами – вновь шипит Ричи, на этот раз без кулаков – тебе еще придется объяснять, откуда ты сюда свалился. Не думай, что все забыли об этом, черт тебя подери.

– Отвяжись ты от Везучего – наконец, вмешивается Лютер – надо еще во всем разобраться. Посмотрим, что скажут хоплэты.

– О да, я посмотрю, что они скажут – язвительно фыркает Ричи, не переставая идти вперед и поворачивать там, где считает нужным – особенно, когда узнают, *где* я его нашел и *что* у него на руке. Я с радостью посмотрю, что они после этого скажут.

Наконец, я слышу едва различимый тонкий голосок девочки. Судя по всему, говорит она Лютеру:

– Что все это может значить? Все это время мы пытались..

– Помолчи, Ди – так же тихо отвечает он ей – я сам не знаю, но сожри меня чертовы аллигаторы, если это случайность. Я пытаюсь разобраться – но пока ничего в голову не лезет.

Я иду вперед так же ровно, стараясь делать вид, что ничего не слышу. Может быть, если они не заметят, как нагреваются мои уши, то скажут еще что-нибудь. Хоть что-нибудь, что поможет мне разобраться в этом безумии, котором я оказался.

Но нет – он заканчивает и девочка больше не говорит ни слова.

Я разочарованно вздыхаю, но вздох получается каким-то надрывным, едва ли не стонущим.

– Хорош скулить – фыркает Ричи – еще начни звать мамочку.

– Да отвали ты от него, Рич – уже более требовательно повторяет Лютер – вспомни себя в первый день. Сам-то..

– Не сравнивай жопу с пальцем, Лютер – резко оборачивается Ричи и наставляет на него палец – у меня на руке не было долбанных часов с таймером, и я не свалился черт знает откуда, будто изверженец чрева Девы Марии! Я, на хрен, очухался вместе с вами со всеми, так что не сравнивай нас!

– Я просто хочу, чтобы ты угомонился, Рич – примирительно повторяет Лютер – только и всего. Мы все на взводе, но я хочу, чтобы ты держал себя в руках, чувак, окей?

Они оба замолкают и мы продолжаем путь.

Из всего сказанного, я соображаю лишь немного. Выходит, это какое-то странное место, которое Лютер, наверное, неспроста назвал Хоплесом. Они, и какие-то еще люди, которых фиг знает сколько и к которым они меня ведут – очутились здесь так же какое-то время назад. И судя по заявлению Лютера – так же с большими пробелами в памяти.

Пока это все какая-та белиберда. Почему они не уйдут отсюда? Как сюда попали? Где это – здесь? Почему они постоянно говорят о каких-то хоплетах и трапе? И что такого в моем появлении, что именно я подвергаюсь таким подозрениям и обвинениям, если они в свое время все ничего не

помнили?

А помнят ли теперь?

Оглядываться мне не запрещает никто – так что кое-что из окружающего обрывками отпечатывается в моей памяти. Мы идем слишком быстро, чтобы я разглядел все, но на одном из поворотов мне бросается в глаза большое деленное на сектора помещение. Оно справа от коридора – множество столов с компьютерами, креслами и ящиками. Каждый такой стол-комп-ящик отделен стеклянной стеной от другого. Они стоят плотно друг к другу.

Очень похоже на офис или типо того.

Офис. Очередное нелепое воспоминание в памяти.

На полу валяются хаотично какие-то бумаги, часть шкафчиков вывернута. Какие-то провода, какие-то кресла вдалеке перевернуты..

Такое чувство, что это место покидали в спешке, или оно просто очень давно закинуто. Типо, не настолько, чтобы начали лазать пауки и крошиться стены – но достаточно, чтобы почувствовать здесь прохладу опустения.

Какого-то жуткого опустения.

Пройдя еще один подобный поворот, я понимаю, в чем тут дело. Все освещение – холодное. Никаких теплых оттенков.

Запрокидываю голову кверху, чтобы понять, что именно освещает – но не нахожу ни одной видимой лампы.

– Шевелись – Лютер нетерпеливо подталкивает меня в стену, когда я сбавляю шаг.

– Нет ни одной лампы – замечаю я.

– А то мы без тебя не заметили, умник хренов – вновь огрызается Ричи.

– Наверное, освещение встроено в стенах или под потолком – бормочу я скорее сам себе, пристальнее разглядывая все углы – если датчики запрятать, сделав чувствительными на движение, то не понадобятся и выключатели. Они будут сами включаться, когда вы проходите и..

Я замолкаю, врезавшись в спину Ричи.

Все трое резко остановились и выпучили на меня глаза. Я осторожно гляжу с одного на другого:

– Что?

– Что ты только что нес? – щурится Лютер.

– Я..

– Откуда ты на хрен знаешь про какие-то там движения? Что ты вообще имел ввиду? Ты знаешь, как здесь устроено освещение?

С каждым словом подозрения в его голосе все увеличиваются.

– Нет.. я.. не знаю, я просто предположил.

– А откуда у тебя это взялось в черепушке? – цедит Ричи.

– Я не знаю.. может, я был электриком или типо того? Ну.. раньше, там где я не помню..

Ричи и Лютером многозначительно переглядываются.

– А вы что, этого не знаете?

– Нет, Везучий – соглашается Лютер – никто из нас этого

не знает. Но знаешь что самое интересное?

– Что?

– Освещение здесь и правда реагирует на наше движение. Интересно, что ты единственный из нас это узнал раньше, чем увидел.

-5-

Остаток пути мы идем в молчании.

Я буквально чувствую каждой клеточкой тела то нарастающее напряжение между нами четырьмя. После того, как я заявил о свете и случайно попал в точку – они вообще по-мрачнели.

Но я и правда сам не знаю, откуда это узнал.

Просто.. мне это показалось логичным? Правильным? Типо, как протянуть руку, если человек упал или прикрыть рот, если кашляешь. Это как бы пришло на ум само собой.

Я не знаю, откуда оно там взялось. Как и то, что надо глушить рыбу.

Может, я и правда был электриком? А никто из них не был – тогда это объясняет, почему я первый догадался об этом. Но они не хотят это особо слушать – я для них сейчас неизвестная опасность, судьбу которой должны решить остальные хоплэты.

Знать бы еще – кто они, сколько их и такие же ли они говнюки, как Ричи?

Лично я опасуюсь их не меньше, чем они меня. Неизвестные люди, которые бьют по щекам, тычут локтями в бока, постоянно велят заткнуться, тащат непонятно куда и то и дело грозят связать и кинуть в трап. Кто из нас еще подозрительный?

Наконец, следует последний поворот и я утыкаюсь в спину Ричи, не успев вовремя затормозить. Впрочем, мне кажется он нарочно не сбавлял темпа, чтобы это случилось. Потому что едва я ткнулся в его спину, как он резко обернулся и прошипел:

– Мать твою, у тебя глаза на заднице или че, хоплэт долбаный?

Я ничего не отвечаю и оборачиваюсь на Лютера. Он смеяет меня тем же подозрительно-вдумчивым взглядом, после чего обходит Ричи и выходит вперед. Девчонка спешит за ним. Она так за ним везде носится, что у меня закрадываются подозрения – это либо его сестра, либо девушка.

Наконец, Ричи тоже уходит в центр и я остаюсь у входа сам, наконец в силах разглядеть, куда же мы пришли.

Это большое помещение – наверное, даже огромный холл. Самый большой из тех, что мы проходили по пути. В центре у стены большое окно, почти от пола до потолка. Судя по виду оттуда – сейчас день. Я даже слышу вроде бы глухой шум машин из-за него..

В центре этого холла, недалеко от окна, расположены куча кресел. Кресел, стульев и прочей белиберды, которую, оче-

видно, натаскали с других участков Хоплеса. Посередине – замацанный серый ковер. И на креслах, и на ковре сидят люди.

Их штук 20, не меньше. Девчонки и парни, примерно повзросле – и все примерно того же возраста, что Ричи с Лютером. Не старше 17-ти, кто-то на вид даже помладше, но может это только кажется. Вид у них усталый, у кого-то даже раздраженный. Кто-то сидит, кто-то правда что-то делал, пока мы не вышли.

Но теперь замерли все. И таращатся на меня.

Так, будто я что-то вообще не с этой планеты. Неужели это только из-за часов на руке? Понимаю, что инстинктивно прикрыл их невзначай ладонью, потому пока увидит они их не могли. Что тогда их так поразило?

Какое-то время не слышно ничего, кроме глухого гула машин.

А следом одна девчонка, лет 17-ти с собранными длинными рыжими волосами на макушке, встает и претенциозно осведомляется у Рыжего, нахмутив брови:

– Это кто такой, Лютер?

Тот скрещивает руки на груди и вновь переводит на меня взгляд:

– Еще один хоплэт.

– Шутишь что ли? – лицо ее становится более жестким – думаешь, сейчас время?

– Делать мне больше нечего – злится он – или ты глазам

своим уже не веришь? Видишь, стоит перед тобой, как чертово изваяние. И если тебя это всполошило – то приготовься удивляться еще дохрена количество раз, потому что это далеко не все.

Я мнусь и все еще прикрываю часы руками, хоть и не знаю, что в них такого ужасного.

Все взгляды вновь устремляются на меня и начинается настоящим человеческий галдеж. Среди обрывочного жужжания фраз, я чаще всего улавливая слова «хоплэт», «откуда» и «Они».

Они – это что-то новое, но так же не дает в целом никакой информации.

– Тихо все! – баритон Лютера эхом разносится по холлу и все мгновенно умолкают – заткнулись.

– Где вы его нашли? – уже другой парень.

– Я его нашел – Ричи важно делает шаг вперед, ближе ко мне, словно вставая рядом со своим трофеем, но не близко, дабы он его не покусал – в отсеке 24-А.

И вновь галдѐж, стопорящий рассказ.

Лютеру приходится прикрикнуть на тех, кого он называется хоплэтами, еще пару раз, прежде чем в помещении воцаряется долгожданная тишина.

– Ричи – кивает он ему.

– Да, я нашел этого хрена в отсеке 24-А.

– Но как он туда попал? – другая девушка.

– Знаешь, что самое интересное, конфетка? – скалится

Ричи и девчонка враждебно кривится – то, на хрен, что за десять минут до этого я делал там обход и им там даже не пахло! Твою мать, его там не было! А когда я возвращался – уже лежит там, чтоб его!

– Не может быть – бормочет один из парней.

– Не веришь? – с вызовом шипит Ричи – Ди подтвердит, она была со мной. Ди?

Девчонка, что все то время третьей стояли за их спинами, поправляет светлый локон и кивает:

– Да, его правда не было. Мы заметили его на пути обратно.

– Он еще был в отрубке – кивает Ричи – очухался при нас.

И там пошло самое интересное.

– Хватит, Рич – тут же обрывает его Лютер – спасибо за рассказ.

– Я еще не закончил! – начинает пылить тот.

– Я сказал спасибо за рассказ, Рич, а теперь захлопни варежку, мать твою, и вернись на свое долбанное место, пока я тебе, на хрен, не помог.

Ричи сверкает глазами, но в итоге подчиняется ему.

– Спасибо – уже более спокойно говорит ему Лютер, словно ничего и не было.

Я все так же стою, глядя на ребят. Они все разные – по росту, весу, цвету коже и расе. Настолько, что и вообразить сложно. Но одно их объединяет – примерно одинаковый возраст. Интересно, я того же возраста, что и они? Или наобо-

рот – и потому выгляжу еще подозрительнее?

– Хоплэт зовет себя Везучим – заявляет Лютер и по холлу проходятся приглушенные смешки.

– Лаки – поправляю я – это мое имя.

– Да мне плевать, чувак – теперь он вновь становится серьезным за одно пугающее мгновение – хоть мистер Мак-Дак.

– Везучий.. – слышу с одной стороны.

– Ага, походу удача его покинула.. – приглушенный гогот с другой.

– Везучему не повезло..

Но прямо ко мне не обращается никто. Даже смотрят лишь украдкой, стараясь не встречаться надолго взглядами.

– Заткнулись все! – вновь требует Лютер и все опять за-тыкаются.

Ага, теперь у меня нет сомнений – он главный не только в тандеме с Ричи. Судя по всему, он в принципе здесь самый главный, чем бы это «здесь» не было. Надо быть с ним поаккуратнее, пока не разберусь, что за фигня здесь творится.

– Значит, надо решить что с ним делать.

Он подходит ко мне и дергает за руку, заставляя поднять ее вверх и обнажить часы на запястье.

– У Везучего на руке часы. Это таймер, он поставлен с отчетом на 72 часа. Что будет по истечению этого времени – Везучий не знает. По крайней мере, так говорит. Кто их надел – он тоже не знает. Зато..

Лютер ловким движением сцепляет с меня часы и демонстрирует хоплэтам погасший экран, вызывая новую взбужденную волну перешептываний.

– Зато мы знаем, что они не работают, если не касаются кожи Везучего. Но если мы надеваем их снова – он это проделывает – то они опять продолжают отсчет.

– А что, если их снять и все? Тогда отсчет не будет идти? – предлагает та рыжая девушка.

– Мы по-твоему совсем идиоты, Сью? – осведомляется Лютер – и не попробовали этого? Не канает. Часы продолжают отсчет, но только мы его не видим. На Везучем же – можем глядеть.

– Дерьмово – заявляет один из парней, и враждебно смотрит на меня – а что, если этот таймер отсчитывает время до какой-то фигни? Что тогда делать?

– Ты хочешь, чтобы я тебе ответил? – злится Лютер – ты тупой или глухой? Я сказал – мы не знаем, что они отсчитывают и что с этим делать. А теперь заткни пасть и слушай дальше. Это не все.

Парень замолкает, продолжая недобро коситься на меня.

Впрочем, добрых взглядов среди них мне сейчас сложно найти. Либо растерянные, либо враждебные, либо вообще не смотрят – но добрых ни одного. Типо, чтобы сочувствовали или что-то в этом роде.

– Мы не знаем, как Везучий попал в 24-А. Этот сектор давно исследован вдоль и поперек – выходов, как и входов,

там нет. Даже для крысы – не говоря про эту шпалу – он вновь кивает на меня, хотя я не выше всех присутствующих.

– Но как-то попал – вновь вмешивается Ричи – этот сукин сын как-то там оказался. Что, если это те хрены запихали его сюда? Типо подсадного? Чтобы он все портил и в конечном итоге всех нас перебил, а?

– Ты совсем больной? – не выдерживаю я и жалею об этом. Ричи тут же замахивается на меня. Лютер оттаскивает его, но тот успевает дважды залепить мне затрещины:

– Не смей со мной так болтать, хрен собачий! Лютер, бога ради, клянусь его надо кинуть в чертов трап! В трап, мать твою!

Лютер дает ему подзатыльник:

– Хорош! Я сказал – остынь, Рич. Приди в себя и заткнись, или убирайся, пока мы не решим.

Я прикладываю ладонь к саднящей щеке. Этот парень точно псих. С ним связывайся-не связывайся – он все равно кидается, точно бойцовая дикая псина.

– Что он может еще испортить? – добавляет Лютер – я тоже не в восторге от этого хоплэта, но надо смотреть трезво. По-моему, глубже в дерьме нас не закапать?

– Ага, если не брать во внимание часики на его долбанной руке с обратном отсчетом – возмущенно цедит Ричи – и ты забыл рассказать ту интересную деталь, что этот говнюк знает, как устроено освещение в Хоплесе!

Вновь взбодороженная волна шептаний.

– Ага – самодовольно оглядев эффект, оказанный его словами, кивает Ричи – ублюдок знает, как оно здесь работает. Откуда интересно, если он просто один из нас? Я ни черта подобного не знаю, Лютер тоже. Может кто-то из вас в курсах, а?

Но никто не отвечает.

– Вишь, Лютер – бросает он ему – никто не шарит, как здесь что горит, а этот сразу сказал. Я тебе говорю – он как-то связан с той хренью, в которую мы влипли.

– Если бы так – он бы сам в нее не влип – резонно замечает Рыжий – он сам здесь же на тех правах и тоже ни хрена не помнит.

– Еще проверить надо!

– Он ничего не помнит? – рыжая девушка.

– Да, как мы – кивает Лютер – только свое имя и некоторые ничего не значащие фрагменты из прошлого. Но ни кто он такой, ни откуда, ни как сюда попал и что произошло..

– Ничего – подтверждаю я – клянусь, я ничего из этого не помню. Но если честно – немного не догоняю, что здесь происходит? Может, если по поводу меня уже объяснили – объясните и мне?

– По поводу тебя ни хрена еще не объяснили, хоплэт воюющий – бесится Ричи – заткни свою пасть, пока я это не сделал!

– Короче – подытоживает Лютер – у нас есть хоплэт, который хрен пойми как взялся в отсеке 24-А, у которого на

руке часы с таймером на трое суток, и который утверждает, что как и мы ни черта не помнит. Надо решить, что с ним делать и прямо сейчас.

– В трап его и не хрен тут решать! – тут же вопит Ричи – два месяца мы здесь сидим баранки крутим, ищем найти не можем даже дырку – а тут этот появляется как с неба, с часами, и мы должны поверить, что он не при делах?! Избавимся от него и груз с плеч.

– А я не думаю, что он засланный – подает голос та рыжая девчонка, глядя на меня в упор. После чего переводит взгляд на Лютера, минуя Ричи – посмотри на него. Он разве что не рыдает сейчас, да к мамочке не просится. Напуган не меньше нашего в первый день. Сомневаюсь, что он первоклассный актер – а значит не играет. Они могли нацепить на него часы, чтобы о чем-то нас предупредить, а не для того, чтобы мы кинули его в трап. Тем более, если он знает про освещение... – он делает паузу – может, позже он вспомнит и еще что-то?

– Ага, как всех нас перемудохать! – с жаром кивает Ричи – это он хорошо вспомнит! Ты дура, Сью – ему нельзя доверять!

– А я не прошу ему доверять, придурок! Я лишь говорю, что не стоит бросать его в трап, не разобравшись что к чему.

– Что такое трап? – наконец спрашиваю я, решив облачить для себя эту угрозу во что-то более конкретное, но меня никто не слушает.

Следует череда криков, которым Лютер дает какое-то вре-

меня побушевать. Наверное, это и подразумевается под обсуждением. Кто-то кричит более громко и с жаром тычут в меня пальцем типо Ричи, кто-то высказывается более спокойно, но твердо. Кто-то и вовсе предпочитает промолчать, подавшись большинству голосов.

От мысли, что эти люди могут сейчас решить кинуть меня во что-то под названием «трап», тем самым «избавившись от меня» – становится дурно.

Наконец, Лютер проходит в самую середину. Они утихают и кружком собираются вокруг него. Вместо гула появляется едва заметное жужжание – шепот голосов. Так проходит несколько томительных мгновений, когда Лютер вновь разворачивается ко мне.

– У хоплэтов разнятся мнения. Одни считают – что ты опасен и тебя надо кинуть в трап. Другие считают – что ты такой же, как мы, и тебе надо дать шанс. Короче, с очень небольшим перевесом голосов тебя решили оставить. Выходит, ты и правда везучий. Хотя черта с два я бы назвал везением пребывание в Хоплесе.

Не успеваю я сказать и слова, как он устало отмахивается:

– Не спеши открывать рот. Это не все. Мы оставляем тебя с чередой условий.

Глава 2.

Не успеваю я что-то понять в том, где я и что я, как мне уже собираются приставить ряд условий для того, чтобы я «тут» смог остаться.

А кто сказал, что я хочу?

С этими идиотами, считающими меня чокнутым или подсадным. Может, мне лучше рассказать, какого хрена здесь твориться и как отсюда смыться?

Но гляжу на Лютера и понимаю: сейчас мне лучше держать рот на замке. Для трещания еще выдастся время, наверное.

– Короче – подытоживает он, серьезно глядя на меня – у тебя сейчас будет, так называемый, испытательный срок. Ты должен будешь показать нам, что ты не хрен какой, как говорит Ричи, который отмудохает нас всех или не подсадная утка. Еще надо разобраться с твоими долбанными часами. Короче, мы должны понять, что ты точно чист и тебе можно доверять. До того момента у тебя будет ряд ограничений.

– Ограничений? – уточняю я, хмыкнув.

– Закрой пасть и слушай – шипит Ричи – если что, я голосовал за то, чтобы кинуть тебя на хрен в трап.

– Как будто это секрет – бормочу я, но благо он меня не слышит, потому что Лютер уже продолжил.

– Первое, и самое главное – говорит он – один из хоплэтов в порядке очереди постоянно будет рядом с тобой, Везучий. Следить за тобой, приглядывать.

Хочу возмутиться или состричь на счет сортира – но все

так запутано и непонятно, а мое здоровье сейчас каким-то образом зависит от пары дюжин этих ребят, потому решаю промолчать и на этот раз.

– Второе – ты получаешь работенку наравне со всеми. Но в отличие от олдových хоплэтов – у тебя не будет какой-то конкретной ботрачки. Будешь каждый день трудиться там, где трудится хоплэт, чья очередь в этот день за тобой смотреть. Это для того, чтобы присмотр тебе мог быть оказан всегда.

Работа?

– Третье. Ты слушаешь, Везучий? – Лютер изгибает бровь и его строгий взгляд скользит по мне, словно желая найти все изъяны.

– Да – киваю я, вновь рефлекторно прикрыв ладонью часы, хотя их все уже видели и обсудили – работа, я слушаю.

– Уже не работа, мать твою, слушай внимательнее. Потому что если нарушишь условия – отправишься к чертовой матери в трап под личным руководством Ричи.

Перспектива этого и правда заставляет меня подсобратиться и сильнее сосредоточиться на словах Лютера.

– Значит.. третье. Пока ты не получаешь всей инфы, что мы подобрали о Хоплесе. Расскажем лишь кое-что, необходимое для того, чтобы ты мог нормально понимать свою ботрачку и в общем наши цели здесь. Что и как. Остальное – только когда закончится испытательный срок.

– И когда он закончится?

– Когда ты заслужишь доверие, долбаный ушлепок –

фыркает Ричи и вновь начинает свою шарманку – он ни хрена не понял, Лютер, с ним возится что сортир бумажкой драить – никакого толка, этот хоплэт все равно все напорет! Давайте уже его в трап и закончим это все на фиг.

– Рич, уймись – цедит Лютер сквозь зубы – голосование проведено, решение принято большинством голосов. И мне плевать, что ты думаешь об этом, усек?

Ричи вновь шипит что-то про «долбанных ушлепков с ча-сами», но все-таки в итоге замолкает.

– Итак.. мать твою, Рич, из-за тебя забыл, какой пункт сказал!

– Третий – подсказывает рыжая девушка – про инфу рассказал.

– Да, спасибо, Сью – кивает он – ага.. ну и последнее. Тебе в любое время дня и ночи запрещается самому расхаживать по территории Хоплеса, что-либо смотреть, делать и уж тем более брать. Не важно – отвлекся твой хоплэт-надзиратель, или ты сам улизнул у него из-под носа. Если вдруг такая фигня случится – путь тебе в трап заказан. И мне плевать, почему и зачем ты это сделал, окей?

– Окей – киваю я, сам еще не до конца понимая, с чем именно соглашаюсь.

– Так.. ну вроде все. Ну и конечно общие правила для всех хоплэтов, разумеется.

– Что за общие правила?

– Не трогать девчонок, отбой и подъем по времени, жрать

только вместе со всеми.

– А почему.. – даже не знаю, что здесь меня удивляет больше. Что у стаи подростков, огражденных от правил – появился собственный устав, то, что они ему подчиняются или то, какими глупыми в нынешнем свете кажутся эти правила?

– А почему мы не можем общаться с девчонками? – говорю я в итоге. Смотрю на девчонок – они вроде сидят все вперемешку, никто особо не отгораживается.

– Не трогать девчонок и не общаться с девчонками – разные вещи, Везучий. Конечно, если они сами будут не против – можешь и потрогать, так сказать, да только за два месяца не наблюдал я здесь ни у кого романтического настроения. Как-то нам ни до этого.

– Жрать без спроса нельзя – предубеждая мой следующий вопрос, продолжил он – потому что неизвестно сколько еще еды здесь есть и насколько хватит. Едим – не чтобы в кайф, а чтобы могли дальше работать. По этой же причине подъем и отбой у всех общий – потому что кумекать над выходом отсюда мы можем только общими стараниями всех сфер холпэтов, а если одни будут обедать, когда другие только встали, а третьи легли – ни черта из этого не выйдет уж точно. Еще вопросы?

– Ты сказал – встаете и ложитесь в одно и то же время. В какое?

Все вновь приглушенно зашептались.

– Часы есть только у тебя, умник хренов – фыркает Ричи –

и это тебе далеко не преимущество. У нас этих хреновин нет. Мы ориентируемся по окну. Как только потемнело – отбой. Как рассвело – подъем.

– Да, по очереди спим возле самого окна. Солнце чуть встанет, и тому хоплэту что возле окна – сразу лучи в рожу бьют – кивнул Лютер – а он уже всех остальных будит.

– Ага. А Почему хоплэты?

Лютер смотрит на меня, как на идиота:

– А кто еще живет в Хоплесе, Везучий?

– Почему просто не называть друг друга по именам?

– А ты их все запомнишь? – он окидывает небрежным взглядом ребят – мы здесь узники, а не друзья. Я знать не знаю имен и доброй половины, и не особо жажду запоминать. А они мое знают – только потому что благодаря мне все еще не сдохли и не перегрызли друг другу глотки. Проще, когда все мы обозначаемся одним словом.

– Хоплэты.. – повторяю я озадаченно, смакуя слово – если дословно, то получается что мы *отчаявшиеся найти выход из Отчаяния?*

Впервые я вижу на его угрюмом лице горькую усмешку:

– Все верно, Везучий. Наконец-то ты начинаешь смекать. Добро пожаловать в Хоплес.

-2-

Однако, я совсем не собираюсь здесь оставаться без яв-

ных причин. У меня много вопросов, и уверен, на большинство из них они могут дать ответы. Но перед тем, как Лютер пускается в краткую «ограничительную» историю о Хоплесе для меня, я спрашиваю то, что волнует меня уже давно.

– Что такое трап?

Лютер смотрит на меня какое-то время, после чего мотает головой:

– Нет, Везучий, это тебе пока рано знать. Единственное, можешь мне поверить – тебе точно никогда не захочется там оказаться.

– Почему рано? Вы так много о нем говорите, и угрожаете им, а что это такое – я знать не могу?

– Держи свои возмущения при себе, хоплэт – резко отвечает он, давая понять, что с ним пререкания плохи – сказал нет, значит нет. Но если тебе так невтерпеж – я могу тебе не рассказать о нем, а сразу показать. Но тогда ты там, на хрен, и останешься. Ну что, идем смотреть трап?

Я хмыкаю и Лютер удовлетворительно кивает:

– То-то. Значит.. что касательно всего этого дерьма, в котором ты плаваешь вместе с нами. Первое – и самое главное, пожалуй – спасательных жилетов нам не выдали.

Он смотрит на меня, а я молчу, не совсем врубаясь, что он имеет в виду.

– Мы в океане дерьма, плавать не умеем, а спасательных кругов нет – поясняет рыжая, единственная из девчонок не опасаящаяся прямо смотреть на меня – вот что имеет в виду

Лютер.

– Спасибо, Сью – кивает он ей – а то Везучий походу не Везучий, а Тупой. Ну да ладно.

Немноего-то прояснилось, но ладно.

– Итак. Мы, как и ты, Везучий, ни черта не помним. Ну, отдельные фрагменты до сих пор, бывает, всплывают в памяти.

– Я вот вчера вспомнил, что надо делать, если в переходник попала вода – скучаяще кивает парень из общей толпы – на хрен мне только это надо, если здесь ни одного проводника? Только если на тот свет.

Кто-то приглушенно хохочет, но Лютер не обращает на них внимания:

– В целом да. Память возвращается частями, обрывочная и зачастую бесполезная. Все мы вспоминаем то или иное, но большинство так и остается лишь белым листом .

– А почему мы ничего не помним?

– Мне откуда знать? – жмет плечами Лютер – если б знал, давно бы придумал, что с этой дрянью делать. Только в отличии от тебя, мы здесь появились всей гурьбой и сразу. Два месяца назад. Знаешь, как мы отсчитываем дни?

– Как?

Он подходит к столу и берет исписанные мелкими-мелкими палочками лист. Большинство из них зачеркнуто:

– Солнце встало – это один день. Одна палочка. Солнце село – день закончился. Палочка зачеркивается. Сейчас у нас

67 зачеркнутых палочек и одна ждет сегодняшнего заката. Из чего мы делаем вывод, что торчим здесь больше двух месяцев.

Он кладет лист обратно как ни в чем не бывало.

– Ручки мы нашли, когда обшаривали отсеки. В общем, появились мы здесь два месяца назад. Кучей, очухались прям в этом долбанном холле. Ни черта не помним – в жизни никогда друг друга не видели. А может и выдели – черт его теперь знает, если мать родную не помним. Короче, естественно, сначала паника, все дела. Потом начали искать выход.

Неприятная горечь подступает к моему горлу, когда я понимаю, чем закончится этот рассказ.

– Короче, выхода мы пока так и не нашли.

– Но как-то же вы сюда попали?

– Ага, как и ты – кивает он – так же ни хрена не помним. Но мы хотя бы попали все вместе. Черт знает, может нас сюда занесли. А вот как здесь из пустого места очутился ты спустя два месяца – и зачем – гораздо интереснее.

Я закатываю глаза, так как даже история Хоплеса опять вернулась к подозрению обо мне. Лютер принимает обоснованность моего «замечания», потому возвращается к главному:

– Естественно, когда стало понятно, что мы в дерьме – появилась необходимость что-то делать, чтобы протягивать дни и искать выход. Тут и осозналась потребность в коллек-

тивной работе, да и вообще работе, так сказать. В собранности, сечешь? Если один будет работать – а второй ноги закинет да начнет мамочку звать, а при этом жрать будут по равному, но далеко так не уйдет. Нам понадобилось время, понимание и хорошие тумачи, чтобы признать, что мы должны действовать сообща, если хотим отсюда выбраться.

Но так и не выбрались – мысленно замечаю я, а моя отчаяние становится все больше. Теперь я понимаю, почему Лютер назвал это место Хоплесом, а нас всех хоплэтами.

– Мы не долбанная секта и не провозглашаем мир во всем мире – добавляет Лютер даже как бы с презрением – никто не заставляет водить хороводы друг с другом, лыбиться и говорить «доброе утро, сэр». Не хочешь – молчи, и так далее. Главное – выполняй свои обязанности и соблюдай правила. Дружелюбия от тебя никто не требует. Но нарочно создавать конфликты тоже нельзя – это стопорит общую работу.

Он так много талдычит об общей работе – но где ее результаты, если они все еще здесь? Где-то.

– Короче, батрачка у нас делится на несколько видов. Первые – кормачи, они ищут еду в секторах, шкафчиках и так далее. Короче, ответственны за то, чтобы мы с голоду иной день не сдохли.

– Здесь есть еда в шкафчиках? – уточняю я, но он пропускает мой вопрос, тем самым не давая задать и новый. Например, откуда она здесь и как за 2 месяца и 20 голодных людей до сих пор не кончилась?

– Вторые – пытаки. Они каждый раз обходят изученные сектора и пытаются найти выходы и лазейки, где бы эти выходы могли бы быть. Сейчас уже почти все сектора изучены, так что мы просто пробегаемся по ним и убеждаемся, что все еще в дерьме. Таким макаром тебя Ричи сегодня и нашел в 24-А.

– 24-А..

– А, да.. чтобы не запутаться, мы составляем схематичные наброски каждого отсека, и называем его как-нибудь. Как угодно – главное, чтобы не повторялось. Это помогает скоротать время при их обходе. И третьи – чистяки. Они ответственны за чистоту нашего быта, так сказать. Мы нашли пару тарелок здесь, едим руками, но это ничего. Ну плюс сортиры тоже сами себя не почистят, а если этого не сделать вонища стоит жуткая. Короче всей грязной в прямом смысле работой занимаются чистяки.

Я морщусь и Лютер ухмыляется:

– Вижу в твоих глазах, Везучий, вопрос: «кто согласится на такую работу?». Вот и узнаешь. Потому что рано или поздно к тебе будет приставлен хоплэт-чистяк и тебе придется заниматься этой самой работенкой целый день. Так, вроде все сказал. Ну.. из того, что тебе пока положено знать.

Я недоуменно вскидываю бровь:

– Так стоп. То есть вы, ребята, хотите сказать, что торчите тут два месяца, исследуете это.. самое место, ни черта не находите, ни черта не помните. Но продолжаете ничего не

менять и делать это по кругу, по кругу ни черта не находить, просто каждый день сильнее предыдущего бояться, что закончится еда, и при этом еще меня называете тупым..

Глаза Лютера тут же зажигаются от ярости. Он подбегает ко мне и толкает в стену, схватив за грудки:

– А что ты предлагаешь, Везучий? У тебя есть какие-то другие варианты? Может подскажешь, что нам делать, умник?

Я ловлю краем глаза движение справа и поворачиваюсь, насколько мне позволяет хватка Лютера. Движение быстрое, едва заметное – птица пролетела за окном. И меня осеняет:

– Вы говорите, что не можете выбраться. Но вы пытались это сделать через окно?

-3-

Чувствую, что хватка Лютера на мне немного слабеет. Лишь чуть, но это позволяет мне юркнуть вниз и выскользнуть из его цепких рук. Провернув это, я быстро подхожу к большому окну под напряженными взглядами остальных хоплэтов и смотрю вниз:

– Да, высота чертовская.. но можно ведь выбить и кричать, верно?

Я оборачиваюсь обратно, но теперь вижу, что Лютер выпустил меня не из-за недоумения. Или ошеломления снизошедшим озарением моей догадки. Он смотрит на меня скеп-

тично и даже как-то презрительно, скрестив руки на груди. Зато подает голос Ричи:

– Ты думаешь, тут кроме тебя все ушлепки полоумные? Мы уже все что могли сделали с этим сраным окном. Выбить никак – видимо пуленепробиваемое. Мы и так и сяк пытались – хоть бы трещинка одна появилась. Кричать тоже нет-нас не слышат. Днем делаем это..

Он подходит ко мне и подцепляет с пола большой белый лист бумаги. На нем написано ручкой «SOS» и раз сто, наверное, обведено для жирности.

– Кстати, какого хрена ее сегодня не прицепили? – осведомляется Лютер, на что отвечает рыжая девушка. Она так часто участвует в их разговорах, что я даже запоминаю, как ее зовут. Сюю:

– А смысл? Два месяца псу пол хвост. Всем либо насрать, либо ее никто не видит.

– Пофиг – отмахивается Ричи и вновь поворачивается ко мне, раздраженно испепеляя взглядом – а вечером мы дежури́м с фонариком перед сном. Посылаем сигналы через это окно в соседние здания. Но пока что все дерьмово – никто не откликнулся, как и сказала Сюю, за долбанных два месяца, так что окно можно сказать не в счет.

Я вновь изумленно гляжу в окно. Напротив нас, через дорогу, такие же высотные здания. Там наверняка кто-то живет. Плюс снизу ездят машины. Ходят люди. Я хмурюсь:

– Но как они могли не откликнуться?

– Хрен их знает, мне насрать, насрать почему им насрать и почему всем насрать. Если всем насрать почему мне должно быть не насрать?

В какой-то момент Ричи кажется сам запутался в хитро-сплетениях своих «насрать» в предложении.

– Ладно, сверху.. но мы на большой высоте. Кто снизу? Можно прыгать, кричать – они должны нас услышать?

– Не уверен, что снизу нас кто-то есть, Везучий. В Хоплесе семь этажей – вновь вмешивается Лютер – все их мы уже исследовали вдоль и поперек. Уверен, если бы под нами кто-то и был – он бы давно услышал наши крики. Ты просто не представляешь, как способны кричать 20 хоплэтов, в один момент обнаруживших, что они заперты в какой-то чертовой ловушке.

Я не желаю так просто мириться с тем, что окно невозможно задействовать для вылазки:

– Ладно. Есть еще окна?

– Ни одного больше – Лютер наблюдает со мной уже даже с какой-то насмешкой – ни в одном долбанном секторе. Ни одного окна или даже чего-то похожего.

– Оно единственное?

– Да. И совершенно бесполезное.

– Но..

– Поверь – устало перебивает он меня – за 67 долбанных дней, когда твоя единственная дума – выбраться, 20 хоплэтов успевают испробовать все. Все, что ты сказал – и все,

что еще будет приходиться в твою тщеславную полулю черепушку в течении недели.

– По-моему, если все так, как ты говоришь, то это повод отчаяться – язвительно замечаю я.

Они будто сонные муравьи. Неужели они смирились со своим поражением неизвестной природы и собираются и дальше уживаться тут с едой, идиотскими правилами, запертые черт знает где этой незавидной компанией?

– Наверное, поэтому я и назвал это поганое место Хоплесом – усмехается Лютер – и не думай, что мы тут болваны и сосунки. Все мы, когда только очухались, были как ты. Хотели мир перелопатить и рассчитывали уже к вечеру очутиться за пределами поганого гадства. Но, как видишь – мы все еще здесь. Все так же месим землю руками – но теперь уже подходим к этому с умом.

С умом? Это как? Каждый день делать то же, что и предыдущий – несмотря на то, что это не дает никаких результатов?

Однако, предложить взамен мне нечего, потому остается лишь промолчать. Лютер же воспринимает это как знак поражения и принятия их точки зрения:

– Вот и ладненько. Короче, сегодня мы уже свое отлопали – он смотрит на окно, за которым свечение уже стало теплым.

– Солнце к закату клонится – кивает Ричи – скоро отбой, мать его. Надо бы пожрать.

– Это точно – соглашается Лютер и глядит на меня – повезло тебе, сегодня без батрачки. А завтра закрепляю тебя за Сью.

Я мгновенно перевожу взгляд на рыжую девушку, которой, кажется, совершенно все равно что только что за ней первой прикрепили самого проблемного и опасного (по их мнению) хоплэта из их полоумной шайки.

– Сью! – окликает он ее и она встает с ковра, грациозно подойдя к нам. Смотрит в упор лишь на Лютера.

– Да? Я так поняла, новенький за мной завтра?

– Да. Покажешь ему что да как, да глаз не спускай. Я бы его лучше с Ричи кинул, но чувак пока не в себе. Боюсь, только проблем наживет нам. А мне пока нет времени с ним возиться, так что первая ты. Потом по очереди передашь за тобой.

У них уже есть упорядоченная очередь? Если я все правильно понял из слов Лютера – первыми в этой очереди перед Сью стоят лишь они с Ричи.

– Окей – она безразлично глядит на меня пару секунд – тогда завтра тащу его с собой.

– Сью у нас кормак – объясняет Лютер и хмыкает – так что завтра тебе унитаза не грозят. Слушай, черт его подери – он глядит на Сью – может этого хоплэта неспроста назвали Везучим?

– Посмотрим, как его удача проявится дальше – претенциозно дергает она плечами.

Я стою, не зная, что делать дальше. Но кажется, болтать со мной дальше никто не намерен. Так сказать, рамки «ограниченной информации» мне обозначили, что в них есть дали – а что за ними «ни-ни».

Я беспомощно оглядываюсь, когда слышится какой-то хлопок.

– Так, кому баранину? – Ричи открыл одну из консерв, правда я не успел увидеть, откуда он ее достал – короче, народ, этой банки на двое. Держите, девчонки.

Он дает ее двум девчонкам, после чего наклоняется и достает еще одну банку. Ага, понятно – он выуживает их из-под столика. Там небольшое темное отверстие – наверное, хранят от солнечных лучей. Хотя зачем, если в остальных комнатах окон и так нет?

– Эй, тушеная фасоль и фрукты – кричит он теперь уже, парадирюя какой-то акцент. Начинает раздавать хоплэтам еду на двоих, а те разбирают и рассаживаются по своим местам.

Почему-то я был уверен, что они будут есть вместе в одном месте. Откуда во мне эта уверенность, если я не помню, как надо есть и где я ел в прошлом?

Я мнусь. Во-первых, мне не шибко хочется подходить за едой к Ричи – уверен, ничего хорошо меня не ждет. Либо даст какую-то дрянь, либо не даст вообще – либо даст жестянкой по башке. Короче, все варианты не камильфо.

Очевидно, увидев мою озадаченность, Сью хмыкает:

– Пошли, Везучий. Возьмем еду.

– Меня зовут Лаки – поправляю я. Почему-то сильно бесит, что из-за Лютера ко мне прицепилось это дурацкое прозвище.

– Да мне плевать – признается она – но если тебе так хочется..

Однако, я рад, что банку мы возьмем на двоих именно со Сью. Может, тогда Ричи не будет выпендриваться или пытаться вновь на меня наброситься – только теперь уже с тяжелым предметом в руках.

– А с кем ты обычно ешь? – спрашиваю я.

– Ты странный – фыркает она – как придется. Какая разница, с кем брать банку? Главное не с Беном, он всегда жрет больше отпущенной половины, а так плевать вообще. Поел и все. Не усложняй.

– Окей.

Решаю пошутить, чтобы разрядить обстановку, и с нарочитым участием спрашиваю, оглядывая хоплэтов в очереди:

– А который из них Бен?

Уловка действует. Сью едва заметно дергает уголком губ и кивает в сторону крупного парня:

– Он.

У него густая черная шевелюра и огромные ручища. До этого мне самым мощным казался Лютер, но очевидно я не заметил вовремя Бена.

– Я думал увидеть толстяка – признаюсь я – а не..

– У нас толстяков не водится – замечает она – все постоянно в работе, в движении, а еды не так уж много. Поэтому даже если умудряешься кого-то объесть – это уходит в мышцы, а не жир. Жиру в нас откладываться попросту некогда.

Я киваю.

Наконец, очередь доходит до нас. Ричи дружелюбно ухмыляется, увидев Сью, но тут же мрачнеет, когда замечает меня:

– Решила пожрать с придурками, малышка Сью? – уточняет он, трясая жестянку дольше положенного, и все сверлит меня взглядом.

– Если бы я решила пожрать с придурками, то пригласила бы тебя, зайчик – язвит она ему в ответ и выхватывает банку прямо из рук. Он усмехается:

– Ловко, ловко, детка.

– А то. Кто ж тебя научил ими жонглировать, не забывай.

Кажется, Ричи отвлекается от меня, потому что больше не переключается на эту тему – а едва отходим, всучает банки уже следующим.

– С тобой он ладит – замечаю я очевидное, когда мы садимся на уголок одного из ковров и Сью открывает консерву.

– Ричи со всеми ладит – жмет она плечами, словно сказала что-то обыкновенное. Оторвав острую крышку, она прямо ногтем делит содержимое пополам.

– Лютер же сказал, у вас есть пара тарелок..

– Да, когда консервы жидкие или сладкие. А это ты что,

руками не выковыряешь, или ты белоручка, Лаки? – она с вызовом глядит мне прямо в глаза.

Однако то, что она все-таки назвала меня по имени, заставляет меня не затевать очередные разборки и молча согласиться с этим. Тем более, в том дерьме, где мы оказались – есть руками из банки не самое страшное, что может быть.

– Ты сказала, Ричи со всеми ладит – напоминаю я, когда мы приступаем к еде – это ты пошутила так?

– Я похоже на шутницу?

– Если честно, то нет.

Какое-то время она молчит, после чего заявляет:

– На самом деле Ричи душка.

– Ага – бурчу я, а моя щека будто бы заново начинает саднить от его ударов – я заметил.

Она глядит на меня с прищуром, словно я нытик какой-то:

– Просто они с Лютером одни из первых смогли унять свою панику и попытаться хоть как-то нас организовать. Поэтому понятно, что он так горячо болеет теперь за сохранение этого порядка – ведь это единственное, что нам остается. Он просто охраняет свое детище и все. Но сам видишь – он не шибко мощный, и громким «лаем» просто пытается выглядеть грозным. Если с ним не воевать – он даже веселый и забавный. Бывает вечерами морит шутки или типо того, поднимает в нас дух, иначе говоря, когда мы совсем впадаем в отчаяние.

Я придаю внимание той детали, как Ричи дурачился и гри-

масничал с хоплэтами, пока раздавал банки. Однако, это все равно не меняет мое мнение о нем:

– По мне – он полный псих и придурок.

– Не меньший, чем ты – осаждает она меня.

– Да я..

– Я ем в тишине – перебивает меня твердо – либо затыкаешься, либо я забираю всю банку и доедаю сама, усек?

Ясно, видимо было ошибкой критиковать при ней Ричи. Ну конечно, глупо было думать, что она вдруг начнет кивать головой и соглашаться с тем, что один из их лидеров полный придурок, а странный новый хоплэт – самый правый и притесненный, даже если все именно так и есть.

Лютер может затирать что угодно касательно того, что дружить никто ни с кем не заставляет – но уверен, как-то они уже притерлись за эти месяца друг к другу. А я чужак.

На мгновение я об этом забыл.

Когда все доедают, а солнце за окном совсем садится, Лютер начинает подгонять:

– Давайте, отбой. Реще делайте свои дела и отбой. Давайте-давайте.

Я иступлено гляжу, что кто-то куда-то уходит, кто-то преспокойно укладывается на коврах в шеренгу.

– Куда они идут? – спрашиваю у Сью, которая тоже направилась в сторону с теми некоторыми.

– В туалет. Если надо – идешь, если не надо – ложишься. Все просто.

– Мне надо.

– Поздравляю – фыркает она и уходит.

Однако, я спешу за ней, так как видимо туалет именно там. Парни и девчонки вновь стоят в одной очереди, поочередно ожидая, пока можно будет зайти в одну из пяти кабинок.

– Разве здесь не должно быть больше унитазов? В смысле, на каждом из этажей?

– Откуда ты знаешь? – она как-то странно сверкнула глазами.

– Мне кажется.. так должно быть.. Я не знаю, откуда это берется в моей голове, клянусь, но у меня такое ощущения просто.. я не помню этого, просто.. как будто знаю. Слушай, Лютер сам сказал, что со временем всем нам обрывками возвращается память.

– Да – кивает она – но что-то бессмысленное и бестолковое. А у тебя то освещение, то унитазы. Все в точку и все именно про Хоплес..

– Я правда не знаю, почему так.

– Почему-то я тебе верю – кивает она, но едва я хочу ее поблагодарить, как она добавляет – с таким безвольным выражением лица сложно что-то замышлять.

И мои благодарности так и остаются несказанными. Я хухлюсь и скрещиваю руки на груди, однако, и ответить ничего не могу – я понятия не имею, как выгляжу.

– Как думаешь, сколько мне лет? – спрашиваю я.

– Я тебе что, мамочка? Откуда мне знать.

– Ну.. на сколько я выгляжу? Мне кажется, ты лет на 17.

– Сам смотри и гадай.

– Куда смотреть?

– В сортире зеркало. Только не зависай там, а то Лютер разозлится. Отбой и так всегда затягивается из-за очередей в сортир. Если еще и ты там зависнешь, разглядывая себя любимого..

Теперь очередь и вовсе кажется мне бесконечной. Возможность увидеть, как я выгляжу, и примерно понять, сколько мне лет – в паре шагов от меня. Еле подавляю желание распахать всех и протиснуться без очереди.

Не из вежливости – просто отдаю отчет, что отпихну я максимум двоих, а от остальных помощнее отхвачу знатных тумачков и вообще окажусь в конце очереди.

Наконец, забегаю в кабинку и первым делом не ширинку расстегиваю, а гляжу в кусок стекла на стене.

На меня в ответ таращится худошавый парень с бледной кожей и загнанными синими глазами. Ресницы длинные, но этого сразу не приметить – они такие же белые, как и волосы. Верхняя губа чуть полнее нижней. Слишком выпирают ключицы из-под серой футболки, что висит на мне мешком, как на вешалке. Но в целом – да, я скорее всего примерно того же возраста что остальные. Вряд ли старше.

Я не знаю, как выглядят люди за пределами Хоплеса, но вспоминая выпученные глаза Ричи и сплюсненную физионо-

мию Лютера – могу позволить себе тщеславную мысль о том, что я самый симпатичный из них всех. Может, поэтому Ричи так фигово меня принял?

С другой стороны – я и правда откуда-то знаю про здешнее освещение. Однако, раз мне всего 17 – выходит, версия с электриком отпадает? Но кто знает, может мой отец в этом разбирался, поэтому и я смекаю?

Отец.. напоминание того, что я ничего не помню о своем прошлом, омрачает то, что я наконец то смог узнать, как выгляжу.

-4-

Путник бредет впереди всех остальных.

Он перетаскивает ноги по дороге, то и дело отпихивая пустые банки из-под газировки или пакеты из-под чипсов. Он устал, но он продолжает идти. Как и люди, что следуют за ним.

Он знает, ради чего он это делает.

Наконец, чуть поправляет платок, что закрывает его голову от солнца. Ночью же он использует его против ветра. Слегка сощурившись, поднимает глаза и смотрит на небо. После чего вновь устремляет глаза в даль.

Передышка закончена.

Он вновь продолжает путь, рефлекторно нащупав пистолет за поясом.

Ему нелегко, но он знает – Им еще сложнее. Намного и намного сложнее.

И времени у них осталось совсем мало.

Глава 3.

-1-

«58:02:14»

Столько времени показывает дисплей моих дурацких часов, когда я едва размыкаю глаза от громогласных требований «подъема» одного из хоплэтов. Того, что вчера назначили спать возле окна. Верещит, точно резаный – зато разбудил разом почти всех.

«58:02:05»

Выходит, с момента моего появления в Хоплесе прошло уже 14 часов.

Со стоном приподнимаюсь на локтях и оглядываю холл. Я вчера улегся на ковру рядом с каким-то парнем, которого не знаю. Лютер вообще ничего не говорил о правилах того, кто где спит – да и как вижу, парни в разброс храпят и просыпаются рядом с девчонками, но на хрен от беды подальше. Еще одной из них примерещится, что я там до нее лез, а это первое общее правило – и все, жди меня чертов трап.

Хоть я и понятия не имею, что это конкретно за хреновина такая.

– Давайте-давайте, шустрее – Лютер тоже уже встал и, по-

чесывая голову, подгоняет лежачих.

Ричи, проходя мимо меня, ожидаемо пинает мою ногу:

– Эй, ушлепок, тебя это тоже касается! Вставай и пой, мать твою, вставай и пой.

И вот эта вот дрянь «ладит со всеми»? Слабо верится. Либо здесь все просто одновременно съехали с катушек и им по кайфу этот придурочный.

– Вставай, черт тебя подери – повторяет он и пинает мою ногу еще сильнее, после чего язвительно добавляет – что показывают твои часики, принцесса? Кто тебе нацепил их на ручку, а?

Я ничего не говорю и вскоре Ричи уходит, бурча себе под нос что-то про «долбанных подсадных». Видимо, он все еще убежден в каком-то всеобщем заговоре, где я – главное зло.

Но на чем-то же это должно быть основано?

Даже у такого придурка, как Ричи.

В итоге все мы встаем. И я опять первым делом собираюсь следом за всеми идти в уборную, как Лютер недовольно хватает меня за руку и поворачивает к себе:

– Далеко собрался, Везучий?

– В сортир – недоуменно жму я плечами.

– Я кому, на хрен, объяснял правила? Твой хоплэт на сегодня – Сью, ты не должен отходить от нее ни на шаг! Так какого черта ты поперся из холла без нее?

Я уже хочу напомнить, что вчера всем было насрать куда и как я иду, но решаю, что это не лучшая стратегия. Указы-

ваешь на изъяны – тебя же самого здесь в них и обвиняют.

– Ладно, прости – отмахиваюсь я, желая поскорее закончить эту фигню.

– Только в этот раз – он предупреждающе наставляет мне в грудь палец, подобно Ричи (может Ричи от него это и взял?) – сочту, что ты просто забыл, потому что тупой. Второго шанса не будет. Наказание тебе известно.

– Трап – равнодушно киваю я.

Меня так часто им запугивают – но так ничего о нем пока и не сказали толком, что первовозникшая паника и страх давно отступили. Мне уже отчасти даже интересно посмотреть, что это за такое страх-место в Хоплесе, считающееся худшим наказанием для хоплэтов.

– Пошли – не успевает Лютер разесть меня взглядом, как не пойми откуда взявшаяся Сю резво хватает меня за локоть и тащит за собой – черт возьми, и на минуту одного оставить нельзя.

– По-моему это ты должна приглядывать за мной – напоминаю я раздраженно – а не я искать тебя по всему Хоплесу.

– Я тебе не мамочка, Лаки – замечает она резко – зад подтирать не собираюсь. Это тебя кинут в трап, если окажешься сам, а не меня. Значит это ты должен не отходить от меня и на шаг, а не я. Логично?

Не могу поверить, что она правда это сказала. Ничего не отвечаю и она равнодушно дергает плечами:

– Вот и я думаю, что логично. Может другие хоплэты и

станут с тобой нянчиться, но не я, лучше заруби это себе на носу сразу. Я просто делаю то, что всегда – а ты таскаешься за мной, потому что парни тебе не доверяют. Все просто. Таков наш план на день.

– Вчера ты была радушнее – бурчу я.

– Просто вчера мы мало пообщались.

Утро явно нельзя считать добрым, потому в очереди мы стоим молча. Наконец, я умываюсь и хожу в туалет, после чего вынужден еще какое-то время ждать Сюю. Понять не могу, какого черта она так долго делает – но без нее мне даже в холл самому вернуться нельзя.

Как будто преступник какой-то, черт возьми! Хотя я так же понятия не имею, где я и что я, как и они.

Наконец, она появляется спустя еще треть часа. Рыжие волосы распущены – мокрыми патлами свисают вниз, отчего кажутся еще более яркими. Вся футболка насквозь мокрая, словно она в ней купалась, и через ткань как нельзя красноречивее просвечивается черный топ под ней.

Я быстро отвожу от него взгляд, чтобы она не подумала еще чего и не сказала, что я до нее лезу.

– Тебе топили в толчке? – язвлю я, когда она подходит – какого черта ты все мокрая и была там фиг знает сколько?

– Осторожнее на поворотах, Везучий – осекает она меня резко.

Ага, понятно. Для нее я – Лаки, когда она просто обращается, и – Везучий, когда я ее бешу. Или типо того.

– И все-таки?

– Я мыла голову и одежду. А ты? Только не говори, что просто поссал и вышел.

– Умыл лицо – стараюсь вложить в эту фразу как можно больше важности.

Она закатывает глаза и хлопает себя ладонью по лбу.

– Знаешь что – защищаюсь я на пути в холл – мне никто не рассказал, что здесь можно мыть голову с утра, и надо стирать шмотки. И вообще – ты теперь пойдешь в мокром?

– А у тебя есть запасной гардеробный шкаф с собой? – фыркает она – и у нас нет. Но не ходить же вонять, как некоторые.

– Я не воняю.

– Если так и продолжишь только ссать по утрам, то очень скоро это изменится. И знаешь, когда твои белобрысые волосы станут сальными сосульками падать на лоб – не подходи ко мне.

Я возмущенно фыркаю и складываю руки на груди:

– Очень надо было, можно подумать! Сами заперли меня в четырех стенах, надзор дали, как за придурком каким-то. Лаки нельзя выйти, Лаки нельзя войти – я передразниваю ее манеру речи – *«Лаки, не засматривайся на себя, на хрен, долго в зеркало, у нас и так чертовски мало времени»!* А теперь я видите ли должен был по наитию догадаться, что с утра могу сидеть там сколько хочу, а еще помыть голову и футболку, чтобы ходить, как мокрая крыса, с прилипающей

к телу тканью!

– Ну да, лучше вонять, как вонючая крыса.

– Наконец-то ты приняла его природу – самодовольно хмыкает Ричи, обогнав нас – вонючая крыса, вот кто он. Ушмарок – после чего шлет дурачливый поцелуй Сью – мои заболевания, крошка.

И скрывается за поворотом, ведущим в холл. Его волосы тоже мокрыми патлами свисали вниз, нивелировав кудри.

Я взмахиваю руками, как бы подводя черту под тем, какой Хоплес дыра и какие дегенераты все, кто тут живут. И какой несчастный, что вынужден отираться среди этих идиотов.

Едва мы заходим в холл, как Сью тут же направляется к очереди за едой. Ричи только вернулся, поэтому сегодня жестянки раздавал какой-то другой хоплэт. Как бы даже не Бен, на которого мне показывала вчера Сью.

Я встаю рядом со Сью в очереди и вскоре мы опять получаем одну банку на двоих.

– Смотрю, есть вдвоем у нас уже традиция – замечаю я между прочим, когда мы садимся на край ковра.

– Не привыкни – заявляет она, опять поделив содержимое на две части кончиком ногтя – и вообще не забывай, как я ем.

– Молча – закатываю я глаза – но вообще-то думал, что сегодня сделаешь исключение, раз уж я за тобой закреплен. Пока едим, не расскажешь, куда отправимся после?

– Я кормак, ты уже в курсе.

– Это мне не о чем не говорит. Типо, мы будем искать такие вот жестянки целый день?

– Еда разные, не обязательно жестянки, но в целом да.

– И где?

– Везде.

– У нас те же схемы и ориентиры, что у пытаков – только мы ищем еду, а они выход.

– Ну да, и только вы находите, а они нет.

Она игнорирует мое замечание.

– А кто вообще чем занимается? – я оглядываю остальных хоплэтов, что так же едят как и мы – Лютер?

– Они с Ричи главные среди пытаков – буднично сообщает она.

– Тогда понятно, почему в этой отрасли нет успеха.

– Держи язык за зубами – наконец, раздражается она – думаешь, ты единственный, кому хочется отсюда свалить? Мы все делаем все, что можем.

Я решаю сделать паузу, чтобы не разжигать конфликт, после чего перевожу тему:

– А как выбирали чистяков? Вряд ли кто-то сам вызывался.

– Тут ты прав – хмыкает она.

Ее перемены настроения такие же быстрые и резкие, как тумачи Ричи. Только что она была злой – а теперь будто все забыла. Может, так и надо, когда вас остается 20 в закрытом пространстве, из которого никуда не деться.

– Тогда как?

– Ну.. у пытаков должно быть хорошее зрение и они должны быть выносливые. Юркие и быстрые – за день они оббегают вновь всю территорию и просматривают по новой стены на наличие выходов. Эта самая сложная работа, потому что на них больше всего ответственности. Ведь именно ради выхода мы и работаем – еда и чистота лишь поддерживают в нас силы и порядок.

Она подцепляет очередную порцию жижи из банки:

– Кормаки должны быть внимательные. И честные – чтобы не сожрали найденное по пути или не припрятали где-нибудь от остальных на черный день. Им должны беспрекословно доверять все хоплэты, только так не иначе.

– И тебе доверяют?

Она самодовольно изгибает бровь:

– Я главная среди кормаков.

– М-м.. – киваю я вдумчиво.

– Удивлен?

– Не то что бы – признаюсь я – я бы не сказал, что ты типичная девчонка из серии «палец поранила – плак-плак». Ты бы и мне зад надрала – а такие гонористые обычно где-то на крупном сидят. К тому же я заметил, что ты ошиваешься рядом с Лютером и Ричи, а они как понял главные. Так что нет, не удивлен.

Она усмехается, явно довольная моей характеристикой ей.

– Так вот, а что до чистяков.. чтобы тарелки да толчки помыть – много ума не надо. И прозорливости. И зрение хорошего, да и доверия не требуется. Короче все, кто не подошли на первые две работы по каким-то причинам – отсеялись в чистяки. Бедолаги. Я бы рехнулась просыпаться каждое утро, зная, что весь день мне чистить загаженные сортиры и так по кругу. Жуть какая.

И так до бесконечности – проносится в голове жуткая непрошенная мысль. Если они не выбрались за два месяца, то где гарантии, что здесь вообще есть выход?

– Вы говорите, что ищите выход – вновь подаю я голос, когда внутри жестянки почти ничего не остается – но вы ни разу не задавались вопросом, как вы сюда попали? Не в плане откуда – а в плане как? Зачем? Я слышал вчера все трепались о «Них» и некоторые до сих пор думают, что я засланный. Но кем я заслан, по их мнению?

Я перевожу требовательный взгляд на Сью и вижу, как она напряженно закусывает нижнюю губу. Очевидно, пытается понять – относится это к той инфе, что мне можно знать, или нет.

– Да брось, я не псих и не подсадной – злюсь я – ты же видишь! Я, блин, даже голову не помыл и в грязной футболке! Выпусти меня одного в Хоплес – и счастье, если я через неделю смогу вернуться в этот сраный холл, а не сдохну где-нибудь, заблудившись. Я не имею никакого отношения к тому, что здесь происходит!

Я в отчаянии вскидываю руки и отпихиваю жестянку, хотя там еще осталась моя часть.

Сью вопросительно вскидывает бровь.

– Наелся – фыркаю я – сыт по горло вашим дерьмом.

Она дергает плечами и невозмутимо продолжает доедать свою часть теперь вместе с моей. Наконец, облизав палец пятый раз, подпирает подбородок ладонью и поворачивается ко мне:

– Я не считаю, что ты подсадной. Если что, я была в числе тех, кто голосовали за то чтобы оставить тебя. Причем на общих основаниях, без дополнительных правил.

Я изумленно таращусь на нее. Вот уже не подумал бы:

– Серьезно?

– Да, но нас таких было мало. В смысле, тех что за общие правила, поэтому тебе и дали ряд ограничений. Но нельзя их винить за то, что они тебе их вменили. Кто знает, будь на нашем месте – может ты стал бы еще подозрительнее и жестче, чем мы?

Я молчу, после чего, не зная что сказать, бросаю:

– Наверное, спасибо.

– За то, что не считаю себя подосланным? Не торопись. То, что я не вижу в тебе предателя, не значит что я не вижу в тебе придурка. Попридержи благодарности.

К Сью вновь вернулся ее насмешливо-высокомерный тон.

– Ну если ты не считаешь меня хотя бы подосланным – подбочениваюсь я – может объяснишь, кто такие «Они»? И

как они связаны с тем, что мы здесь?

– Это лишь теории.

– И о чем они?

– Мы не знаем как здесь оказались. Поэтому хоплэты строят разные догадки на сей счет. Одна из самых популярных – что нас просто похитили и закрыли здесь. С какой целью – непонятно, но под «Они» ребята подразумевают тех самых похитителей. Лично я в это не верю. Зачем кому-то это делать, при этом не предпринимая никаких действий вот уже два месяца?

– И что на это говорят те, кто склоняются к этой версии?

– Они упорно верят, что мы можем быть детьми кого-то влиятельных из мира. И тогда нас просто держат до момента выкупа. Но что-то долговато для выкупа ценных детей, да? Если мы так ценны – то почему никто даже не обращает внимание на окно, что стоит у всех на виду и откуда мы постоянно шлем сигналы? И вряд ли все мы могли быть такого подозрительно одинакового возраста.

Понимаю, что согласен со Сью.

Версия с похищениями – бред. Если бы нас правда похитили – то почему тогда со мной задержались на два месяца? И прочие несостыковки.

– И они думают, что эти самые похитители прислали меня к вам? С какой-то целью и часами?

Она дергает плечами, как бы показывая, что все это полный бред и она с этим согласна, но такие хоплэты есть. Вклю-

чая Ричи.

– Но ты в это не веришь – подытоживаю я – к чему тогда ты склоняешься? К какой-то другой версии?

– Ни к чему. У меня голова кругом – она крепко обхватывает пустую жестянку и, оперевшись ладонью о колено, резко поднимается – просто хочу выбраться и все, а не лясы чесать о том, как здесь оказалась. Оказалась и все.

Я киваю, но не спешу подниматься. Потому она в упор смотрит на меня сверху вниз и толкает ногой, как Ричи с утра, только не так больно:

– Вставай, Лаки. Рабочий день начался, нам пора. Познакомишься с Хоплесом получше.

-2-

Перед тем, как окончательно отправиться в путь, Сью решает заморочки со своими волосами. Они частично высохли, частично так же валяются мокрыми патлами, поэтому она заплетает их обратно в хвост. Ее майка снизу уже подсохла, сверху все так же облепляет топ, но ее это не парит.

Половина хоплэтов уже разбежались.

Пытаки умчались одними из первых – включая Лютера и Ричи. Теперь почти разбежались и все кормаки – а чистяки начали свое дело как раз, когда Сью подбежала ко мне. Раньше я и не обращал особо внимания на нее – как сказал Лютер, все здесь «хоплэты». Но поскольку мы неволей стали

общаться, я замечаю, что влажная майка облегает ее по фигуре – и та у нее есть. И талия на месте. Глаза – светло-зеленые, но обрамленные ярко-рыжими бровями, оттого будто даже интересные. В целом, думаю, Сью одна из самых симпатичных девчонок здесь.

Может, мне так кажется конечно, потому что я уже знаю, что она лидер кормаков и подружка основных лидеров Хоплеса, а лидеры всегда кажутся привлекательными. Но так или иначе – что-то в ней определено есть.

Видимо, я засматриваюсь, потому что она весьма недвусмысленно щелкает у меня перед носом пальцами:

– Правило номер один, Везучий.

– Я тебя не трогаю – невозмутимо фыркаю я и поднимаюсь – больно надо. Я вообще засмотрелся..

– Я заметила.

– Да нужна ты мне – закатываю я глаза и на удивление мой тон реально звучит правдоподобно – я в точку засмотрелся. Пытался вспомнить хоть что-нибудь из прошлого.. и ничего.

– Бывает – равнодушно кивает она.

Кажется, версия с тем, что я заглядывался на нее – больше приходилась по душе самолюбию Сью. А едва я обозначил другую – как она сразу потеряла интерес.

Ясно, ей нравится находится в центре внимания, хоть и находясь в нем, она демонстративно этим пренебрегает. Лютер сказал, что романтики здесь не было, но теперь я сомневаюсь, что у Сью ничего никогда не было с Лютером или, как

минимум, с Ричи, который дает ей различные недвусмысленные клички.

Удивлюсь собственной тупости и выбегаю вслед из холла за ней. Я очухался черт знает где, черт знает с кем, черт знает зачем сюда меня закинули и хрен пойми, где выход – все совсем безнадежно, а я думаю о том, спала ли одна из девочек Хоплеса с одним из парней.

Я и правда рехнулся.

Сью не особо меня ждет, но я быстро ее нагоняю:

– Зачем бежать? – возмущаюсь я, еле поспевая за ней трусой – мы же не пытаки.

– Да, но так же должны обежать немало. Нам нужно принести побольше еды, и чем больше отсеков мы пройдем, тем больше найдем.

– Но есть же еще кормаки. Они тоже принесут. Нафиг лезть из кожи вон?

– Из твоей-то кожи вылезти несложно – замечает она, кивая на мои костлявые руки.

– Это ускоренный метаболизм – бурчу я.

И сам удивляюсь, что узнаю значение этого слова лишь в тот момент, когда его употребляю. До этого и знать не знал, что это такое. Обрывочная память – бесполезная и бессвязная, как сказал Лютер.

Так точно, командир.

– Ну-ну – легкая усмешка появляется на ее губах – давай, напрягись и меньше трепись. Болтовня скрадывает дыхание

и ты быстрее устаешь. А я тебя ждать не буду. А останешься один..

– Попаду в трап – заканчиваю я уже с легкой отдышкой.

– Точно, Лаки. Так что работай тем единственным, что удачно выросло у тебя из задницы.

Я озадаченно вскидываю бровь.

– Ногами, идиот – залиvisto смеется она и делает значительный рывок вперед, увеличивая между нами дистанцию – догоняй, скоро будет сектор В-02, там привал.

Я не успеваю особо разглядеть Хоплес – только и думаю, чтобы не потерять из виду Сью и не остаться самому. В какой-то момент понимаю, что это обосновано даже не страхом перед непонятным трапом, а реальным страхом здесь на фиг заблудиться. Я не знаю этих коридоров и отсеков – а если верить Лютеру, то здесь еще и семь этажей.

Наконец, я могу остановиться, когда мы достигаем какого-то средних размеров помещения. Здесь куча шкафчиков – потом металлические столики, какие-то компьютеры, но явно нерабочие. Экраны темные, ни на что не реагируют.

– Не пытайся – бросает мне Сью, когда я стараюсь реанимировать компы – они не работают. Ричи с ними вначале неделю возился.

– Ричи?

– Да, он что-то понимает в них. Вернее, сам удивился, что понимает.. а может и не понимает, но компы в любом случае без сети работать не будут, а этого здесь нет. Дохлый номер.

Я убеждаюсь в этом спустя пару минут, когда Сью уже вытаскивает пару банок из шкафчиков. Надо признать – почти в каждом шкафчике она что-то находит и кладет в рюкзак за своей спиной, потому в итоге я, нахмурившись, оборачиваюсь:

– Слушай, а разве еда не должна была уже кончиться? Типо 20 человек едят 3 раза в день 67 дней подряд? Даже по 1 банке на 2 человека – это выходит..

Я задумываюсь и удивляюсь, как быстро подсчитываю в уме сложное число:

– Это будет чуть больше 2000 банок!

Но Сью лишь мрачнеет этой цифре, однако я продолжаю:

– 2000 банок, Сью – вам не кажется странным, что они не кончаются и что здесь было столько банок? И что они продолжают, блин, здесь все еще находиться! Откуда? Вас это не парит?

– Нет, умник – цедит она – радуемся, что это так и что мы все еще можем их находить.

– А.. – догадываюсь я – или вы типо за ту теорию, что это похитители вам их суют? Спускают по трубе, как Санта-Клаус подарки?

Она молча мрачнеет и продолжать вытаскивать жестянки, которые находит. Некоторые зачем-то трясет.

– Или у вас есть теории побезумнее? – не отвязываюсь я и подхожу совсем близко, так же рядом с ней присев на корточки – может расскажешь? Ну.. как-то чувствуешь себя

своим, когда погружаешься в общее безумие, а то нормальным не по себе – с сарказмом добавляю я.

– Строишь из себя умника, Везучий? – она резко подсказывает, покончив с банками и перебрасывает рюкзак обратно за плечи – знаешь, больше всего я терпеть не могу пустых выпендрейников и хоплэтов, считающих себе умнее других.

– Я всего лишь хочу понять, как вы себе это объясняете. Не могли же вы не задаться ни разу вопросом, какого черта банки не кончаются! Я в это просто не верю!

Я вскидываю брови и дергаю плечами, словно в эпилептическом припадке. Не могу поверить, что их совершенно не парит природа банок. Ведь это может быть ответом на один из вопросов – эдакий ключик к многоскважной двери. Ведь если банки кто-то спускает – значит все-таки кто-то за нами следит, кто-то нас выкрал. Это хоть что-то!

Значит, где-то есть лаз – или в какое-то время, пока мы спим, когда они проникают сюда. Значит, надо устроить засаду! Да хоть что-то новое, на что есть шанс!

А они просто игнорируют этот факт и продолжают собирать их и искать выход там, где его нет.

– Хочешь знать, как мы это объясняем? – она так рьяно поворачивается ко мне, что я не успеваю остановиться. Мы оказываемся в считанных дюймах друг от друга, но в этом нет ничего интимного.

Ее ноздри раздуваются от ярости, как у быка.

– Да, было бы круто.

– НЛО, похитители, тайная магия, обычное везение, удачное стечение обстоятельств. Еще варианты назвать? Можешь сам подкинуть – любезно предлагает она – каждый выбирает то, во что ему верить проще всего. В то, что придает ему надежду на спасение и сил просыпаться каждое утро, чтобы заниматься своей работой и искать реальный выход, а не сумрачную хрень своего воображения. Вот как мы это объясняем.

Наверное, ее речь должна была меня заставить устыдиться и извиниться, но она лишь распаляет меня еще сильнее. Я хмурюсь и буквально ощущаю, как появляется расщелина меж моих белых бровей:

– Ты сейчас, блин, серьезно? Окей, ладно, я понимаю теории по поводу вашего заточения – это и хрен выяснишь, так что дурак думками богател. Но здесь! Это же можно проверить, как-то не знаю.. подкараулить, засечь.. да хоть что-то придумать, что может намекнуть на то, как отсюда выбраться! Реально, а не гонка по вертикали!

– Ты думаешь, шкафчики реально пополняются? Сегодня мы забрали отсюда банки, а завтра их уже опять дюжина? – осведомляется она уже более устало, чем воинственно – ты еще такой придурок, Везучий. Банки не появляются там, откуда мы их забрали. Они просто есть где-то еще на территории Хоплеса. И мы их ищем. И каждый раз надеемся, что нашли не последнюю.

– Хочешь сказать, кто-то заранее их здесь распихал черт

знает сколько?

– Понятия не имею – она поворачивается и идет к коридору, заканчивая этим разговор – я уже сказала, что не строю теорий по поводу того, как *мы* здесь оказались. По поводу того, как здесь оказались *жестянки* – у меня та же позиция.

Я тащусь за ней следом. Коридор, коридор – еще пара шкафчиков, и вот мы вновь пускаемся трусцой на некоторое расстояние. Пара лестниц – значит, на этаж ниже.

– А это что за отсек? – я спрашиваю скорее трепотни ради, так как название все равно ничего мне не скажет.

– Н-4.

– Ясно.

Оглядываю большую комнату, поделенную стеклянными стенками на еще меньшие отсеки рабочих зон. Подобную я видел, когда Ричи, девчонка и Лютер вели меня на знакомство к остальным хоплэтам.

Брожу взглядом по комнате и отрешенно переставляю ноги, пока Сью не приводит меня в чувства:

– Эй, мистер Лаки, не соизволите опустить свой зад чуть ниже и тоже начать искать банки? Сегодня ты со мной, а значит кормак. Не зритель, что пялится на чужую работу. Ше-вели конечностями.

Она ждет, пока я тоже начну открывать шкафчики – и только тогда продолжает.

Чувствую себя идиотом. Тем, что мы ищем тут банки и продолжаем делать всю эту чушь, которую они делают уже

два месяца – мы только сильнее адаптируем себя к Хоплесу. Не к тому, чтобы выбраться отсюда – а к тому, чтобы удобнее здесь выжить.

Не удивлюсь, если в конечном итоге пытаки и вовсе больше не понадобятся. Бесконечные банки и собственные законы – чем не прелесть?

Неужели они не понимают, что надо пытаться искать что-то новое в стратегиях? Даже если я слишком амбициозен и туп, и многого не знаю о Хоплесе (потому что инфа у меня ограничена) – уверен, все равно есть какие-то варианты. Пусть самые безумные – но новые, черт возьми. На которые еще есть надежда, а не которые протерты до дыр, как работа пытаков.

– После такого ты просто обязан на ней жениться – слышу голос Сюю и выхожу из своих мыслей.

– Чего?

– Банка – она кивает на жестянку в моих руках – ты уже минут пять ее наглаживаешь. Либо женись – либо ты просто бесчестный мудака.

Она усмехается, после чего добавляет серьезно:

– Знаешь, как кормак – ты полное дерьмо – встает на ноги и перекидывает портфель на плечо – но как клоун, ты мне нравишься. Весело с тобой, не заскучаешь.

– Ага, спасибо – цежу я и передаю ей «наглаженную» банку – всегда мечтал быть чьим-то личным клоуном.

– А может ты им и был? – вполне серьезно парирует она

– откуда нам знать? Мы не помним, кем мы были, но быть смешным идиотом у тебя получается подозрительно хорошо. Я бы сказала, профессионально. И это комплимент, Лаки.

– Тогда ты просто богическая ехидна – я натягиваю на себя широчайшую язвительную улыбочку – и это комплимент, Сью. От чистого сердца.

Она смотрит на меня пару мгновений, после чего смеется:

– А ты мне нравишься, Везучий. Есть в тебе что-то.. до жути идиотское. Это всегда цепляет.

И мы вновь стартуем новым кроссом.

Так мы пробегаем помещение за помещением – я стараюсь работать быстрее, потому что Сью то и дело шпыняет меня за то, что я наглаживаю банки или недостаточно быстро проверяю шкафчики.

– В чистяках живости больше, чем в тебе – заявляет она в один из разов.

Не так, чтобы я пытался произвести впечатление своими способностями – но быть после «испытательного срока» обреченным на работу чистяка мне не особо хочется. А если она так и скажет, что я дерьмовый кормак – то это мне и светит. Потому что стать пытаком при лидере группы Ричи – можно и не мечтать.

Хоть окон и нет – я могу понимать, сколько часов мы возимся. Пусть часы на моей руке – всего лишь сраный таймер, но время они отсчитывают обычное. Пусть и назад – но часы и минуты уходят.

В скором времени вижу на дисплее:

«50:57:48».

Значит, мы уже носимся по Хоплесу 7 часов. Не сказал бы, что это удивляет. Я думал, что уже часов 10 или вообще 12, настолько устал и охота жрать. За это время мы вернулись в общий холл лишь раз – как и пытаки. На общий обед.

После чего без привала вновь обратно, в те же коридоре, с точек, на которых закончили.

Как выяснилось, чем больше я бегаю – тем больше жрать хочется. Обед для меня будто и не было – желудок тянет, а в теле появляется слабость. Это еще мышцы не ноют – завтра будет самый сок.

Очевидно, в прошлом я точно не был спортсменом. В отличие от Бена, который сложен крепче всех нас и которому подобные «прогулки», наверняка, как нефиг делать.

– Кстати, а кто Бен? – спрашиваю я, доставая очередную жестянку – небось пытак?

– Чистяк – жмет плечами Сюю, а моя банка так и замирает в воздухе.

– Чистяк? Но почему? Он же мощный, как чертов халк.

– Ага, потому кормаком ему не быть. Он даже при хопл-этах пытается всегда сожрать чужого, что будет, если его самого оставить наедине с едой?

– Ну а пытак?

– У него нелады со зрением. Он видит нас, но такими туманными, расплывчатыми, как он говорит. Очков при нем

не было, а значит какой из него пытак с такими глазами?

– И он сам признался в этом? Он что, идиот?

– Идиот ты, если думаешь, что 20 хоплэтов этого бы сами не заметили. Когда он путал двери и шурился, пытаюсь разобратсья в каком-то дерьме. Еще в первый день стало ясно, что у него проблемы.

– Жесть.

– Ага. Ну ничего, не жалуется.

(нам понадобилось время, понимание и хорошие тумаки, чтобы признать, что мы должны действовать сообща)

Думаю, чтобы объяснить суть его предназначения Бену – понадобился не один хоплэт сложением не дохлее Лютера. Сомневаюсь, что этот здоровяк так просто кивнул и сказал: *«а, драить сортиры? Всегда мечтал работать с говном, ребята, конечно, хоть языком».*

Интересно, кем кому быть и какой группе какое качество необходимо – с самого начала решали новоиспеченные лидеры?

– А ты сразу сконтовалась с Ричи и Лютером? – не знаю, зачем задаю этот вопрос. Все еще держу банку в руках и тут же передаю ей, чтобы искать новую.

– О чем ты? – но я слышу в ее тоне интригу. Она играет.

– Да брось, вы друзья и ты не отрицаешь, если не больше.. – пытаюсь подлезть к новой жестянке, но слишком рано поднимаю голову и сильно бьюсь башкой об угол – черт, долбанная железяка!

Она усмехается и берет еще один мой добытый кровью и потом трофей.

– Аккуратней. Голова, пусть и без мозгов, еще может тебе пригодиться.

– Ага, чтобы сортиры драить, куда меня пристроят твои дружки – фыркаю я. Почему-то удар сильно меня взбесил, но я тут же беру себя в руки.

– С чего взял?

– Слушай, Ричи меня ненавидит и не играй в «хлопаю-глазами-ничего-не-понимаю». Это все видят. Придурок этого даже не скрывает.

– Но если ты нормально справляешься с работой кормака – даже он не сможет запихать тебя в группу отсталых.

– Ага, а я нормально справляюсь с работой кормака? Ты сама сказала, что из меня клоун лучший, чем кормак.

– Я так и считаю. Но может быть, если ты перестанешь меня бесить, Ричи я скажу что-нибудь другое. Это его немного взбесит, скорее всего, но зато я расстрою вашу пару с толчком.

Я даже теряюсь такому заявлению:

– Это.. слушай, это было бы здорово. Спасибо.

– Я еще ничего не пообещала. Ведь кормак из тебя правда дерьмовый. Один плюс – ты ничего не сожрешь по дороге, но если ты ничего и не найдешь – то этот как-то аннулируется.

Она вновь садится на корточки перед очередным шкафом, и я, так же на корточках по другую сторону комнаты,

поворачиваюсь к ней, держа равновесие за счет дверцы шкафа:

– Но ты так и не ответила про Лютера с Ричи.

– Нет, мы не сразу поладили – не отвлекая глаз от банок, равнодушно бросает она – и может тебя даже удивит, но с Ричи мы сконтовались гораздо раньше, чем с Лютером.

Припоминаю, как Ричи к ней обращается и мрачно заявляю:

– Знаешь, вообще не удивлен.

Видимо, мой тон заставляет ее обернуться и она внимательно смотрит на меня, сощурившись:

– Я не поняла, Везучий, какие-то проблемы?

– Да нет – дергаю я плечами, демонстративно вскинув бровь – просто особого таланта не надо, чтобы спать с лидерами. Но я не осуждаю, у каждого свой путь.

Какое-то время ее взгляд не меняется, после чего, вопреки любимым ожидаемым мной реакциям, Сью заливается в таком смехе, что хватается за живот, а после даже смахивает пару слезинок:

– Ну ты и придурок, Лаки. Ты что решил, что у нас с Ричи что-то есть?

– Не обязательно есть. Может, что-то было.

– Идиот. Я бы сказала, что все парни идиоты, но пока ты единственный из всех хоплэтов отличился – начиная понемногу успокаивать смех, заявляет она – тебе же сказали, здесь, блин, никому дела нет до девчонок и парней. Все за-

няты выживанием и поиском выхода.

– Ага, но для друга он слишком развязно себя ведет, нет? – не знаю, зачем я придираюсь, но меня бесит, когда мне так очевидно врут тем более без какой-либо на той причины.

Ну тусовались и тусовались – почему бы не признать?

– Это Ричи, он со всеми себя так ведет. Тем более, мы друг другу скорее как брат и сестра.

– За два-то месяца – саркастично киваю я – просто интересно, а как вы тогда сконтовались?

– А по-твоему девчонка и парень сконтоваться могут только через постель? Ну и озабоченный же ты.

– Я бы этого даже не подумал, если бы он постоянно не говорил – я передразниваю манеру речи Ричи – «детка то, детка се, зайка туда, зайка сюда».

– Он бы и тебе говорил «зайка», если бы ты не был ему костью поперек глотки, которой он боится подавиться – теперь в тоне Сью уже явно слышится какой-то упрек.

– Окей – я скидываю руки – мне вообще плевать. Спите, дружите. Да хоть оргия. Просто спросил. Просто не люблю, когда мне врут, только и всего.

– Знаешь, это даже забавно. У тебя получилось взять меня на слабо. Я ведь действительно сейчас уже почти хотела начать оправдываться и рассказывать, как мы познакомились и бла-бла-бла. И зачем? А главное – кому? Господи, это даже смешно.

– А если хотела – почему не рассказать?

– Не собираюсь оправдываться – фыркает она.

Я выжидаю необходимую паузу, чтобы она остыла, после чего подношу еще две найденных банки и наклоняюсь:

– А если не оправдываться? Допустим, я погорячился и зря вспылал. Признаю. Сделаем вид, что я все еще просто миролюбиво спросил, как вы познакомились?

– Тогда я все еще просто миролюбиво сказала тебе – она оборачивается – иди в жопу.

Я фыркаю и выпрямляюсь. Скрещиваю руки на груди.

– Я же извинился.

– Вообще-то нет. Ты признал вину, но это разные вещи.

– А тебе так нравится, когда перед тобой пресмыкаются?

Подобная постановка вопроса ее совсем не задевает:

– Неплохо бы, конечно, но сейчас ты сам накосячил. И не мешает за это извиниться.

– Ладно, извини – закатываю я глаза.

– Нет, с чувством – издевается она.

– Извините меня пожалуйста, леди Сьюзен, что я оскорбил ваше непорочное достоинство своими унижительными высказываниями в ваш адрес. Нижайше прошу вашего снисхождения.

Она хохочет и я принимаю это за мировую.

– Ну так что? – напоминаю я.

– А – она сует последнюю банку в рюкзак и тоже выпрямляется – ну мы просто попали в одну пару с Ричи. Я тогда еще была пытаком.

– Ты была пытаком? – изумляюсь я.

– Ага. И тогда мы работали парами. Слишком боялись неизвестной территории, заблудиться в ней или напороться на что-то фиговое. Однажды мне выпало работать в паре с Ричи.

– Зачетно, считалось, наверное.

– Я бы не сказала. Тогда больше направлял всех Лютер – Ричи только начинал ему помогать и по большому счету был не особо важнее-то прочих хоплэтов. Мы работали весь день вместе – и надо отдать должное, он лучший пытак из нас всех. А еще классный чувак. Мы заболтались и поняли, что по сути, очень-то похожи.

– Удивительно, как этот фильм избежал изощренной постельной сцены – не могу удержаться от комментария я.

– Следующее извинение будешь приносить на коленях.

– Молчу.

– Так вот, потом, конечно, мне пришлось уйти из пытаков..

– Почему?

– Ну, мы поняли, что парами теряем много времени. Двое обследуют одну территорию – хотя по одному смогли бы изучить в два раза больше. Но парни решили, что девчонок отправлять одних рискованно. Мы тогда еще не знали всех границ Хоплеса и того, что нас за ними может ждать. Мало ли. И тогда всех девчонок из пытаков распределили между кормаками и чистяками. Уже потом мы полностью исследовали

Хоплес, но в пытаках так и остались одни парни. В принце всем и плевать.

– Так и Ричи?

– А, ну да. Их пытаков-то я ушла, но мы продолжили общаться. Одни из первых, кстати, кто начали среди хоплэтов общаться просто так, а не по нужде. Так что за эти два месяца мы неплохо с ним срослись, так сказать.

– М-м. А Лютер?

– С Лютером уже, можно сказать, по долгу службы. Ричи обрел вес и они с Лютером стали вместе поддерживать порядок в Хоплесе, так как в одного всех удержать в узде довольно накладно.

– Почему?

– Ну, случаются стычки все еще время от времени. Вот, а я неплохо показала себя в кормаках. Ричи предложил сделать меня лидером этой группы, а Лютер согласился. Поэтому, когда он потом стал подходить к нам от раза к разу, просто так, я не была против. Так он влился к нам.

– По долгу службы – повторяю я и слегка усмехаюсь.

– Что?

– Да забей. Просто у вас здесь все так странно, что смешно.. Хотя, может и нет, не с чем сравнивать.

– Ладно, потрепались и хватит. Вообще-то рабочий день еще в разгаре. Хочешь получить ужин – придется сделать финальный бросок.

– Окей, только скажи, что бежать недолго – я страдальче-

ски стону – умоляю.

– Прости – смеется она и подмигивает – шевели булками.

После чего рывком уносится вперед.

У нас остается последний отсек, как я понимаю, после чего можем вернуться обратно в холл. Гляжу на время – ага, значит «рабочий день» у них длится порядком девяти часов. Смутно в моем сознании что-то вспыхивает.

Что-то очень знакомое, будто «работа» и «9 часов» вместе у меня уже где-то встречалось. Но где – припомнить не могу.

Да уж, хоплэты правы – бессмысленная белиберда, от которой никакого прока.

– Поднажми! – кричит мне Сью, обернувшись и делает еще рывок быстрее.

Я начинаю запыхиваться, как перед очередным поворотом вижу странное помещение справа. Оно единственное не освещено совершенно никаким светом. Темное – даже ярчайший холодный отблеск ламп из коридора будто бы пожирает эта темнота. Не видно совершенно ничего.

Первое место в Хоплесе, которое я вижу неосвещенным.

Только что-то неясно мерцает в глубине, ярдах в пяти от меня. Что-то.. ручка? Дверная ручка?

– Сью! – я резко останавливаюсь, окликнув ее – подожди.

Поворачиваюсь к темноте, не думая о том, что там может поджидать и почему это, единственно-темное помещение, не заставило остановиться мою партнершу.

Обернувшись и увидев, что я собираюсь сделать, Сью кри-

чит:

– Стой, Лаки! Не вздумай!

Но я уже делаю шаг.

-3-

Слышу, как несется обратно Сью, крича мне немедленно обратиться обратно – но это только подстегивает меня ускориться и побежать к глубь. Навстречу блеску.

Пара шагов – и я утыкаюсь в то, что блестит. И правда ручка – прямоугольная, плоская. Она закреплена в центре некой стеклянной двери. Насколько я могу видеть привыкшими к мраку глазами – эта дверь встроена в стену. Дальше прохода нет – только если через нее.

Что там за ней?

Я касаюсь блестящей ручки и стеклянная дверь тут же отъезжает, пропуская меня в такой же стеклянный узкий коридорчик, замурованный в стене. Судя по тому – что через ярдов 10 я вижу другую дверь – у коридора есть выход.

На ту сторону.

Что, если это и есть выход наружу?

Но когда я уже заносу ногу, чтобы шагнуть внутрь, кто-то резко хватает меня за локоть и рывком втягивает обратно так, что от неожиданности я падаю на задницу, крепко ударившись копчиком.

– Ай! – я недоуменно гляжу на Сью.

Ее лицо одновременно разъяренное и жутко обеспокоенное:

– Какого черта ты творишь, Везучий? Я же сказала стоять!

– Я не твой пес, чтобы мной командовать – огрызаюсь я, так же быстро вставая на ноги – что эта за коридор и куда он ведет? Почему мне сюда нельзя?

– Потому что – отрезает она и опасно касается пальцами вновь блестящей ручки. Стекло дверца возвращается на свое место, закрывая коридорчик.

– Что там? – не унимаюсь я, взбудораженный как никогда.

– Сказала «ничего» – ее брови сходятся к переносице – идем дальше.

– Нет! – фыркаю я и делаю шаг в сторону – может я и далеко не силач, но с девчонкой точно справлюсь. Ты меня отсюда силой не утащишь. Говори что там, или я сам выясню.

– В последний раз в жизни? – язвительно бросает она.

Но раньше, чем я успеваю ответить, в темноте вырисовывается третий силуэт. Он подкрался так тихо, что заставляет нас обоих вздрогнуть, когда подает голос:

– Какого, мать его, хрена, Сью? Как это понимать, черт возьми?!

Ричи.

-4-

Последний, кого бы я хотел сейчас встретить.

Но я так распалился, что немного забываюсь о своем месте здесь и отношении остальных хоплэтов ко мне. Общаясь весь день со Сью, ненароком решаю, что со всеми так могу, потому рывкаю Ричи:

– А ты какого фи́га здесь делаешь?

– Че ты вякнул? – он замахивается, но в этот раз я не прикрываю лицо, а так же выкидываю руку вперед, готовый драться. Ричи замирает, очевидно, прицениваясь и рассчитывая свои шансы, после чего опускает руки.

Но даже в темноте я вижу, как гневно сверкают его глаза.

Мы с ним примерно равны по комплекции, но гнев и нетерпение, что охватили меня сейчас – несомненно дали бы преимущество в драке. Я бы его просто залопатил, как мельница или мясорубка, даже совершенно не умея драться.

Очевидно, он это тоже понимает.

Не спуская с меня глаз, обращается к Сью, а голос его источает столько яда, что пропитав воздух, он точно отравил бы нас всех:

– Какого долбанного хрена ты его сюда привела? – в его тоне не намек на дружеские попущения.

Если бы не рассказ Сью и не мои наблюдения раньше – я бы даже решил, что он ее ненавидит так же, как и меня.

– Я? Спятил, придурок, совсем поехал? – фыркает она, не собираясь давать ему спуску – этот конченый отстал и сам ринулся сюда. Еле успела его одернуть в последний момент.

Пауза.

– Да лучше бы не успела – цедит Ричи – черт возьми, так и знал, что с этим сраным ушлепком будут проблемы! Говорил Лютеру, его нельзя отпускать с тобой.

– Захлопни варежку, Рич – злится Сью – я свою работу выполняю отлично. Он ведь день вел себя адекватно. Откуда я могла знать, что под конец у него поедет крышак и он решит отмочить подобное?

– Я бы знал – он злится ничуть не меньше – я бы всегда его, на хрен, держал на виду, потому что одупляю, какая он вонючая крыса! А ты, дура, все еще видишь в нем святого спасителя! Ну, и как он тебе, мать твою, второе пришествие случилось?!

Спасителя?

Не знал, что есть кто-то, кто среди хоплэтов видит во мне спасителя. Какой из меня спаситель -меня связали по рукам и ногам, приставили охрану, а еще вдобавок я ничего не помню и не понимаю.

Они явно взяли лишка. Даже версия с подсадным по сравнению с этой кажется более адекватной.

Мой пыл начинает растрачиваться, пока я их слушаю, потому спешу подать голос вновь, пока окончательно не остыл:

– Что это за дверь и куда она ведет? Почему мне туда нельзя?!

– Захлопни пасть, кретин! – рявкает мне Ричи и вновь обращается к Сью – интересно, какого бы хрена здесь произошло, если бы я не появился, а?

– О, мы бы все потерялись, как бродячие щенки! – огрызается Сью – что бы мы делали без великого Ричи!

А, ну теперь понятно, как он здесь оказался.

Я совсем забыл – он же пытак. Его обязанность – оббегать все территории и вновь и вновь искать выход. Видимо, эта темная халупа – и есть территория пытаков.

Не кормаков, раз Сью сюда не забежала.

И не входящая в «ограниченную инфу», раз мне сюда нельзя.

Но тут Ричи замолкает. Неожиданно в его голосе появляются на ужас самодовольные нотки:

– Подожди.. ты сказала, он отстал и ринулся сюда. Без тебя?

Молчание.

– Выходит, этот сраный хоплэт нарушил главное из Условий, на которых его оставили? – его губы изгибаются в усмешке, а я разом забываю про все свое любопытство – клево, вот я посмотрю на рожу Лютера, когда он об этом узнает. Наконец-то тебе покажут трап, Везучий.

Глава 4.

–1–

Не знаю, как с рожей Лютера – а вот моя точно, скорее всего, была похожа на скисший помидор, пока я шел вперед, смотря в спину Сью. Сзади меня подгонял Ричи, то и дело

толкая под лопатки с надобностью и без.

Тягаться с ним стало бессмысленно, когда он вытащил из своего рюкзака острую металлическую ножку от торшера. Видимо, они достали его в одном из отсеков, а голову открыли. Не знаю, почему они единственные таскают с собой «оружие» – наверное, потому что пытки, но с этой ножкой мне рыпаться стало бесполезно.

Если бы не она – я бы попытался напоследок узнать тайну стеклянного коридора. Раз уж меня все равно ждет известная участь.

А судя по всему – ничем хорошим это не кончится. Потому что даже Сью не стала спорить с Ричи, когда он это сказал, и так далее. А если и Сью молчит – то либо она согласна, либо нет никаких шансов что-то изменить.

Да уж, как тупо – вроде нарушить условие, но ради чего? Я даже не узнал, что это за коридор. Выходит, вообще не за что. От этого я отчаялся даже сильнее чем от того, что мне устроят свидание с трапом.

Через какое-то время накал между Сью и Ричи, видимо спадает, потому что не оборачиваясь, она спрашивает:

– Какие новости на сегодня, Рич? Порадуешь?

– Как всегда – бурчит он – ни черта с бо-о-ольшим хреном.

– Вот таким? – она поднимает руки и воздухе показывает расстояние где-то дюймов 20.

Он усмехается:

– Раза в два больше, крошка. И вот его нам загнали в зад-

ницы по самые глотки. И пока я понятия не имею, как его оттуда, мать твою, вытащить.

– Да уж. Фигово.

– Иначе и не скажешь.

– Рад, что мы помирились – фыркаю я – дружить «против кого-то» всегда так весело, да?

– Заткни пасть – его голос вновь понижается и Ричи опять тычет меня острой частью торшера под лопатки – и шевели конечностями, ушмарок, пока я ее тебе в зад не вогнал.

– Да оставь ты его – устало хмыкает Сью.

– Не лезь – отрезает он – ты и так наделала, мать твою. Сказали же – глаз не спускать. Хотя.. так даже лучше. Меньше потеть с ним придется.

Когда мы заходим в холл, все уже почти вернулись обратно. Украдкой опускаю глаза на дисплей часов:

«48:32:51».

Значит, если сравнивать со вчерашним – ужин и отбой где-то через пару часов. Плюс-минус, пока я еще точную закономерность не успел заметить. Может, из-за этого они отложат трап до завтра?

А за ночь я могу попытаться сбежать. Да хотя бы в тот же коридор – попытаться найти его. Будет не сложно – просто бегать везде и искать единственное помещение, где не загорается свет. Все лучше, чем трап.

– Эй, народ! – Ричи окликает хоплэтов с таким торжеством, словно притащил не меня, а связку ключей от вожде-

ленной двери выхода – Везучий успел накосячить в первый же день. Так что перед ужином у нас досуг. Давно мы не веселились, да? Трап хорошенько разжигает аппетит.

Хоплэты тут же начинают встревоженно шептаться. И лишь Лютер, несколько сведя брови к переносице, недовольно делает шаг вперед:

– Какого хрена, Рич? Ты опять за свое? Трап – ты серьезно?

– Да – это слово Ричи будто отбивает молотком по столу – знаешь, где я нашел этого хрена? Он удрал от Сью и..

Тут Ричи резко осекается и косится на меня. После чего наклоняется к уху Лютеру и заканчивает слышимо лишь для него. Что за бред? Как будто я сам не знаю, что я сделал, чтобы скрывать это от меня.

Я закатываю глаза, решив не терять достоинство до самого конца.

Однако вижу, как меняется лицо главного Лидера. Из недовольного Ричардом – он становится раздраженным мной. Сверкает глазами ничуть не меньше Лидера Пытаков. Однако, обращается не ко мне:

– Это правда, Сью? Или Рич опять выставляет желаемое за действительное.

– Прокатись на моем хрене – фыркает тот ему.

Сью медлит, скрестив руки на груди.

– Ну, детка? – сощуренно глядит на нее Ричи, не понимая причины паузы – скажи ему.

Я смотрю на нее и на мгновение в меня закрадывается надежда – что, если она решит выручить меня? Мы вроде неплохо поладили за это время. Может, она скажет, что Ричи или ошибся или нарочно соврал, и на деле я никуда не убежал?

Черт, да я был бы благодарен ей этим до конца дней, сколько бы у нас всех их не было.

С каждой протянутой секундой моя надежда крепчает все сильнее, превращаясь в непоколебимую уверенность, и когда я уже увериваюсь в собственном предположении, все мои притязания разбиваются о крах ее слов:

– Да, все так. Драпанул так, что пятки сверкали.

-2-

Я выпускаю разочарованный вздох, но она даже не глядит на меня.

Ричи же довольно усмехается, получив наконец, подтверждение своим словам. Он фривольно обнимает подругу за плечи, но тут же отпускает, наседая на Лютера:

– Что я тебе сказал, придурок?

– Держи язык на привязи, Рич – предупреждает тот.

– В трап его – игнорируя замечание, бросает он – в трап на хрен и дело с концом. Ему насрать на то, что мы ему ставим. Какой смысл во всем наших условиях, если он вертел их на хрену в первый же день? А что будет потом? Вообще сечешь,

чем нам это светит, а? Проще избавиться от него и все. Тем более – таково и было условие в случае нарушения.

Лютер вдумчиво смотрит на меня и, наконец, к моему ужасу согласно кивает. Когда вдруг Сью вмешивается, словно только и ожидая этого момента:

– Да, он правда дал деру – говорит она, стоя все так же уверенно и невозмутимо, со скрещенными руками на груди – но перед этим он окликнул меня. Поэтому я увидела это и побежала за ним. Фактически – все это время он всегда находился в поле моего зрения, хоть и не рядом бок о бок. Так что условие не нарушено – он был под моим контролем.

– Если бы он был под твоим контролем – цедит Ричи, тут же взбесившись, едва поняв, к чему она клонит – то не забрел бы в..

Он вновь осекается и словно сглатывает слово:

– Он не был под твоим контролем, Сью. Он, на хрен, сбежал. Какого черта ты его выгораживаешь?

– Он *побежал*, но не *сбежал*, это разные вещи, Рич – замечает она равнодушно и смотрит на Лютера – а трап мы обещали за побег. Он был в зоне моего контроля. Но признаю – дал деру и напоролся на..

– Он еще и брыкался! – ярится Ричи, вновь глядя на Лютера – говорил, на хрен, что уложит нас там всех, но не уйдет, пока не узнает, что за дверь! Он не подчиняется и нарушает все условия, несмотря на то, что там несет Сью!

– Полегче! – фыркает она – я не вру, или ты сомневаешь-

ся? Лаки правда окликнул меня, а не пытался сбежать.

– *Лаки?* – Ричи аж бледнеет, когда слышит это, и смеряет Сью таким взглядом, что даже мне не по себе – так ты назвала Везучего?

– Это его имя.

– Его имя – Кусок Дерьма – цедит он, подойдя к ней так близко, что между их лицами не остается и лишнего дюйма – от него одни проблемы и морока. Или вы с ним стали ко-решами, а, крошка?

– Не носи пурги, Рич – это раз. И два – тебе и правда пора придержать свой чертов язык.

Отрезав это, она уходит прочь к остальным хоплэтам, что напряжено глядят на нас, ожидая подробностей от Лидеров. Вердикта касательно меня она дожидаться не стала.

Фигово, теперь за меня некому вступиться. Хотя, наверное, все что могла – она уже сделала?

Понять бы, чем обоснован ее порыв.

Теперь на лице Лютера некоторое смятение, а Ричи все так же насаждает на своем – трап и все. А все что сказала Сью, мол, не имеет никакого значения и ни на что не влияет.

– Черта с два, Рич – обрывает его Лютер – это многое меняет. Везучий не сбежал, а просто сиганул куда нельзя по незнанке. Если б знал, что туда нельзя, не звал бы Сью, а смылся по-тихому.

– И что? Ему сказано, мать твою, было – ни на шаг от всученного хоплэта! Или трап!

– Он позвал ее.

– Это, на хрен, ничего не меняет! – не то стонет, ни то свистит Ричи, скрючив пальцы и закатив глаза, точно в припадке – вы рехнулись что ли? Этот ушмарок уже вон что фигачит, и вы хотите продолжать это? Лютер, мать твою, тебе ли не знать!

Что не знать?

Своей болтовней они еще сильнее разжигают во мне интерес к тому стеклянному коридору, который они даже называть при мне опасаются.

Очевидно, там есть что-то особенное.

– Это точно не трап – подытоживает Лютер.

– Черта с два он выйдет еще раз за пределы Зоны – в голосе Ричи столько ненависти, что я невольно холодею.

Он смотрит на Лютера, но я понимаю, что вся эта пронизывающая его насквозь ярость направлена на меня:

– Не выйдет, или можешь на меня, на хрен, больше не рассчитывать. Я не шучу, твою мать, ты меня знаешь.

Слова Ричи заставляют Лютера задуматься.

– Лады. Больше никаких вылазок с ним в Хоплес.

Кажется, это немного остужает пыл Ричи. Но совсем чуть-чуть. Его все так же трясет, точно психа.

– Нет, так не канают – мотают головой Рич – он должен продолжать заниматься батрачкой, как и все. Я хочу, чтобы этого ушлепка всучили чистякам. Их работа – в пределах Зоны, в отличии от кормаков и пытаков. Пусть драит сральни-

ки – это как раз по его уровню.

Я сдерживаюсь, чтобы не встрять и не ответить ему чего хорошего. Сейчас не время.

Лютер вновь кивает:

– Лады, будь по твоему. Согласен, работать все должны – он с какой-то усталой усмешкой глядит на друга – но подзреваю, ты не просто так это ляпнул? У тебя и кандидатура уже есть?

Ричи самодовольно скалится:

– Пусть таскается по толчкам за Лин. Она и трепаться лишнего не станет, тут как говорится, все краники на нулики. Тогда я спок.

Я сильно злюсь грозящей участи чистяка, потому совершенно опрометчиво бросаю Ричи с вызовом:

– Мои таланты расположения простираются далеко за пределы твоего узкого кругозора.

Конченный – мысленно добавляю я. Вслух мне все же хватает мозгов не закончить этим.

Но вместо гнева Ричи лишь ухмыляется:

– Ну-ну, удачи. Позырю, как ты разговоришь *немую*, ушлепок.

-3-

Немую?

Я не сразу понимаю, что он именно имеет ввиду. Типо, он

так называет неболтливую? Слова не вытянешь – вот и кличка, Немая. Я свою так же получил от него – спасибо имени.

Но гляжу на самодовольную рожу Ричи и ко мне закрадываются сомнения. Если бы она просто была неболтливой – он бы не был так уверен в моем поражении, особенно после того, как за меня вступилась Сью. Ну, не сказать, что прям вступилась – скорее, просто сказала правду, но это тоже не каждый бы сделал.

Меня же здесь ненавидят, конечно.

– Лады – повторяет Лютер уже в третий раз и потирает ладони, словно собирается навешать мне тумачков, после чего оглядывает нас с Ричи – значит, порешали. Везучий закрепляется за Немой, из Зоны не выходит..

– Что такое Зона? – не выдерживаю я, и говорю с намеренной язвительностью, даже не пытаюсь выдать из себя какую-то почтительность.

– Зона, это где тебе, кретин конченный, дерьмо мое отмыть до конца твоей убогой жизни – рывкает Ричи. Его игривый тон вновь сменяется яростью. Точно псих.

– Хорош, Рич – осекает его Лютер и смотрит на меня – Зона это территория холла и наших ближайших сортиров. Все, что за ней – это территория Хоплеса.

– Разве не все здесь – территория Хоплеса?

– Да, но Зона как бы еще внутри – он хмурится, сам не в состоянии дать нормальное объяснение – короче, я сказал. Толчки и холл – это Зона. Из Зоны не ногой и теперь ты

чистяк.

– Какая честь – бурчу я.

– Да, честь, Везучий – строго замечает Лютер менторским тоном – потому что на другом конце палке был трап. И скажу тебе, порази меня гром, если в какой-то момент палка чертовски не качнулась в его сторону.

Он поворачивается к хоплэтам, что жадно пожирают нас взглядами. Очевидно, Сю ничего им даже не потрудилась объяснить. Зато в полный рассказ пускается Ричи, подоспев к Лютеру. Он говорит и о том, какой «чудовищный побег» я совершив, насрав на все правила. И о том, что набрел куда нельзя (опять без названий, но судя по лицам хоплэтов – все его как-то поняли). И о самом печальном, как он выразился – что я все еще остаюсь с ними, но теперь в роли чистяка. Напоследок он кинул шутку про то, что дерьмо теперь станет отмывать дерьмо.

Как остроумно, ха-ха-ха, надорвать живот.

Пучеглазый утырок.

Почему ему никто не дает кличку? Она же очевидная. Наверное, потому что он Лидер, а Лидеров зовут либо по именам, либо становятся чистяками.

Наконец, когда гомон и шептания утихают, Ричи хватается за банки и начинается ужин. Точнее – сначала очередь, в которую встают за банкой для ужина.

У меня аппетита немного, потому я сажусь на край ковра и начинаю колупать пальцы.

Прекрасно.

Конечно, чистяк – это лучше, чем трап. Наверное.. но чистить теперь каждый день сортиры с какой-то немой девкой. Завидное удовольствие, ничего не скажешь. А я ведь так близко был к получению «кормака»..

Вчера я решил, что в ситуации, которой я очутился – исправить уже ничего нельзя. Оглядываясь назад, могу добавить – окончательно испортить оказалось еще можно.

Однако, даже сейчас меня не перестает терзать вопрос – что это за такой стеклянный коридор, что из-за него начался такой сыр-бор. Что они там от меня скрывают? И куда ведет дверь по ту сторону?

Вздрагиваю, когда рядом со мной кто-то плюхается:

– Не спеши звать мамочку – усмехается Сью на мою реакцию, протягивая жестянку – это всего лишь я.

-4-

Какое-то мгновение я озадаченно гляжу на нее, после чего трясую головой:

– Не голоден.

– Не строй из себя мачо – фыркает она и открывает острую крышку ловким отточенным движением – не пожрешь, завтра с ног валиться будешь. Да и на завтрак есть сильнее захочется – а порции те же. Короче, не выдрыпывайся и кончай это.

Я вздыхаю, уже открыв рот, чтобы заново ей возразить, но понимаю, что она все равно не отвяжется и соглашаюсь. К тому же – отчасти она права. Горечь приговора скоро уйдет – а вот еды мне потом никто не даст.

– Спасибо – бормочу я, подцепляя пальцем свою порцию.

– У нас еду всем дают – дразнит она.

Я закатываю глаза:

– Я не об этом, ты в курсе. Спасибо, что помогла мне. Без тебя, думаю, меня бы ждал трап. Лютер любезно намекнул на это.

– Может быть – равнодушно соглашается она, уплетая свою часть – но знаешь, тебе повезло на самом деле. Я сама не была уверена, что мои слова на что-то повлияют. Ричи был просто в бешенстве и я действовала на удачу. Ну ты же Везучий – усмехается она – понятное дело, удача сработала.

– На удачу? – искренне удивляюсь я, даже перестав есть – а выглядела капец какой уверенной.

– Только это и могло удружить – дергает плечами – если бы я сама пасовала, пока говорила, то пиши прощай.

Я задумчиво киваю:

– Ну все равно спасибо. Могла же и вообще не вмешиваться. Тем более, если вы с Ричи такие «не разлей вода».

– Ричи просто взъелся на тебя. Если бы ты реально смылся, я бы первая голосовала за трап. Просто ты правда не знал. Твоя проблема, Везучий – это фатальное заблуждение в том, что ты лучше других. Что ты найдешь то, что еще не нашли

другие, и выведешь нас всех на свет обетованный. Из-за этого все твои проблемы здесь.

– Серьезно? – я отменно изображаю удивление и вдумчиво хмурю брови – блин, точно.. а я-то думал, что вся проблема в твоём дружке. Но ты открыла мне глаза.

Она толкает меня локтем в бок и я усмехаюсь. Выдерживаю небольшую паузу и говорю:

– Но разве плохо то, что я пытаюсь испробовать все варианты?

– Все, что ты считаешь новым – нами давно найдено и раскрыто. Смирись с этим. Ничего того, на что мы не наткнулись, ты в Хоплесе не найдешь.

– Тогда расскажи, что я видел в той комнате? Судя по всему, вы реально давно нашли этот коридор. Куда он ведет?

– Нет.

– Почему?! – я отчаянно взмахиваю руками – какого черта, Сюю? Я не опасен, я не маньяк, я не подсадной. Просто скажи мне – я понижаю голос и слегка подаюсь вперед, к ней – пожалуйста.

Однако, она непреклонна:

– Нет, Лаки, прости. Условия есть условия, и не советую тебе их впредь нарушать. Придет время – ты все узнаешь.

– Ну да! – фыркаю я саркастично – времени-то у нас вагон, об этом я забыл. Мы же заперты черт знает где, так что со временем траблов нет. На ближайшее будущее ничего не планируется, такую пометку в своем графике и сделаю.

Она равнодушно глядит на мою половину жижи, что я оставил без внимания:

– Я забираю?

Очуметь! Ее волнует только моя еда.

Чисто из принципа я демонстративно забираю остатки и кладу в рот, смачно чавкая. Она закатывает глаза:

– Ребячество.

– Оно самое. Вам можно, а мне нет?

Она зачерпывает последние остатки своей половины, но будто нарочно тянет время. Не спешит вставать и уходить. Я успеваю немного остыть, и вновь подаю голос:

– Меня приставили к какой-то Лин из чистяков. Она правда немая?

Я все еще надеюсь на лучшее.

– Лин? – Сью кивает – да.

Черт возьми! Уж она мне точно ничего не расскажет. И возле нее я должен торчать все свое время. Отлично, дела определенно пошли в гору.

– И которая? – я едва заметно оборачиваюсь на ужинающих хоплэтов вокруг нас.

Сью тоже оборачивается в разные стороны, и в итоге указывает на какую-то сторбленную фигуру в самом углу комнаты. Она сидит сама, без банки. Либо поела, либо и не ела. Темные волосы опущены на лицо, потому его не видно. Костлявая – еще худощавее Ричи. Только широкие штаны и футболка скрадывают часть болезненной худобы.

– Она еще и тупая? – осведомляюсь я.

– О чем ты?

– Она есть не умеет, или это ее принципиальная позиция?

На губах Сью мелькает едва уловимая ухмылка:

– А, ты об этом. Нет, она всегда ест. Просто такая.. как ты там сказал? Ускоренный метаболизм.

Сравнение меня с этим живым скелетом задевает, и я фыркаю.

– И плюс ко всему, она еще и болтать не может? – уточняю я еще раз для ясности.

– А ты планировал выведать все секреты Хоплеса? – хохочет Сью – Ричи не дурак, Лаки. Да и Лютер тоже. Да и вообще, вряд ли ты что вытянешь из хоплэтов. Мы чтим правила.

– Прекрасно – бурчу я – то, о чем всегда мечтал.

– Да ладно, зато она безобидная.

– Ну да, а я-то боялся, что она нападет на меня и забьет ершиком до смерти.

Сью подавляет смешок.

– Вообще, мы не сразу поняли, что она немая – заявляет Сью, и теперь полностью оборачивается ко мне. Я делаю то же самое, и мы оказываемся на ковре друг против друга. Наши ноги чуть касаются друг друга.

Недостаточно чтобы что-то надумать об этом, но достаточно, чтобы кровь начала приливать ни к тому месту. Я ненавязчиво складываю руки в этой области и подбираю ноги под себя во избежание повторных казусов.

– Вначале, когда она молчала и только лупала глазами, когда остальные цапались меж собой, мы решили что она просто шизанутая. И не трогали ее. Потом уже все устаканилось – а она так же молчок. Ну окей. А вот когда мы вылазки первые начали делать, да притащили листы с ручками – она как ломанулась к ним. Мы думали, у нее обострение или типо того.

– И что она?

– Давай строчить что-то, аж бумага дымится. Ну и написала там что к чему. Мол, немая все дела. Имя свое написала. Мы поняли, как с ней связь держать – да толку-то. Таким макаром ни кормаком, ни пытаком не станешь – ошалеть можно все ее каракули разбирать. А все кто за Зону выходят – должны рассказывать что и как видели. Изменилось или нет, да и в общем. С ней все слишком сложно в этом плане – вот и кинули в чистяки.

Подумав, Сью с тенью вины усмехается:

– Ресурсов возмущаться у нее все равно немного.

Я тоже дергаю правым уголком рта, поняв, что она имеет ввиду голос.

– И выходит, с этим чудом света мне завтра работать. И не только завтра.

– Смотри бодрее – она толкает меня в бок, хотя не особо-то ее слова подходят на что-то, пытающееся меня ободрить – ты мог уже сдохнуть в трапе. А сидишь здесь, сытый.

Я скептически хмыкаю и она дергает плечами, мол «ну и фиг

с тобой, что я-то сделаю. Страдай, если хочешь».

Однако, мне нравится с ней болтать, пусть даже об этой ерунде, но едва я придумываю новую тему и открываю рот, как рядом с нами появляется злосчастная фигура.

– Вижу, подалась в альтруисты, крошка? – усмехается Ричи и смотрит только на нее, словно меня рядом и нет.

– В смысле?

– Ну, тусуешь с убогими из жалости. Или доброты. Хотя не, доброты в тебе нифига.

Она в ответ дурачливо щипает его за ногу и он отскакивает, гогоча во все горло, но тут же подходит обратно:

– Погнали?

Не понимаю, что именно он имеет ввиду, но Сью с готовностью встает, не говоря мне ни слова. Даже что-то типо «ну я пойду» или «клево было поболтать, Лаки». Супер.

Я возмущенно наблюдаю, куда они уходят. В итоге, они садятся в центр соседнего ковра и начинают о чем-то судачить и смеяться. Просто болтать?

Ну да, глупо было думать, что из компании странного хо-плэта и лучшего друга, она выберет мою.

Видимо, время до отбоя еще есть, раз Лютер нас не разгоняет, но лучше бы уже спать. Делать все равно нечего, а смотреть, как Ричи дурачиться со Сью мне почему-то дико не нравится. Да и в принципе наблюдать как в отдалении пары ярдов веселятся вместе твой друг и злейший враг – отчасти как-то крипово.

Чтобы хоть как-то от них отвлечься, вновь оглядываю хоплэтов. Большинство доело, кто-то еще чавкает. Но все сидят по двое, даже если не болтают. Но довольно много и тех, кто, видимо, хотя бы отчасти сдружились. Или просто вместе стараются не рехнуться.

Мой взгляд вновь падает на Немую. Только она одна – и сидит не на одном из ковров, а отстранённо ото всех на голом полу в самом дальнем углу, словно старается максимально отгородиться от хоплэтов. Волосы все так же на лице – она даже не двигается.

Да, у нее точно с башкой проблемы. Ну, или она очень странная. Теперь понятно, почему Ричи остался так доволен вынесенным мне вердиктом, пусть он и не заключался в трапе.

Обреченно зеваю. Напряжение в районе ширинки давно как рукой сняло, потому теперь расставляю ноги по-турецки и подпираю подбородок руками, прикрыв веки.

Когда, наконец, Лютер начинает всех гнать к отбою, я уже наполовину сплю.

-5-

«36:01:17»

Я дважды моргаю и вновь смотрю на дисплей часов.

«36:01:14»

Нет, все верно. Да уж, во время сна часы проходят чер-

товски быстро. Не сразу верится с пробуждения, что таймер показывает верно, а не сбился в какой-то момент.

36 часов из 72. Выходит, половина уже прошла.

Интересно знать, половина до чего?

-6-

Путник останавливается и внимательно всматривается в машину, перегородившую им дорогу. Это большой фургон – с виду кажется, что он просто перевернулся в общей анархии и так и остался здесь лежать.

Но Путник верит инстинктам.

Потому его рука тут же тянется к пистолету за поясом, а сам он, не сводя глаз с злополучного фургона, делает едва заметный знак своим людям за спиной.

Толпа из двух дюжин людей тут же останавливается, как вкопанная, и все они так же берут в руки оружие. Пока никуда его не направляют – но снимают предохранителя и крепко сжимают.

Все замолкают.

Они отдаются слуху.

Путник стоит впереди них всех – и его пистолет единственный направлен на фургон. Он чувствует – что-то здесь не так.

Слишком уж ровно, перегородив дорогу от сель до сель, лежит этот фургон. При аварии так не падают.

И окна... в нем целы почти все обозримые окна.

Напряжение в груди Путника неприятно начинает нарастать, когда он делает медленный, едва заметный шаг назад, все так же целясь в темный фургон.

– Назад – едва слышно шепчет он своим людям и делает еще шагжок – немедленно. Все назад, но осторожно.

Люди, один за другим, начинают так же медленно отступать.

Путник видит какое-то мимолетное движение через стекло в кабине. Сжимает пистолет крепче и судорожно оглядывается по сторонам.

– Назад – повторяет он уже гораздо напряженнее и громче.

Он почти уверен, что их все равно слышат.

Когда одна девушка позади запинаятся за камень и с криком «Ай!» падает на землю.

Путник тут же шикает и, расширившимися от ужаса глазами, начинает параноидально оглядывать местность.

Ничего.

Вроде.

Но вдруг его взгляд улавливает то, чего он боялся больше всего.

– НАЗАД! – теперь он кричит во весь голос, дважды стреляет и обращается в бег – ЖИВО, НАЗАД! УХОДИМ!

Глава 5.

Я ем свою жестянку на пару с каким-то незнакомым хоплэтом. Раньше я его даже не замечал среди прочей толпы. Сью встала в очередь первой, но почему-то решила разделить завтрак с какой-то девчонкой. Хорошо, хоть не с Ричи.

Хотя я немного возмущен таким раскладом.

Чей не угодила ей еда со мной?

По-моему, не так уж много я и трепался.

Словно, отвечая на мой вопрос, через пару минут, покончив с завтраком, Сью подходит ко мне и треплет за волосы, словно какого-то мелкого мальчишку:

– Я пошла, Везучий – но она усмехается, а значит прозвищем пытается подшутить, а не задеть – удачно тебе пообжигаться с унитазами.

– Но не всё же жестянки наглаживать – парирую я и ее губы растягиваются еще шире.

– Как вернусь – жду отчет обо всех дерьмовых пятнах.

– Включая Ричи? Он самое большое дерьмовое пятно во всем Хоплесе – я невинно жму плечами и тут же получаю подзатыльник по тому месту, где Сью еще только что ставила дыбом мои волосы.

Смеюсь и делаю вид, что пытаюсь отбиться от следующего нападения. Хоплэт, что делит со мной жестянку, смотрит на все это с явным скептицизмом.

Наконец, Сью бросает еще какой-то подкол и уходит, а я

возвращаюсь к еде. Краем глаза замечаю, как неодобрительно на меня смотрит Лютер. Ричи не вижу – видимо, он уже убежал в Хоплес. Искать выходы, которых нет.

Полезная работа, нечего сказать.

Проходит еще пару минут, Лютер тоже убегает, а я доедаю свою часть и встаю, оглядев холл.

Вижу оставшихся и тут до меня доходит. Я наклоняюсь к своему соседу по трапезе:

– Ты чистяк?

– Ага – бурчит он – Стэн.

– Лаки – киваю я в ответ, хоть он и знает мое имя, и протягиваю руку.

Тот изумленно на нее таращится, после чего поднимает голову на меня:

– Ты же свое уже доел.

– Да нет, я.. – я сам замолкаю.

– Тогда зачем ты протянул мне руку? Что тебе дать?

Я и сам не знаю, зачем я это сделал. Это словно бы получилось рефлексивно – будто хорошо отработанное движение в определенных ситуациях. Я просто сделал это и все – а теперь ни ему, ни себе не могу объяснить на хрена я это сделал.

Между тем, моя протянутая рука все еще висит в воздухе. Я быстро сжимаю пальцы в кулак и подставляю ко рту, криво имитируя кашель:

– Забей.

Но хоплэт странно на меня таращится:

– Вспомнил что-то?

– С чего ты взял?

– Ну хоплэты часто бывает выкинут какую-то фигню, сами не знают почему. Лютер говорит, это скорее всего возвращается мышечная память. Типо сами мы не аля-аю, почему так сделали, а руки типо помнят.

– Руки помнят.. – повторяю я.

Звучит безумно. Что может помнить мясо без помощи мозга?

– Ага – он жмет плечами и встает, доев свое – но не знаю, мои руки ни черта так и не вспомнили.

Я вновь гляжу на жалкую кучку оставшихся. Это все чистяки – до меня это доперло, а Стэн лишь подтвердил мою догадку. Они едят неспешно, так как работа у них здесь же. А вот кормаки и пытаки уже быстро запихали в рот свое и разбежались.

Я ожидал, что Немая подойдет ко мне сама, как и Сью вчера, но очевидно с ней придется намного сложнее.

Выискиваю тот самый отдаленный угол – но там ее нет. Хмурюсь и оглядываю холл – замечаю, что она собрала волосы в тонкий жалкий хвост позади, оголив лицо. Теперь я вижу, что она безумна бледная, а кости лица так и торчат. Глаза от этого кажутся большими – но не выпученными, как у Ричи, а просто неестественно огромными. Как шары, я даже отсюда вижу их ярко-голубой цвет.

В остальном ее черты довольно заурядные. Хотя то, на ка-

ком скелете они оказались – уже немного не заурядно.

Она закатала рукава футболки, которые до этого висели ей до локтя – теперь почти до плеч. То же проделала со штанами – оголив по колени худощавые ноги. Короче, во всю подготовилась приносить прошение сральникам.

Вздыхаю и бреду к ней. Оказавшись рядом, замечаю, какая она низкая. Не выше моего плеча, хотя и я не самый великан из остальных хоплэтов.

– Э-э.. привет.. – я измученно улыбаюсь, не зная, как начать болтовню с человеком, который не может ответить.

Она даже не поворачивает на меня голову, продолжая свою подготовку.

– М-м.. меня зовут Лаки.. хотя ты наверное знаешь – неуверенно перекатываюсь с пятки на носок – в общем.. меня вроде как закрепили за тобой с сегодняшнего дня.

Я криво усмехаюсь:

– Знаю, не ахти какой бонус, но вот он я. Это.. да, ты не можешь болтать, я в курсе.. ну.. может, тогда напишешь на листке, что мне делать? Я примерно представляю, что дрят.. кхм.. – тут же заглушаю необдуманно брякнутое слово мнимым кашлем – что делают чистяки. Ну как опытная дай мне какое-нибудь задание да тряпку или что там... если честно, я ни черта не понимаю и мне довольно фигово, но надеюсь не стану для тебя главным наказанием этого дня.

Мне пора бы замолчать, но ее молчание будто говорит о том, что я должен трепаться и трепаться, пока она не соиз-

волит ответить – будто я уже недостаточно наплел:

– В смысле, не то, чтобы я желаю тебе другого главного наказания, но главное, чтобы это был не я. Точнее, лучше конечно вообще без наказания..

Наконец, я замолкаю и шумно вздыхаю. Но на всю мою идиотскую речь Лин не то, что слегка не улыбнулась – а даже ухом не повела. Будто со стеной болтаю.

Но при этом неловко себя чувствую я. Она же немая, черт возьми, может надо притащить ей лист? Но почему она тогда хотя бы не повернет голову – я же не долбанное пустое место?

Да уж, очевидно, она не из тех, кто в первый день голосовали за меня.

Наконец, меня все это достает и я довольно вульгарно щелкаю двумя пальцами прямо перед ее носом. Она тут же вздрагивает и оборачивается.

– Ты же Лин, да? – уточняю я уже не так деликатно и мягко – ты немая, но не глухая же. Может, ты и не из тех хлопчатых, что в восторге оттого, что я тусуюсь с вами – но можешь поверить, я и сам не пляшу в экстазе. Просто как-нибудь объясни, что мне делать и я отвяжусь.

Она дергает плечами, после чего хмурит брови, глядя куда-то вдаль. Я уже решаю, что у нее заскок на нервной почве, когда она вновь поднимает глаза на меня. Лицо бесстрастное, никаких эмоций. Руки быстро поднимаются на уровень груди. Одна ложится прямо, вторая делает странные волно-

вые действия на ней.

Наконец, до меня доходит.

– Лист – киваю я – сейчас.

Пока я бегаю за листом и ручкой, которые видел, как Лютер достает из шкафчика, она до конца заканчивает с подготовкой. Теперь можно в сортир хоть с ногами вставать.

– Вот, держи – я улыбаюсь, пытаюсь вновь казаться дружелюбным, но она даже не поднимает глаз.

Кажется, будь у нее способность болтать – она загнобила бы меня почище Ричи. Подозреваю, это еще одна причина, по которой этот утырок так за нее голосовал.

Облокотив лист о стену, она быстро и размашисто принимается что-то писать. Закончив, резко сует лист мне.

– Спасибо – бурчу я.

«Меня зовут Лин. Я немая. Ты прав.»

Но это не значит, что я люблю слушать. Хочу работать молча.

Ричи сказал дать тебе часть с сан-узлами, а я в это время вымою окно и раковины. Тряпку для унитазов дам – пойдешь за мной. Как закончишь со всеми – подойди ко мне. Если куда-то отходишь – говори мне. Если увижу, что тебя нет в Зоне – подниму тревогу.

Так мне приказал делать Ричи».

С каждой прочитанной строкой я хмурюсь все больше. Дочитав, раздражённо комкаю лист и смотрю на нее, изогнув бровь.

Но Лин недовольно берет лист из моих рук, расправляет и указывает на определенную строчку:

«Тряпку для унитаза дам – пойди за мной».

– Окей – хмыкаю я – пошли. Всю жизнь мечтал драить унитазы. И все из-за этого..

Она тут же показывает на строчку порядком выше:

«Хочу работать молча.

Фыркаю:

– Хорошо подготовилась.

Она невозмутимо показывает на третье предложение от начала:

«Ты прав».

А когда я читал этот сраный лист и не мог подумать, что она теперь сможет отвечать с его помощью мне целый день.

Показываю ей рукой на выход, мол «после вас». Она проходит, и я бреду за ней в ожидании худшего. Хотя, все худшее уже случилось. В сортире она дают мне какую-то желтую тряпку – демонстративно мочит ее в раковине, типо показывая, что должен постоянно делать я.

– Окей – киваю – как вымою унитазы позову.

Лин смотрит на меня с мгновение – с нескрываемым подозрением – после чего вновь тычет в лист.

«а я в это время вымою окно и раковины»

Слово «окно» она зажимает, давая понять, чем решила заняться. А заодно – насколько мне не доверяет. Хотя впрочем, после вчерашнего эмоционального рассказа Ричи о мо-

их побегах и верчения на хрену всего Хоплеса – думаю, ко мне так относится каждый, кроме Сью.

Главный враг, который продолжает творить дичь.

Ну как они думают.

По мне, дичь – это раз за разом открывать пустой холодильник, все уповая, что на следующий день там обнаружатся конфеты. Именно этим и занимаются пытаки.

Хорошо выжав тряпку, я с кривой улыбкой подхожу к Лин и уточняю:

– Раз твой лист такой уникальный, может там найдется и ответ на то, что я вчера видел за коридор?

Лин аж вся бледнеет и отчаянно мотает головой. После чего хватает свою тряпку и принимается тереть раковину с таким усердием, что боюсь, как бы ее кондрашка не дернула.

– Ладно-ладно – вскидываю я руки – окей, я понял. Ничего не надо, пойду работать.

Шиза. Вот кто она. Немая – неправильная кличка. Она настоящая шиза.

Следующие два часа (если верить таймеру на руках) самые поганые за последние полтора дня. Казалось бы – невозможно же за день засрать унитаз? Его вчера еще драили чистяки.

Оказывается, если 20 хоплэтов весь день регулярно пользуются 5 унитазами – то те обречены быть засранными при любых раскладах.

Когда я дохожу до пятого, уже ненавижу всю вселенную,

меня кто-то трогает за плечо. От неожиданности с дергаюсь и пара капель с рук летит мне в лицо:

– Твою мать! – рычу я и оборачиваюсь.

Лин, опешив, делает шаг назад.

Я не помню, но почему-то мне кажется что возиться в дерьме голыми руками – не норма. Неужели у них нет ни черта на подобные дела?

Мрачно бреду к вымытым раковинам, подношу руки к одной из них и вода автоматически начинает литься.

Датчик движения. Как и свет.

Мысль проскальзывает быстро, но я успеваю ухватиться за нее. Что это – очередное нелепое воспоминание, или логически сделанный вывод?

Вымыв руки и до красноты натерев лицо, киваю Лин. Она ведь для чего-то меня тронула.

Шиза вновь тычет в лист. Теперь на слово «окно». После чего, немного подумав, на:

«если увижу, что тебя нет в Зоне – подниму тревогу»

– Иди к своему окну – фыркаю я – никуда я не денусь.

После чего развожу руками, показывая ей на сортиры:

– У меня же здесь столько новых друзей! Как я могу их бросить? Нет-нет-нет, сегодня я весь в их внимании.

На мгновение сжатые губ Лин слегка дергаются справа. То ли она пыталась улыбнуться, то ли оскалить зубы. Сложно сказать. После чего она кивает и уходит в холл, мыть единственное, совершенно ненужное окно.

Мне требуется еще треть часа, чтобы закончить с оставшимся унитазом. Как раз, когда я притаскиваю в раковину тряпку, чтобы сполоснуть, сюда же заходит Бен.

Сейчас он гораздо более мрачный, чем когда я видел его жрущим. Очевидно, быть чистяком – все еще для него личное оскорбление.

(-а кто Бен?)

– чистяк.

– чистяк? Он такой мощный, почему не пытак?

– у него со зрением нелады, туда таких нельзя)

Решаю этим воспользоваться и подбочениваюсь:

– Да уж, я здесь только пару часов, а уже вздернуться охота. Ты сам или тебя заставили?

Он сверкает на меня глазами и я затыкаюсь. Молча мну тряпку под водой, ожидая, пока он уйдет. Но неожиданно, спустя паузу, он все же отвечает, раздраженно:

– Ага, сам. Как же. Думаешь, тут есть любители дерьмовой работы? Во всех смыслах. Подтираем за ними, пока они шастают все такие из себя важные. Как же! Ведь сам Ричи решил, что я слишком слепой для этой крутой работы.

Опасаясь, но все-таки решаю продолжить свою стратегию:

– Да, вот и меня насильно турнули. Ну да ты в курсе. Все в курсе. Ричи вчера как увидел, что я коридор нашел – так аж побелел. С катушек слетел, и добился того, чтобы меня сюда кинули. Ну, решалось между трапом, так что..

Замолкаю, ожидая реакции. Но Бен молчит и, вымыв свою тряпку, уже принимается ее отжимать, потому я вновь быстро возвращаюсь к трепотне:

– Было бы еще не обидно, если б хоть за дело. А то так драю тут сральники, а даже не знаю, что именно нашел. Мне так и не сказали.

Бен молчит. Берет выжатую тряпку и уже поворачивается к двери.

– Потому что Ричи запретил – приходится немного слукавить – Сюю уже собиралась мне объяснить, что я такое нарыл, а этот как нанесся, как давай орать. Ну псих, че взять.

Бен оборачивается ко мне своим массивным телом:

– Вообще-то это правила. Ты пока на испыталке. Тебе знать этого нельзя, Везучий.

Я уже собираюсь ответить, когда он тем же тоном добавляет:

– Потому что они так решили. Они же здесь большие боссы, как же. Сами себя короновали. Решают, кому что можно, кому нельзя. Кто кем работает, а кто чистяк.

(..они с Лютером стали вместе поддерживать порядок в Хоплесе, так как в одного всех удержать в узде довольно накладно.

– Почему?

– Ну, случаются стычки все еще время от времени..)

– Кому что можно знать, а кого в трап – коряво подключаюсь я с жаром, пытаюсь показать, что я на его стороне –

они такие же, как мы! Заложники ситуации. Какого черта они командуют? Как вы это допустили?

– А! – он раздраженно отмахивается, как бы говоря «не в этом дело».

Я не настаиваю. Я вообще это ляпнул, просто чтобы разгорячить его еще сильнее.

Наконец, он вновь смотрит на меня и я с ликованием понимаю, что добился своего.

– Говоришь, не сказали тебе, что за коридор такой стеклянный нашел? – спрашивает.

– Ага – стараюсь скрыть половину своей заинтересованности, чтобы не отпугнуть его. Начинаю отвечать лениво, как бы даже равнодушно – говорят, нельзя, условия были.

– Условия – фыркает он – пусть свои условия себе в задницы засунут и провернут. Как и свое мнение. Можно, нельзя. Ты туда, ты сюда..

Бен вновь отклоняется от главной темы, и я аккуратно его направляю:

– Так может ты все-таки можешь тогда рассказать, что я видел? Мы же все равны, можем знать все поровну и все такое прочее.

– Если честно, мне насрать узнаешь ты это или нет – в итоге заявляет он – а на Ричи и подавно насрать. Только поэтому скажу. Короче, тот стеклянный коридор, который ты видел..

Мое сердце пропускает удар.

– ..это и есть трап.

-2-

Решаю, что ослышался.

– Трап?

– Да, трап – нетерпеливо повторяет Бен – куда тебя все норовят запихать.

И тут фрагмент складывается, едва я получаю важный пазл.

(– Говори что там, или я сам выясню.

– В последний раз в жизни? – язвительно бросает Сью)

(..этот конченный отстал и сам ринулся сюда. Еле успела его одернуть в последний момент.

– Да лучше бы не успела – цедит Ричи)

Конечно. Этот коридор представляет какую-то опасность.

Трап. [*Прим. Трап (trap) – капкан*]

Но какую? Понятнее не стало.

– А чем он опасен? Почему все хоплэты его так боятся? Вроде обычный коридор.

– Ага, обычный – фыркает он – черта с два, шаг сделаешь – под корень все добро до грудочки отсечет, моргнуть не успеешь.

– Не понимаю. Чем?

– А черт его знает – Бен недовольно жмет плечами и разворачивает тряпку, начав ее тереть.

Очевидно, что разговоры о дерьмовых правилах бугаю были по душе гораздо больше, однако он не решает дать заднюю:

– Там чертовщина какая-та творится, Везучий.

Я начинаю терять терпение, но все же хлопаю Бена по плечу и участливо повторяю:

– Так что именно? Я не увидел там никаких.. шипов или ножей. Не знаю, чем еще можно отсечь все до грудочки? Одно стекло.

– Стекло.. – бурчит тот, и косится на мою руку. Я поспешно ее убираю. Сам не знаю, что на меня нашло – стекло-то стекло, но ты дверь видел?

Ну наконец-то.

– Да. Что за этой дверью?

– Точно никто не в курсах. Но Лютер зовет это *сектором А*. И мы в сектор А не суется – тут же добавляет он.

– Почему?

– Потому что.. – Бен пыжится и хмурит брови непонятно на кого – знаешь, именно Лютер со своим напарником когда только в пытаках бродить начали – и напоролся на трап.

(и тогда мы работали парами. слишком боялись неизвестной территории, заблудиться в ней или напороться на что-то фиговое)

– Фиг знает, как звали того хоплэта, что был с ним тогда – но Лютер говорит, тот как дверь увидел, ему башню и сорвало – он смотрит в мою сторону – прям как и тебе, судя по

всему. Он как сиганет туда, мол «выход, выход». К тому моменту это первая дверь такая была, которую они нашли толковую. Ну и драпанул, Лютер хватить его не успел..

Бен жмурится:

– А дверь то и «кляц», едва он туда шурнул.

– Что, кляц? – не понимаю я – там ручка с другой стороны.

Снаружи.

– Ага. Только работает она, когда внутри пусто. А едва хоплэт в капкан угождает – дверь заезжает и хоть зажмись и задергайся. Пока одни рожки до ножки не останутся – черта с два стекляшка откроется.

– Рожки да ножки? – холодею я.

– Ага. Лютер в тот день бледняком пришел. Рассказал нам, мы не поверили – с ним пошли. А там от того хоплэта.. только название осталось. Распанахало его что-то, точно клинком. Порубало, на хрен, на части. Лютер говорит, как дверь закрылась – точно из воздуха что-то светящееся начало образовываться. Не осязаемое – но светится. Как хоплэта панахнуло – так и рассекло, точно масло топленое.

Лазер.

Очередное бессмысленное слово в башке. Но я уверен, что речь идет именно о нем. Мне самому становится не по себе, что я начинаю больше остальных понимать о Хоплесе.

Что, если со мной правда что-то не так?

Ладно, пока это самое неважное, что есть в наличии из проблем.

– Но ты сказал, он назвал это сектором А. Значит, вы как-то в итоге туда пробрались? Другим лазом? – надежда еще не угасает во мне, хотя пора бы. Ведь это *Хоплес*.

– Нет, другого лаза в тот сектор нет. Мы все обыскали, как ошалелые. Даже ночами бродили, думали, что нашли нитку. Ан-нет – без вариантов. Только через трап.

– Значит, вы не знаете, что именно за дверью?

– А черт его знает – фыркает он, будто я сморозил какую-то чушь – может и ничего нет! Как сыр в мышеловке. Дверь стоит, чтобы такие хоплэты, как ты, туда сигали, и захлопывается. Не удивлюсь, если она кирпичами с той стороны вообще заложена и никуда не ведет.

– Почему тогда «Сектор А»?

– Лютер так обозначил. Ну, чтобы понятнее было, о чем болтаем, когда речь заходит. У нас каждое место названо – надо было как-то и ту херовину назвать, что за дверью может быть. Если есть.

Я молчу, после чего говорю:

– Но что, если это и есть выход? Тогда понятно, почему там эти.. ловушки.

Решаю не говорить о лазерах, чтобы не вызвать подозрений у Бена.

– Они должны помешать нам, но если попробуемся через них – то и получим долгожданную свободу.

– Ага, ну как же. Иди, вперед, как тот хоплэт. Мы твои остатки потом соберем в горстку, на черный день ими пере-

кусим – он смеется, сочтя свою шутку офигеть какой остроумной.

Как он может стебаться, когда речь наконец-то зашла о чем-то обнадеживающем? Чем-то неизведанном, что может дать новую надежду?

– И все-таки..

– Слушай, Везучий – устало перебивает он, скомкав тряпку вновь – если там и есть какой выход, то только сразу на тот свет. И спасибо, я пока туда не тороплюсь.

С этими словами он выходит из сортира, не дожидаясь моего ответа.

Но когда я в сотый раз без толку промываю и так уже чистую тряпку, думая над услышанным, меня вдруг озаряет.

Срабатывает ли система лазеров только если зайти с нашей стороны – или, если открыть дверь со стороны Сектора А, тоже?

Что, если эта хрень совсем не для того, чтобы не впустить нас туда.. а для того, чтобы не выпустить никого оттуда? Может, этот капкан расставлен вовсе не на нас, а напротив, защищает нас от чего-то, сдерживаемом в том секторе?

Но если это так – то как оно там оказалось, и кто его сдерживает?

-3-

К обеду кормаки и пытаки стекаются обратно в холл. Я

к этому времени уже управляюсь и с унитазами, и с частью другой поскудной работы чистяка, которую дает мне Лин. Все это время она так же не особо дружелюбна, и если я пытаюсь сказать больше трех слов за раз – тычет на пункт «*я хочу работать молча*».

Бен тоже мрачный, а Стэн – хоплэт, с которым я завтракал – будто нарочно избегает любой компании. Видимо, оказавшись в чистяках, хоплэты начинают терять всю свою адекватность. Заманчиво, конечно.

При первых появившихся кормаках и пытаках -я начинаю в ожидании вглядываться в проход холла, надеясь увидеть знакомую рыжую копну. Вчера мы заявили на обед одними из первых – значит, долго ее ждать не придется.

Но не проходит и пары минут моего стояния, как ко мне подходит Лин, тыкая на пункт: «*иди за мной*»

– Хорош – закатываю я глаза – сейчас обед, потом. Даже эти уже приходят. Пе-ре-рыв – говорю я по слогам, будто она и правда тупая, а не глухая.

Она лишь недовольно хмурится, наверное, подумав о том же самом, после чего вновь тычет на пункт.

– Я подругу жду – злюсь я, но она непреклонна.

Сжав губы, я иду за Немой. Она ведет меня в сральники и показывает на четвертый унитаз. И вот в этом унитазе явно краснеется понятной природы коричневое пятно на стенке.

– Какого черта? – я складываю руки на груди – я нормаль-

но его помыл. Если кто-то после этого посрал, пусть сам берет ершик и драит это. Мне что, после каждого безрукого хоплэта, блин, по новой начинать?

Она изгибает бровь.

Ну да, как же. Ведь пытаки и кормаки работают целый день. А если бы нам только на раз надо было пройти унитазаы, раковины и окно – то всей нашей компашкой мы бы освободились уже через пару часов и пинали балду до конца дня.

Ричи бы никогда такого не допустил из-за личного мудачества.

– Шикарно – цежу я и язвительно уточняю – можно мне сначала поесть, или это важное дело не терпит испоганить мне аппетит?

Она глядит на унитаза, потом на меня. Я спросил это как стэб, а она походу реально думает – заставить ли меня чистить чье-то дерьмо до еды или после. Наконец, неохотно кивает.

– Как великодушно с твоей стороны – ерничаю я и иду обратно в холл.

Ненавижу чистяков, ненавижу им быть, ненавижу Хоплес и ненавижу долбанного Ричи. Я вообще все здесь ненавижу, и будь на их месте – уж лучше бы попытал удачу в трапе, чем продолжал заниматься всем этим шлаком.

Когда я оказываюсь в холле – уже почти все прибежали. Жестянки раздает Бен. Выискиваю в очереди Сью и вижу ее рыжие волосы. Однако мимолетную радость тут же омрача-

ют черные кудри рядом.

Ричи.

Чертова Лин, а ведь я мог успеть первым к ней подойти.

На мгновение я уже решаю встать в конец очереди, но внезапная волна гнева за все, что здесь со мной творится, придает мне храбрости. «Идиотского порыва», как сказала бы Сью. И я прохожу мимо хоплэтов к ней.

– Привет – натянуто улыбаюсь я, как и Ричи вчера вечером, делая вид, что не замечаю его по другую сторону от нее.

– О, Лаки – хмыкает она и дергает правым уголком рта – как унитазы?

Ричи фыркает. Пока что молча.

– Они менее любвеобильны. В отличии от банок, им не нравятся мои наглаживания. Приходится обходиться чем есть.

Она усмехается, а Ричи начинает злиться еще сильнее:

– Я приказал Немой окунуть тебя в самую суть доли чистяков. В прямом смысле с головой – он едко ухмыляется – ну так как прошло посвящение, ушмарок?

– Как мальчишка, Рич – улыбается Сью, толкнув его в бок – уймись.

– Не мешай мне следить за Хоплесом, детка – отмахивается тот и вновь пристает ко мне с явным намерением отвязаться – и главным образом за этим ушмарком. После еды я лично проверю как ты вылизал сральники.

– И долижешь за мной, если вдруг что осталось – киваю я

невозмутимо – типо шоколадных трюфель на десерт.

Сью заливается хохотом и Ричи толкает ее в бок. Она отмахивается, но не может перестать в миг смеяться.

Тогда он рывком обходит ее и замахивается на меня. Не знаю, что действует первым – разум или рефлекс – но я выставляю руку вперед, в последний момент защитив лицо. Затрещина Ричи приходится с размаху по моей ладони – чертовски больно, но не так как по лицу.

Но уже в следующую секунду я повторяю его жест своей рукой – и уж моя-то ладонь с хлопком приземляется на его костлявую щеку. Да уж, борьба двух скелетов Хоплеса – зрелище не для слабонервных.

Когда моя затрещина заставляет голову Ричи откинуться вбок, точно марионетку, хоплэты ахают и даже забывают про еду.

Я сам тут же жалею о сделанном. Конечно, хуже чистяка меня не понизить, но..

– Ну все, ты долбаный покойник, ушмарок – цедит Ричи. Но за секунду до того, как он успевает наброситься на меня в уже действительно серьезном махаче, меня за шкуру отталкивает Лютер. Второй рукой ударяет в грудь Ричарда, останавливая его нападение.

– Вы че, блин, совсем обалдели, придурки? – ревет он, точно проснувшийся медведь – третье правило, мать твою, идиоты! Не создаем конфликты. Тем более в обеденное время!

– Он первый начал! – я тут же тыкаю на него, точно мальчишка.

– И еще не закончил, долбаный ты хрен! – рычит он в ответ, словно у него тело Бена, а не еще большего рохлика, чем я. А моя ладонь красным отпечатком сверкает на его щеке.

Он нарочно игнорирует это, словно ему и не прилетело.

– Рич, серьезно? – теперь он смотрит на друга – какого хрена на тебя нашло? Что опять он не так сделал?

Ричи медлит с ответом. Видимо, догнал, что его недовольство моим общением со Сью – не повод нарушать придуманные самим же порядки в Хоплесе.

Наконец, он фыркает:

– Отвали, Лютер. Этот хрен предложил мне дерьмо на десерт пожрать.

– Это правда, Везучий? – изумленно уточняет тот.

– Нет! Вернее.. да – бурчу я – не совсем. Не так я сказал. И вообще только после того, как он сам до меня додрался. Типо, я вылизываю унитазаы и все такое дерьмо.

– Рич? – Лютер вновь глядит на него.

– А не хрен было лезть ко мне! Он сам привязался.

– Я подошел к Сью, а не к тебе.

– Короче, кто из этих идиотов начал первым? – устало спрашивает в итоге Лютер у Сью.

О, повторяющаяся ситуация. Как с трапом.

Только не уверен, что теперь она меня выгородит. Потому

что виновному, очевидно, дадут наказаний вагон.

– Что именно? – равнодушно спрашивает та. Между тем жестянки вновь продолжают раздавать и наша очередь подходит.

– Тявкать на другого. Кто спровоцировал эту идиотскую драку?

– Ну.. – она жмет плечами, словно выбирает, зеленое ей яблоко взять или красное – Лаки подошел, когда мы уже болтали с Ричи.

Я закатываю глаза. Прекрасно.

– Но Ричи он не трогал – добавляет она – он реально первым к нему прицепился.

– Сюю.. – цедит тот мрачно. Даже предупреждающе.

– Рич, без обид, мне насрать на ваши мальчишечьи разборки, альфа-самцы, блин – фыркает она – нашли место. Короче – кивает Лютеру – Лаки первым подошел, но Ричи не трогал. Первым доколупался и накинулся Рич. Как по мне – они оба придурки.

– А я-то чего ради? – изумляюсь я итогу.

Она смеряет меня взглядом *«господи, не думала, что ты сам не догонишь почему»* и закатывает глаза.

– Понятно – устало вздыхает Лютер – короче, Рич, ты неправ и потому дежуришь сегодня у окна вне очереди.

Местный будильник.

– Какого черта? – вскидывается тот.

– Рич, правила, мать твою за так! Ты сам вчера орал, что

их надо соблюдать, а сегодня кидаешься на Везучего на глазах всего Хоплеса. Извини, чувак, но я не могу пропустить это. Они не поймут.

– Накажи Везучего – говорит он пониженным голосом. Теперь это слышим только мы четверо.

– Рич – Лютер смотрит на него в упор – сегодня дежуришь ты. Все по-честному. Начал драку – спишь у окна.

– Да и насрать! – окончательно взбешивается тот и резко поворачивается к Сью – а с тобой, дура, я вообще не разговариваю!

– А почему я-то должна судить, у кого из вас хрен длиннее? – фыркает она ему вслед – мы тут выход ищем, а не самого крутого самца, Ричи. Не втягивай меня в это.

Но тот уже подбежал к другому хоплэту в очереди и встал рядом с ним.

– Он эмоциональный – равнодушно жмет плечами Сью, словно ничего не произошло – к вечеру отойдет.

Мне как бы плевать. Не отойдет – даже лучше.

– Значит.. я теперь могу встать с тобой? – вкрадчиво уточняю я, имея ввиду пару на еду.

– Да, валяй – жмет она плечами – какая разница.

С тщательно скрываемом самодовольством я поудобнее встаю рядом, украдкой глядя на Ричи.

Когда мы уже с банкой садимся на ковер и я закидываю первую порцию в рот, то спрашиваю:

– А почему я-то тоже идиот?

– А ты не понял?

– Вообще-то нет. Я пострадавший.

– Лаки.. – закатывает она глаза – ты подошел, видя Ричи.

Этим его спровоцировал, и не говори, что не смекал этого.

– Нарочно я никого бесить не собирался.

– Короче, вы оба хороши.

– Ты так говоришь, только потому что не можешь безоговорочно обвинить друга. Конечно – с вызовом бросаю я.

– Слушай, Везучий – с сощуром отвечает – если бы я не могла обвинить Ричи, то сегодня ночью у окна спал бы ты.

Ты тоже хорош, не святой отец. Все, вопрос закрыт.

Я фыркаю, но решаю, что может в чем-то она и права. Конечно, ей об этом говорить не собираюсь.

Когда мы молча уже съедаем половину, подаю голос:

– Что ты знаешь о трапе?

Она делает паузу в пару секунд, после чего поворачивается ко мне и совершенно невозмутимо уточняет:

– Все-таки смог уболтать кого-то из чистяков?

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну точно не Немую – продолжает она, игнорируя меня – там понятно. Стэн.. нет, он голосовал против тебя..

– Против?

– Ага.

Вот же кретин.

– Ясно, как и Немая.

– Кстати нет, Лин была за тебя. Как и я – на обычных пра-

вах.

Это изумляет еще сильнее, чем новость про Стэна. Ее отношение ко мне никак не вяжется с тем, что она голосовала за мое пребывание наравне с остальными хоплэтами.

– Так.. – продолжает перечислять Сью – та тоже нет. Неужели Бен?

Быстро она.

Видимо, мое удивление меня выдает и Сью довольно хмыкает:

– Нетрудно догадаться. Просто так ты бы второй раз тоже самое спрашивать у меня не стал. А из всех чистяков – только у Бена есть мотивы потрепаться, если знать, как его раззадорить.

– Ну да – сдаюсь я с легкой усмешкой – ты же не сдашь меня?

– Смотря, что он тебе натрепал – серьезно говорит, но мы оба знаем, что она играет.

– В общем-то, ничего такого. Типо, этот стеклянный коридорчик – какая-та машина убийств с кучей лазеров, а что за дверью непонятно. Только то, что вы назвали это Сектором А.

– Кучей лазеров? – переспрашивает Сью.

– Ну.. световых лучей.

– С чего ты решил, что это лазеры?

– Мне.. так кажется. Не знаю.

Она смотрит на меня молча пару секунд, после чего вновь

берется за еду.

– Я не знаю, почему мне так кажется – уже с обвинением повторяю я – гораздо больше меня парит, что реально за той дверью. И почему оно охраняется лазером.

– Возможно, там ничего.

– Да, Бен говорил.

– А возможно, выход – тем же невозмутимым тоном добавляет она.

– Так спокойно об этом говоришь? Тогда мы никогда не выйдем, если там выход! Потому что вы назвали его Сектором А и забросили, запрещаете туда переться и вообще забраться туда – это ваше главное наказание. Только рыщите по Хоплесу бесцельно сутками. И так спокойно об этом рассуждаешь?!

– Остынь, Везучий – она потягивается, словно только встала – что еще остается? Через те.. лазеры никому не пробраться. Я лично видела тело того хоплэта. Точнее.. тех кусков. Да, окей, если выход за той дверью – мы обречены. Но я хочу верить в лучшее.

– Прекрасно – бурчу я.

– Есть предложения лучше?

– Может, лазеры можно обойти?

– Не думаю. Дверь закрывается и все, никак не выйти.

– В другую. Что на той стороне.

– Не уверена, что до нее хоть кто-то доберется. Лютер сказал, первый луч появился в полу-ярде от хоплэта. Без вари-

антов.

– Должен быть вариант!

– Угомонись.

– Ушам не верю.

– Ушам не поверит Ричи, если узнает, что ты прознал про трап. А если будешь дальше так же громко трепаться – то этот момент очень скоро настанет. Так что заткнись и ешь.

Это мне и приходится сделать, так как ничего больше в голову не лезет. Но кому есть смысл запирать нас здесь и кормить, если нет никаких шансов выбраться?

Что это за садистское представление?

И есть ли реально какие-то «Они» или теория хоплэтов и правда лишь паранойя. Тогда кто нас здесь запер? Как мы здесь оказались? Почему никто из нас ни черта не помнит?

Что скрывается в секторе А?

-4-

Какой-то парень лежит на кушетке. Я одновременно вижу его как бы со стороны, но и как бы от его лица. Очень странно.

Этот парень две капли воды, как я.

Этот парень и есть я.

Только теперь его белые волосы разметаны по лицу, грудь едва заметно вздымается, словно каждый последующий вздох находится под сомнением.

Я вижу перед собой людей. Они склонились надо мной. На них какие-то белые халаты и уродливые черные противогазы. словно огромные муравьи. Они что-то говорят, но большинство звуков съедается этими намордниками.

Они обступили меня, но я не понимаю в чем дело.

Среди них выделяется один – халат накинут на какую-то черную рубашку. Он склонился ближе остальных – потому его голос я слышу из-под противогаза..

Респиратор. Это респиратор – я это знаю.

– Лаки! – глухо доносятся звуки его голоса – запомни последовательность.. – резко поворачивается к ближайшему человеку в халате – он слышит меня?

– Нет подтверждения – глухо отвечает тот.

Вокруг много приборов. Очень странных, я не понимаю, что они значат.

Фигура в рубашке под низ вновь склоняется ко мне:

– Лаки! Обязательно запомни комбинацию цифр: 3659! Обязательно, слышишь?! Запомни! 3659! 3659! 3659! – он повторяет это так часто и быстро, словно мантру – 3659! Обязательно запомни, 3659..

– Приборы не отражают импульсов – перебивает его один из людей в халате – вероятно, он уже вошел в состояние коматоза..

– Запомни! – не останавливается первый, между нашими лицами не большие пары дюймов – 3659! Это код, Лаки. Код! Запомни его обязательно, 3659! 3659...

Глава 6.

-1-

Я просыпаюсь и громко втягиваю ртом воздух.

Безумный сон. Но безумнее всего то, что в моей голове все еще крутится назойливый глухой голос неизвестного в респираторе – 3659, 3659, 3659..

Гляжу на часы:

«13:19:24»

Значит, до подъема еще где-то два с лишком часа. Поворачиваю голову в сторону окна, пытаюсь унять дыхание. Ричи спит на спине, прямо лицом на лучи, когда солнце взойдет. Все спят.

Что это было?

Игра воображения или во время сна я вспомнил что-то из прошлого? Но что это тогда значит?

Белиберда какая-та.

Кто были те люди в респираторах?

И что это за цифры.. код. Код от чего? Для чего?

3659.

На всякий случай все же решаю его записать. Даже если это просто больная игра воображения – порвать бумажку всегда успею. Аккуратно, едва слышно, встаю..

И в холле тут же загорается свет. Чертовы датчики!

Я так и замираю, словно вкопанный.

Но свет не тревожит никого из хоплэтов. Лишь Ричи возмущенно постанывает во сне и переворачивается на другой бок. Очевидно, привычный холодный свет из стен хоплэтов не будит – только точечные солнечные лучи с утра.

Выдохнув, и все еще не веря своей удаче, я подхожу к столу, где лежит листок Лин с ее ответом.

Отрываю маленький клочок нижнего угла от листа, беру ручку и записываю последовательность, пока она свежа в голове:

«3659».

Запихиваю клочок в карман джинс и возвращаюсь на место.

-2-

Когда я просыпаюсь спустя два часа уже от крика Ричи, который всех будит, то сон уже кажется чем-то далеким и несуществующим. И лишь бумажка в заднем кармане джинс напоминает о том, что 3659 не было плодом моего воображения.

По крайней мере, не сознательной его частью.

Гляжу на часы:

«11:46:38»

Сегодня ближе к вечеру, как раз в то время, в которое ровно трое суток назад меня нашли в отсеке 24-А, таймер обнулится. Интересно, что тогда случится?

Самая наивная и воображаемая часть моего мозга говорит: тогда за вами придут спасатели, вломятся в это окно на тросах, всех вас вытащат и сообщат, что это было какое-то забавное шоу или типо того..

– Эй, кусок дерьма – в этот раз Ричи пинает меня куда больнее, чем когда заходил на вахту по очереди – вставай живо, разлегся, на хрен, уже подъем.

Он скрещивает руки на груди, показывая, что не уберется к чертям, пока я не встану. Но едва я собираюсь подняться на локтях, как он пинает меня по руке, заставляя вновь грохнуться на пол.

– Отвали – злюсь – я встаю.

– А я хочу, чтобы ты не просто встал, ушлепок, а чтобы ты *Проснулся!* – он делает ладонями «радугу» – это из-за тебя, кретин ты долбаный, я сегодня спал возле окна, так что давай! – он вновь дает мне по руке ногой – вставай, хрен моржовый, я тебя сейчас так ободрю!

– Пошел к черту! – я хватаю его ногу и он едва не падает, но я вовремя отпускаю.

Восстановив равновесие, он уже замахивается вновь – но я резко поднимаюсь, сам едва не грохнувшись обратно. Да уж, славное пробуждение важного дня.

– Что? – ухмыляется он, словно прочтя мои мысли, и хватается за запястье, насильно подняв мою руку над головой, после чего оборачивается к хоплэтам – эй, народ! Вы может забыли, но сегодня часики нашей принцессы дойдут до нуля!

Интересно, что тогда случится?

Он бросает мою руку и поворачивается, теперь цедя лишь мне:

– Если из-за тебя, вонючий утырок, хоть кто-то из моих хоплэтов пострадает, когда часики на твоей долбанной руке обнулятся – я лично тебя прикончу, без всяких трапов.

– Они не «твои» хоплэты – я отпихиваю его, возвращая себе личное пространство – а во-вторых, я сам желаю им зла не больше твоего. Пора уже перестать страдать паранойей по поводу моего появления, *Ричи* – последнее слово я нарочно выделяю, едва не выплевывая ему в лицо.

– Я перестану ей страдать, лишь когда увижу куски твоего сраного тела, изрубленного в трапе – его голос сухой и ледяной, когда он бросает это.

Я ожидаю, что спор вновь затянется – но видимо, у Ричи нет желания вновь спать у окна. Потому что бросив это, он резко разворачивается и уходит получать жестянки для завтрака. Их уже раздает какой-то незнакомый мне хоплэт.

Судя по тому, что Ричи встает в очередь сам – они со Сью пока не помирились. Но длится мое ликование недолго – вот моя носительница рыжей шевелюры подходит к нему и подбочивается, со смехом что-то говоря. Он стряхивает ее руки с себя и что-то недовольно ворчит. Она вновь говорит – он вновь отмахивается, но уже более снисходительно. Наконец, она щипает его за бок, он гогочет и начинает щекотать ее в ответ. Под конец этого блевотного примирения с солнечны-

ми зайчиками, они уже стоят в очереди вместе и о чем-то трещат.

Погано, я думал его хватит хотя бы на пару дней.

Оглядываюсь в поиске такого же одиночества, с которым можно разделить банку. По вчерашней реакции Сью я понял – мои порывы что-то доказать Ричи, как и замашки самого Ричи – ей не внушают восторга и вообще ее от этого воротит. Так что подходить вновь третьим, когда они только помирились – было бы совсем по-идиотски.

Замечаю в толпе Бена и встаю рядом. Может, после вчерашней болтовни мы и можем стать приятелями-чистяками по несчастью?

– Привет – бросаю я – жестянку на двоих?

– Окей – соглашается он, но развить разговор не спешит, а лишь смотрит в самое начало очереди и пожирает взглядом банки, которые получают другие хоплэты.

Но вдруг опять поворачивается и косится на мои часы:

– Эти тикалки и правда ведь сегодня обнулятся? – спрашивает.

Дергаю плечами и показываю дисплей:

– Как видишь.

Он продолжает молча смотреть на меня, и я с легкой раздраженностью дергаю плечами снова:

– Я знаю не больше твоего. То, что они оказались на мне – лишь чья-та шутка. Я ни черта о них не знаю.

– И они не работают, если стащить их с тебя.

– Так точно, кэп – фыркаю я.

По-моему, все это поняли еще три дня назад.

– Я про то, что на тебя их не просто случайно нацепили, как на одного «из». А их специально спроектировали для тебя и под твою кожу или как там это.. ведь нацепив на другого – они не начинают идти. Только на тебя.

Я задумываюсь об этом.

– Наверное – бурчу – в любом случае, это ничего не меняет.

Раньше я и не задумывался о том, что эти часы, скорее всего, кем-то были сделаны специально под меня. Значит, это случилось не по типу «так – этот сюда, этот – туда, на этого – часы», а значит нацепить на меня часы как минимум, планировалось.

Но какой в этом толк, если я не помню, что они отмеряют?

Ричи берет банку их пары, подкидывает ее вверх и выпендрежно проделывает пару трюков, прежде чем словить. После чего довольно цокает, что-то говорит Сью, но слышу я лишь окончание «крошка», после чего идет к коврику. Сью задерживается и делает пару шагов в мою сторону.

– Привет – она хлопает меня по плечу и смотрит на Бена – Большой Бен, как жизнь?

– Как и содержимое моей работы – бурчит он, не скрывая своих недобрых чувств к ее другу.

Но она совершенно невозмутима:

– Ясненько, мило – после смотрит на меня – сегодня боль-

шой день, да?

– Ты про часы? – закатываю я глаза – только ленивый мне про это еще не напомнил.

– Я про тебя – смеется она – ведь если ничего не случится, хоплэты свыкнутся с тем, что ты свой. А вот если..

– Забавно, что моя судьба решается таймером, который никак от меня не зависит – раздраженно замечаю я.

– Вижу, настроение у тебя огонь – усмехается Сью – ладно, тогда не отвлекаю.

– Подожди – тут же окликаю – а сама как думаешь, я связан с этим?

– Если бы я считала, что ты хоть немно-о-ого – она дурачливо оставляет мизерное расстояние между большим и указательным пальцами – хоть чуть-чуть со всем этим связан, то не голосовала бы за тебя.

– Это радует.

– Сильно не обольщайся – вновь ерошит мне волосы и смеется – ладно, удачно тебе охмурять унитазаы – и уходит к Ричи, который уже с центра ковра начинает на нас недобро сверкать глазами.

Когда Сью садится рядом – он что-то бросает ей, немного резковато дернув головой, но пара ее фраз – и конфликт исчерпан.

Наконец, очередь доходит до нас. Бен жадно хватает жестянку, и идет на ковер. Я плетусь следом, словно это не наша общая банка, а я собираюсь выклянчить его долю.

(какая разница, с кем брать банку? главное не с Беном, он всегда жрет больше отпущенной половины, а так плевать вообще)

Теперь это замечание не кажется предвзятым.

В итоге мне достается лишь треть. Треть от моего – а вот Бен, уверен, сытно пожрал моей долей. Когда пытаки и кормаки, наконец, разбегаются по Хоплесу, я опять сам подхожу к Лин. Она заканчивает закатывать рукава, но увидев меня, теперь хотя бы поднимает голову.

– Сегодня все так же? – уточняю я – тогда я за сортиры, а потом полы.

Она мотает головой и вновь показывает жест «бумага».

Не понимаю, что такого нового она может написать? Но лишь жму плечами и притаскиваю ей лист с ручкой. В этот раз она пишет совсем немного и сует мне:

«Я – унитазы и полы. Ты – раковины и окно».

Хмурюсь:

– В чем подвох?

Забирает лист и дописывает одно слово:

«Чередование».

– Типо, обязанности по очереди? – я гляжу на нее скептически, после чего отмахиваюсь – забей. Ричи приказал давать мне сортиры, я в курсе. Неприятностей не огребешься, если попрешь против.

Она вновь мотает головой, недовольно, словно я не понимаю очевидных вещей.

И обводит в кружок слово: «*чередование*».

Понимаю, что для приличия надо бы поспорить – фиг знает, чем для нее это обернется, если Рич узнает. Но с другой стороны, я не слишком уж соскучился по сральникам, потому решаю не перечить, а лишь жму плечами:

– Окей, спасибо.

Немая закатывает глаза и снова кивает на «*чередование*», объясняя, что это не ее благородные порывы, а лишь следование правилам. Ну или типо того.

– Кстати, не только за это – замечаю я – Сью рассказала, что ты, как и она, голосовала за меня. Чтоб оставили на общих правах. Как я понял, таких тут очень немного, так что.. спасибо – я криво дергаю уголком рта и парадирую страшный голос – что не видите во мне подсадного врага, который хочет вас всех покромсать.

Шутка не удалась – ну или Лин ее не поняла. А может я ей уже просто осточертел своей болтовней – короче, она молча двинулась в сторону сортиров.

Кажется, если бы старая бумага была сейчас у нее на руках – она обвела бы теперь фразу «*я хочу работать молча*».

Иду за ней и она дает мне тряпки, необходимые для раковины. Потом дает другую – для окна. Мы с трудом разбираемся с этим. Оказывается, если хоплэт не может болтать – это и правда та еще проблема.

Вначале я подумал, что кидать из-за одного этого в чистяки – как-то несправедливо. Теперь понимаю, что иначе было

бы никак.

Заканчиваю с раковинами, когда она доходит до третьего унитаза. Беру нужную тряпку, мочу ее и возвращаюсь в холл. Начинаю натирать и без того чистое окно, от которого никакого прока. Машины внизу глухо гудят, куда-то едут.

Не желая, чтобы на меня повесили новые обязанности – а это точно будет, едва я выполню старые – я решаю мыть окно очень долго и усердно. Желательно до обеда, но если получится – лучше сразу до конца дня.

Однако, уже через четверть часа, протирая правый угол пуленепробиваемого стекла, я останавливаюсь и озадаченно гляжу в центр. Туда, где вдалеке виднеется небо. Такое светлое, ясное..

Но в его центре я вижу едва заметный мерцающий клочок. Сразу его заметить нереально – мы смотрим на здания и машины, на все, что может нас спасти. Но долго возясь с ним, я обратил внимание, как он неестественно подрагивает. Едва заметно, но по нему с определенной периодичностью проходит небольшая волна, словно это..

Силовое поле.

Слова так твердо вырезаются в моей голове, что будто физически становится больно.

Я смотрю – вот опять.

Но разве небо может так делать? Даже фото не может.. тем более, они все двигаются. Люди идут, машину едут, солнце садится и встает..

-3-

– Бен.. – зову я, не отводя взгляда от дрожащего маленького кубика в небе, словно он может пропасть, едва я перестану следить – Бен!

– Че те? – ворчит он.

– Иди сюда.

– Не видишь, блин, я работаю.

– Бен, твою мать – прикрикиваю я, все так же не поворачивая к нему головы – иди сюда говорю. Это срочно.

Он недовольно фыркает, но все-таки подходит.

– Если ты вдруг увидел птичку, Везучий, и решил меня удивить – я этой тряпкой тебе голову вымою, понял?

Он потряс передо мной какой-то грязной тряпкой, которой работал, но я даже не моргнул.

– Смотри туда – упираю палец на стекло в том месте, где вижу дрожание – видишь?

– Че именно?

– Блин, Бен – злюсь я – присмотришься. Я понимаю, с глазами у тебя беда, но это ты должен увидеть. Потому что..

Потому что это не далеко. Это прямо за стеклом – на расстоянии дюйма, если я не ошибаюсь.

– И где?

– Видишь? Небо.. дрожит вот здесь. Клочок мерцает, ви-

дишь?

Он вглядывается. Так долго, что я уже теряю надежду, найти с ним слад, но наконец ошарашенно выпучивает глаза:

– Дрожит! Вижу, лишь часть дрожит! Это на хрен, что такое?

– Думаю, это голограмма.

– Голо.. что? – он вновь подозрительно поворачивается ко мне.

– Голограмма. Типо иллюзия – отмахиваюсь я – никакой улицы там нет.

– Что ты имеешь ввиду?

– Нет людей! – в отчаянии развожу я руками – нет машин!

Поэтому нас до сих пор никто не увидел, не услышал и так далее! Нет того, что мы видим!

– Спятил что ли?

– Ты не понял? Это дрожание – это изъян поля. Ошибка – его не должно было быть, но мы его видим.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю и все.

Я не могу ему объяснить, потому что сам не понимаю.

Просто будто бы всегда это знал, а теперь вспомнил.

– Что-то ты мутишь, Везучий.

– Да ты же сам видишь! Это окно – тифта!

– И что это значит?

– Это значит.. – вновь всматриваюсь в клочок – что весь вид нереален. Значит, мы можем находится совершенно где

угодно.

Прикладываю руку к стене. Она холодная.

Как и всегда.

Как и везде. В любой точке Хоплеса, где я не оказывался – стены были холодные. Даже когда я очнулся и под напором Ричи отшатнулся назад – то спиной почувствовал холод стены.

Стены холодные. Абсолютно всегда в абсолютно любом отсеке.

– Да, где угодно – повторяю я задумчиво, после чего гляжу на растерянного Бена – но скорее всего, мы под землей.

Едва я это произношу – как все тут же гаснет.

-4-

Вся улица пропадает, словно по щелчку. Окно, за которым только что красовались деревья и машины – теперь стало тотально черным. Как неисправный телевизор.

– Мать твою! – Бен аж отпрыгивает, словно оно его цапнуло – какого хрена? – машет руками – какого хрена? Это ты, черт тебя возьми, сделал?!

– Спятил? – фыркаю – я рядом с тобой стоял, дубина.

Однако, растерян на деле не меньше него.

– Слышь, Везучий – вдруг переходит на шепот Бен – слышишь?

– Что? Нет.

– И я нет – он смотрит вокруг – птицы перестали петь. Машины.. звуки, которые доносились из-за окна..

Я вновь гляжу на черный квадрат, который теперь скрывает стекло.

– Микрофоны.. – так же шепотом отвечаю ему я – и колонки. Думаю они, как и свет встроены где-то в стены. Из колонок мы и слышали звуки.. улицы. Значит, они вмонтированы где-то рядом со стеклом..

– Микрофоны? – это Бена удивляет больше.

– Думаю, нас слышат.. или слушают – чувствую себя параноиком, и чтобы как-то оправдаться перед самим собой, говорю Бену – иначе почему окно потухло именно тогда, когда я это сказал? Может.. это утвердительный ответ? Типо.. да, мы под землей.

– Ты либо бредишь.. – хмурится он – либо знаешь как дохрена больше нашего.

– Не спрашивай – перебиваю его. На удивление, он прерывает свою речь подозрений.

– Но если нас слушают – значит, хоплэты со своими бреднями про похитителей правы?

Вспоминаю людей в респираторах из сна (вспоминания?):

– Не знаю. Черт меня задери, если я знаю, Бен, какая хрень здесь вообще творится.

Пару мгновений мы стоим молча, после чего одновременно произносим:

– Надо сказать остальным – Бен.

– Мне срочно надо в сектор А.

Глаза Бена выпучиваются так, как никогда даже не выпучивались у Ричи, и какими огромными никогда не были у Лин. Они словно становятся центром его лица – огромные карие глаза. Думаю, первые пару мгновений он считает, что рехнулся, потому что следом говорит:

– Повтори.

И в его тоне ни капли сарказма.

Они так запуганы трапом и сектором А, что он даже не может поверить, будто я взаправду это сказал.

Я и сам испуган не меньше. Но выбора нет.

– Мне срочно надо попасть в сектор А – повторяю я, но на последнем слове голос слегка подрагивает. Потому быстро перевожу его в кашель, не давая хоплэту распознать этого.

– Больной – буднично сообщает Бен.

– Сдашь меня Ричи? – с вызовом бросаю я. Нарочно говорю именно про Ричи, а не Лютера. Потому что к Лютеру Бен вроде относится нормально, а вот с Ричи ясно как день.

Он хмурится:

– Да пошел ты, сдались вы мне оба. Можешь только ответить, какого хрена ты решил самоубиться? Ну, чтоб я мог объяснить хоплэтам, когда тебя по частям вытаскивать будут.

– Я не самоубиваться иду.

– Ну-ну.

– Ты не понимаешь, Бен? – злюсь я – окно – липа. Помощи ждать неоткуда. Теперь очевидно, что единственный шанс – это посмотреть, что кроется за дверью. В секторе А. Может там выход, а может нет – но других вариантов теперь нет. Я почти уверен, что мы глубоко под сраной землей! И знаешь, это здорово напрягает. Я не намерен больше сидеть и ждать небесной манны! Если мы и правда под землей – то пытаки не найдут выход! Никогда. Потому что выход у бункера может быть только один! И если мы до сих пор его не нашли – значит его либо нет, либо он в секторе А!

Бен слушает меня так внимательно, что я уже решаю, будто обрел идейного союзника. Но вот он открывает рот:

– Псих, я же сказал. Ты конченный, Везучий. И удача вся твоя на том и кончится. Это ты не понимаешь – тебя там покромсает раньше, чем успеешь позвать мамочку. Бамс и все. Ты к двери и на ярд не приблизишься.

– Но я должен попытаться.

– Ну удачи – саркастично бросает он, невозмутимо берет свою тряпку и вновь возвращается к протиранию шкафчика.

Однако, я иду за ним.

Проблема в том, что я ничего не знаю в Хоплесе. И понятия не имею, как добраться до трапа. Я помню примерно, как меня вели – точнее сказать, помню, на каком этаже его нашел. Но бродить среди коридоров наобум, когда там столько пытаков и кормаков на работе.. А ждать их возвращения – точно провал. Они в жизни не пойдут на это, даже если ко-

гда-нибудь и смекут, что выхода в изученном секторе нет.

– Бен..

– Нет, даже не проси – отрезает он раньше, чем я закончу.

– Бен, отведи меня к трапу.

– Нет, я сказал. Отвали.

Непреклонен. Даже не обернется.

– Это единственный шанс, придурок!

– Удачи.

– Как ты не понимаешь! – я взмахиваю руками, но избираю другую стратегию – ты же сам говорил, срать на Ричи, срать на правила. Вот и насри – отведи меня. Я же не прошу лезть туда за мной.

– Слыш, я по-твоему на дебила похож? – Бен резко разворачивается, а меж его бровей хмурная расщелина – я вертел их всех, но в открытую против вот так вот шуровать не собираюсь. Спятил что ли? Ага, чтоб потом только толчки и мыть, без продыху на раковины и шкафы. Иди других идиотов ищи. Желающих устроить тебе встречу с трапом здесь навалом.

Он усмехается и вновь берется за свое дело.

Я оглядываюсь. В холле больше чистяков нет – значит разбрелись в батрачке по Зоне. Сортиры, все дела. И я не знаю ни одного, кто согласится мне помочь.

Бен отказался, Стэн вообще голосовал против меня, как сказала Сью. Остальных чистяков я вообще не знаю.. только Немую.

Лин.

А что, может и поперет.

Я быстро срываюсь с места в сортиры – даже чувствую на своем затылки жгучий наблюдающий взгляд Бена.

Она как раз домывает последнюю раковину.

– Лин – я окликаю ее, встав рядом. Нервно мну пальцы на руках – она это замечает и я тут же перестаю. Так же резко.

Слишком много резких жестов.

Как же я чертовски боюсь соваться туда!

Немая переводит на меня усталый взгляд. Кажется, ее лицо даже бледнее чем обычно, а синяки под глазами делают их еще более ярко-синими.

Учитывая ее неудобу – создается ощущение, что она рухнет и помрет прямо здесь и сейчас.

– Я знаю, ты любишь работать молча – бормочу я – но у меня есть к тебе просьба..

Она уже достает из кармана подкатанных штанов лист, как я ее останавливаю:

– Нет, не по работе.

Никакой эмоции.

– Короче. Такое дело – но понимаю, что пока расскажу про окно и все остальное, до чего дошел с Беном, потеряю слишком много времени и не факт что что-то выиграю этим – черт, слишком долго объяснять. Просто помоги.

Лин склоняет голову, как бы говоря «продолжай».

– Мне срочно надо к трапу. Да, тому стеклянному кори-

дору, который я видел. Я в курсе, что это трап. Мне надо туда, срочно. И не просто так.

Однако, каждое мое последующее слово выводит лишь еще большую гримасу ужаса на лице Немой. Она все-таки достает свой листок, быстро опирает его на плитку и начинает что-то резво-резво писать.

– Не строчи ты так – закатываю я глаза – мне просто нужна помощь.

Она не обращает внимания, потому я хватаю ее за плечи и поворачиваю к себе лицом, глядя в глаза:

– Я прошу тебя. Помогите мне.

Но эффекта это не производит. Видимо, я был слишком высокого мнения о своей внешке и харизме.

Немая ловко выскользает из моих рук и продолжает что-то чиркать на бумаге.

Очевидно, что не «да». Это бы заняло гораздо меньше времени.

– Ну и ладно – хмыкаю я – найду без тебя.

Но не успеваю выйти за порог, не дожидаясь ее писанины, как она хватает меня за руку и настойчиво пихает свой лист.

«Зону тебе покидать нельзя.»

Я не поведу тебя к трапу. И никто не поведет. И ты сам не уйдешь. Если ты только покинешь Зону – я подниму тревогу. Тебя ждет жестокое наказание за повторное нарушение. Ты выполнил свои дела – можешь отдохнуть и продолжим».

– Ага – я демонстративно комкаю листок и кладу ей в руку – продолжай, а я намерен выбраться из этой хрени.

Она тут же лихорадочно разворачивает его и несколько раз тычет на строчку *«подниму тревогу»*. Прежде я еще не видел ее в таком ужасе.

Однако, ее вредительство меня бесит. Бен хотя бы просто отказался – а эта палки в колеса ставит.

– Да и пожалуйста!

Я ловко выхватываю у нее лист с ручкой. Хорошо, что я намного выше. Поднял руку с этой мутью над своей головой – она прыгает, точно ребенок, но достать не может:

– Но тебе понадобится время, чтобы поднять тревогу – говорю я.

И действую наверняка – потому силой запикиваю худощавую девчонку в одну из кабинок и подпираю снаружи шваброй. Она принимается стучать своими хилыми кулачками, но звук глухой. А если еще и главную дверь сортира закрыть – так и вообще никто не услышит, пока случайно не наткнется.

– И на досуге подумай о том, что я этим пытаюсь вам, придуркам, хоть как-то помочь, подставляясь сам. А вы мне еще и палки суете.

Смываю лист в другом толчке, а ручку бросаю за унитаз.

На таймере:

«06:11:34»

Когда возвращаюсь в холл – Бен успешно делает вид, что вообще не парится о том, что я творю и куда собираюсь. Только вот тряпку уже при мне раз десятый выжимает – она настолько сухая, что даже капли не капают. А все стоит и выжимает, как идиот.

– Раз уж все равно не батрачишь – обращаюсь к нему – скажи хоть, где рюкзаки. Я такой у Сью видел, и у Ричи тоже.

– Да, они у всех есть, кто в Хоплес выходит.

– Супер, думаю мне пара вещей понадобится – киваю – где они ныкают рюкзаки?

– Сейчас ни одного нет, Везучий.

Я поднимаю на него глаза, пытаюсь словить на блефе.

– Я серьезен, будь спок. Они растащили их, как нашли в Хоплесе. И каждый раз с утра с собой берут. Лишних нет.

– То есть вы нашли в Хоплесе ровно столько рюкзаков, сколько у вас кормаков и пытаков? Ни больше, ни меньше?

– Ага.

Я шурюсь:

– И не говори, что вас это совсем не запарило? Это же жуть как странно.

На это Бен молчит.

– Поверить не могу, вы шляетесь два месяца по давно изученным коридорам, не паритесь на счет нескончаемой еды и точного количества рюкзаков, но чума как боитесь исследо-

вать сектор А?

– Потому что бесконечная еда и рюкзаки не грозятся распилить нам к чертям-матушке на две части.

– Да – соглашаюсь я язвительно – они всего лишь грозятся оставить вас в этой дыре. А вы и рады приспособиться. Свои законы, лидеры. Вы уже как местная коммуна. Но я, знаешь ли, еще надеюсь отсюда выбраться.

– Местная кто? – хмурится он.

Но я уже не трачу на него время.

Ладно – значит без рюкзака. Черт с ним.

– Только заблудишься и получишь люлей за то, что слинял – бросает мне вслед Бен, но его голос как-то неубедительно звучит даже для него.

Я выбегаю в коридор, ведущий меня в дебри Хоплеса.

Я выбирался сюда лишь раз – со Сью. Ну, если не считать того, как меня, полубомбочного, тащили через коридоры, когда я только очнулся.

Понятия не имею, куда бежать. Хорошо, есть хоть один ориентир – моя комната не загорится при движении, когда буду пробегать мимо. Остается лишь примерно по памяти попытаться воссоздать маршрут, которым мы возвращались от трапа с Ричи и Сью, а дальше просто искать черноту на месте холодного света.

А, ну еще и не попасться на глаза кормакам и пыткам.

Я пускаюсь вперед, надеясь на остатки кратковременной памяти.

Понятия не имею, как я намерен пройти трап – и получится ли это вообще, но других вариантов нет. Нам нужен сектор А. И я либо попаду туда, либо сдохну. Конец все равно один – но лучше сдохнуть в попытке, чем в борьбе за очередную жестянку, запертым глубоко под землей с двумя дюжинами хоплэтов, которые как одержимые прогоняют все одно и то же.

Может, дверь и правда забаррикадирована и все это такой же муляж, как вид из окна. Шутка, издевка каких-то садистов. А может – там совсем не лазеры, как передал хоплэтам напуганный до усрачки Лютер – и эту защиту можно как-то обойти.

А кто знает – я же Везучий! – может, она вообще не работает. Может, за эти два месяца она как-то вышла из строя.

Я пробегаю коридор за коридором. Пару раз натыкаюсь на незнакомых хоплэтов – я даже не помню их в лицо. Но легко избегаю столкновения – они слишком шумные, а я веду себя как мышь. Потому слышу их в эхо стен издалека.

Смотрю на часы:

«05:12:08»

Бегаю уже почти 50 минут.

Фиговы дела. Скоро они все стекутся на обед, обнаружат что меня нет, Немая испишет все листы, а может первым расколется и Бен. Короче, они кинутся меня искать – а я еще даже трап не нашел.

Дерьмо!

И в отличии от меня, они Хоплес уже знают прекрасно. Найдут сбежавшую овцу в два щелчка своей большой ком-пашкой.

Я начинаю бежать быстрее и все менее осмотрительнее.

На это нет времени.

Потому дважды чуть не налетаю лицом в лицо хоплэтам, в последний момент услышав их приближение.

Да уж, пока удача на моей стороне.

«04:57:32»

Зараза! Я рассчитывал найти трап намного быстрее. Даже с учетом, что память меня сильно подведет.

В очередном коридоре я бегу так быстро, что едва не пропускаю заветную темноту. Я замечаю, что свет не загорелся, но это как-то не отпечатываются в моем сознании – я бегу дальше. И только через пару ярдов втыкаю, что именно я увидел.

Обалдело оборачиваюсь и несусь обратно.

И правда.

Темнота.

А в темноте блестит злосчастная ручка.

– Ну привет – шепчу я с отдышкой, глядя на этот блеск с коридора, уперевшись руками в колени – я успел соскучиться. В этот раз, думаю, уже познакомимся поближе?

Набрав воздух в легкие, храбрюсь ступить в темноту:

– Надеюсь, ты не строгих взглядов, так как нас ждет довольно интимный момент.

Я ориентируюсь, как и в прошлый раз, лишь на блеск ручки. Потому что в темноте сложно разобрать что-то еще. Дохожу и касаюсь ее.

Она плавно отъезжает, открывая мне стеклянный коридор. Он вновь озаряется встроенным где-то внутри светом. Только теперь, узнав о нем все, мне кажется, что он намного длиннее и уже. И что добежать до той двери – равносильно расстоянию до Луны.

Мнусь на месте.

Ладно, нельзя же топтаться тут вечно. Решил – надо идти. А если нет – нефиг было и суету в Зоне наводить.

Меня всего кондрашкой трясет, когда я делаю шаг вперед. Ботинок касается стеклянного пола. Но пока вторая моя нога за пределами трапа – ничего не меняется. Я прикидываю, как сейчас рвану с места сразу вперед.

Слегка сгибаю ноги.

Но едва вторая нога лишь в воздухе успевает пересечь границу трапа, как дверь с грохотом захлопывается.

А весь свет гаснет.

-6-

Я мгновенно останавливаюсь.

Секунду ничего не происходит – но уже в следующее мгновение перед моими глазами начинает сгущаться какой-то голубой свет. Отражаясь от зеркал в темноте, он со-

здает множественные иллюзии и я с трудом слежу за исходником.

Лишь раз отвлекусь – и уже не смогу понять, где реальный свет, а где его многочисленные отражения.

На моих глазах свет растягивается – в длину, и прибавляет в объеме, становясь трехмерным.

Луч.

Лазер.

Меня начинает настигать паника, а в голове всплывают непрошенные гадские образы разшматанного тела хоплэта, которого я даже своими глазами не видел.

Но есть плюс в этом луче – он, и его многочисленные отражения немного освещают коридор. Потрудившись, я могу малость сориентироваться – теперь это уже не такой непроглядный мрак.

Луч достигает своей максимальной ширины.

Но когда я пытаюсь уйти за ее пределы – тут же напарываюсь на стекло. Уйти некуда.

Его ширина – от одной стены до другой.

Остается только высота.

Не успеваю об этом подумать, как за доли секунды сформированный луч несется на меня. Он посередине, потому я рефлекторно падаю на живот.

ВЖИХ!

Он проносится сверху. Я успеваю обернуться в последний момент – и вижу, что достигнув края, он просто пропадает

так же внезапно, как и возник из воздуха.

Но тут же слышу статическое едва уловимое трещание впереди. Уже успел возникнуть новый – и теперь он несется на меня почти по полу.

Вскрикнув, быстро вскакиваю на ноги и подпрыгиваю.

Луч проходит подо мной.

Я успеваю пробежать вперед лишь на пару шагов, как перед самой моей грудью возникает новый луч.

Он слишком близко.

Мой мозг признает гибель.

А ноги, будто отдельно от меня, подпрыгивают. Руки хватаются за что-то, чего я не вижу, и тщательно зацепившись, подтягивают туда же все тело. Я вытягиваю ноги вперед, словно в дикой лежачей позе на воздухе – и лазерный луч отсекает мне край футболки, отвисший вниз.

Тот, обуглившись, падает на стекло.

Но я остаюсь цел.

Пребывая в шоке, спрыгиваю вновь на ноги и опять делаю рывок вперед. Я пробежал уже почти пол пути до заветной двери.

Как теперь вместо одного – из воздуха появляются сразу два луча.

– Какого черта..

Один – в паре дюймов от верха. Второй – в паре дюймов от низа.

Подпрыгну – лишусь головы.

Нагнусь – лишусь ног.

Охренеть!

И лучи, не дожидаясь, вновь летят на меня.

И опять мое тело словно действует само по себе – когда до лучей остается не больше пару дюймов, я подпрыгиваю с закрепиванием в бок – получается нечто, вроде подскользывания на льду. Еще сильнее креню тело в сторону и отрываю вторую ногу.

Доли секунды – и я пролетаю аккурат между двумя лазерами, после чего приземляюсь не всей тушой на стекло, а на ноги, словно какая-то бессмертная кошка.

Изумленно таращусь на руки и ноги, будто они чьи-то чужие. Будто мне их пришили и теперь у нас нет ничего общего. Они не работают в согласовании с моим мозгом, а подчиняются приказам нитей какого-то кукловода.

Но времени обалдевать нет.

Еще два шага – как теперь возникают из воздуха ТРИ луча!

Один – под самым потолком, лишая меня возможности за что-то зацепиться и подтянуться. Второй – по самому полу, не давая шансов упасть и прижаться.

А третий – точно посередине. Чтобы добить загнанную в ловушку дичь.

Я нарочно не думаю и выкидываю все мысли из головы. Отдаюсь на доверие лишь своему телу. Оно напрягается – лучи приближаются.

Одна моя нога резко скользит вниз, но бедро все еще находится в воздухе. Вторая в этот момент замахивается точно для сложного верчения – вместе с правой рукой. Всем торсом я отталкиваюсь от пола и собственного тела – одна моя рука уходит в сгибе за голову, вторая плотно прижимается к бедру. Мое тело, в воздухе верчась в горизонтали вокруг собственной оси в секунду настижения лазеров – виртуозным вихрем проходит в ту небольшую щель между центровым и нижним лазерами.

Я чуть сгибаю ногу, всем весом опираясь на нее при падении. Рывок – я толкаю вожделенную дверь.

Еще раз.

Черт! Что такое?

Она не подчиняется. Словно ее заперли изнутри.

И тут я опускаю глаза, лишь сейчас увидев небольшой квадратик, встроенный в нее. Табло и 10 цифр от 0 до 9. Нужно ввести комбинацию..

(..лаки, запомни комбинацию цифр..)

..цифр в коде, который откроет эту дверь.

Слышу знакомое трещание сзади и резко оборачиваюсь.

Теперь луч образовался со стороны той двери, раз границу с этой стороны я пересек. Сверху еще один – и снизу два.

Четыре.

(это код, лаки, запомни его, это код)

Бумажка у меня в заднем кармане – но нет времени, чтобы доставать ее, расправлять и смотреть цифры.

За это время меня искромсает начисто.

(..обязательно запомни комбинацию цифр: 3659! Обязательно, слышишь?! Запомни! 3659! 3659! 3659! Обязательно запомни, 3659..)

Настойчивый глухой голос будто просыпается в самой моей голове, и принимается повторять еще громче и настойчивее, чем во сне.

(..Запомни! 3659! Это код, Лаки. Код! Запомни его обязательно, 3659! 3659...)

Лучи уже проделали полпути за полсекунды.

У меня только одна попытка.

3659.

Надеюсь, я правильно запомнил тебя – и надеюсь, это код к этой двери, а не к чему-то другому. Другого у меня просто нет.

Мои пальцы, трясясь в жутком мандраже, еле попадают по нужным цифрам: **3-6-5-9**.

Табло тут же загорается зеленым и я толкаю дверь в тот момент, когда прямо над моим ухом раздается статистический треск лучей.

Я так налег на дверь – а с кодом она распахнулась очень легко, потому по инерции я кубарем лечу на пол. Треск сзади замолкает, а дверь заезжает обратно, скрывая трап – совсем как с той стороны.

Мгновение я теряюсь в темноте, обступившей меня.

Но в следующий миг загорается знакомый холодный свет.

Я лежу, не в силах отдышаться.

Все еще не могу переварить то, что только что произошло в трапе. Со мной.. или моими конечностями?

Они будто действовали сами.

Рефлекторно.

Как с протянутой Бену рукой.

(лютер говорит, это скорее всего возвращается мышечная память)

Мышечная память.

Но я избегал столкновений, с такой ловкостью и быстротой находя опоры, которые не увидел бы даже глазами – что и сам понимаю, как это странно.

Даже если это рефлекторно, основано на возвращении мышечной памяти.

Я и представить не мог, что моя дрыщавое тело вообще способно на подобное финты. Я и понятия не имел, что так вообще можно.

(типо сами мы не аля-алю, почему так сделали, а руки типо помнят)

Кем же, черт возьми, я был до того, как влип сюда, что так легко справился с кучей сраных лазеров? Что мои конечности за нехрен делать вспомнили это одним из первых, что могли?

Я аккуратно встаю, наконец, поняв – где оказался.

Сектор А.

Вождеденный Сектор А – единственное место Хоплеса, в котором до этого не бывал ни один хоплэт.

Последний шанс на выход.

Последняя надежда.

Но первое, что я вижу – это корявую металлическую табличку в правом углу, сваленную туда, будто груда мусора. Она достаточно большая, но перекошена, стоит неровно. Края ржавые, центр сохранился еще более или менее.

Буквы наполовину стертые, но все же я могу прочитать, что на ней написано:

«ЭКСПЕРЕМЕНТ «ЗОНА ПОРАЖЕНИЯ». ПРОГРАММА ОПЕРАТИВНОГО РЕАГИРОВАНИЯ. ОБЩЕМИРОВАЯ КАТАСТРОФА».

-8-

Лаки стоит и тупо смотрит на табличку.

– Какого черта? – его растерянный голос вылетает сразу из всевозможных звуковых передатчиков.

Камера выхватывает его лицо, покоренное ужасом, и увеличивает. Справа на мониторе тут же появляются все его данные, зашифрованные двоичным кодом.

Он растерянно делает шаг к табличке, потом шаг назад. Оборачивается и смотрит на закрытую дверь трапа, после

чего озадаченно начинает озираться во все стороны, словно в припадке.

Второй монитор показывает то же – только с другого ракурса.

Третий монитор – сзади.

Четвертый – сверху.

Мужчина сосредоточенно, не спеша, переводит взгляд с одного монитора на другой. Его прозорливый взгляд ловит каждую деталь, каждую мелочь.

После чего он заговаривает – его голос лишен эмоций. Холодный, безучастный, почти механический:

– Все идет согласно заложенному порядку. Переменная L-05 успешно обнаружена субъектом D-0. Следуя протоколу, приступаю к последнему шагу этапа. Запрашиваю подтверждение для активации фазы «Окончание».

Глава 7.

-1-

Я осматриваюсь в секторе А совсем недолго.

Во-первых, меня здорово ошарашила табличка. Я ожидал найти здесь, что угодно – выход, каких-нибудь убийц, от которых защищают лазеры и даже бутафорную дверь вместо входа – но только не сообщение о какой-то общемировое катастрофе.

Не меньше меня напрягло слово «эксперимент», чтобы оно

не значило. В любом случае, я пытался обследовать сектор А, но понял, что это бессмысленно. Уже в первом помещении, достаточно запустевшем, я наткнулся лишь на еще 5 таких же табличек. Все они были в разной степени старые – какая-то заржавела настолько, что я даже текст прочитать не смог. Но раз уж на предыдущих было одно и то же – немного ума надо понять, что и на этой вряд ли другое.

Было такое ощущение, что их просто сгрудили сюда кучей и сбросили, как в какую-то кладовку. Будто в них больше не было надобности – а ржавое железо лишь подтверждало мои догадки о том, что табличкам довольно много времени.

Но не случайно же они здесь оказались?

В целом, это первое после трапа помещение – ничем не отличалось от обычных отсеков Хоплеса. Точно такое же – это даже немного отчаявает. Понимаю, глупо было ждать огромной красной двери с надписью «ВЫХОД» сразу после трапа, но все-таки часть меня на это рассчитывала до последнего.

Оглядев первую комнату вдоль и поперек – я решаю вернуться обратно, чтобы притащить остальных. Слишком велик соблазн пойти и исследовать весь сектор А – но с моим топографическим кретинизмом, где я даже в Хоплесе полтора часа искал трап, возле которого уже был – настолько же велика была опасность, что я просто там заблужусь. Если сектор А такой же большой, как Хоплес – то затеряюсь в коридорах, не найду путь обратно, а если и выход не обнаружу, то просто сдохну мучительной голодной смертью.

Вариант же вернуться за хоплэтами и уже всем вместе сюда забраться и исследовать все, как надо – кажется куда более логичным. Здесь место и попытакам, наконец, найдется. Их способностям видеть любые трещинки и зацепки для выхода – пустить их сюда, и ожидать вердикта.

Я подхожу к блестящей ручки и прикасаюсь к ней. Дверь медленно отъезжает, открывая мне трап.

Сердце начинает настолько часто биться, словно хочет ретироваться из моего тела. Знать бы – будут сейчас тоже лазеры или обратно я могу вернуться спокойно?

Если лазеры все-таки охраняли *от нас*, а не *нас*, то по логике вещей на обратном пути их быть не должно. Но черт знает – я не посмотрел, что там дальше. Возможно, мотивы этой охранной системы куда более сложные.

Переминаюсь с ноги на ногу.

Что, если в этот раз мне так не повезет? Все-таки, не могу ручаться в успехе за то, что делаю непроизвольно.

Однако, торчать в секторе А вечно тоже не могу. Чем раньше вернусь – тем лучше. Может, даже не успеет подняться гомон по поводу того, что я слинял – и тогда будет все еще куда проще.

Ставлю первую ноги на стекло.

Вдох-выдох.

Вторую.

ВЖИХ!

Дверь за мной заезжает. Но не громыхает, как с той сто-

роны – а просто плавно заезжает и закрывается. Щелчок.

Я напрягаюсь, ожидая, что свет сейчас опять погаснет и начнется эта садистская игра с лазерами.

Но мгновение. Другое.

Ничего не происходит.

Опасливо делаю пару шагов к стой стороне – все так же ничего. Уже на половине пути я выпрямляюсь и иду более или менее спокойно. К концу понимаю – да, лазеры работают только в ту сторону. Возвращаться можно спокойно.

И на двери, ведущей к Хоплес, кода нет.

Значит, лазеры все-таки направлены на нас, скорее всего.

Нажимаю на ручку.

Но едва отъезжает дверь из трапа в Хоплес – уже вижу дюжину взбешенных хоплэтов, во главе Ричи и Лютера, которые только и дожидаются моего возвращения, не найдя кусков плоти в трапе. Позади них, скрестив руки, стоит Немая. Понятно, кто меня сдал – но теперь это неважно, ведь я сумел пройти трап. Разве их не должно обрадовать, что я провалился туда, куда раньше никто не мог?

Не успеваю задать этот вопрос, как Лютер резко набрасывается на меня, скручивает, будто я начал буйно кричать и махаться, и бросает на пол лицом вниз, усевшись мне сверху на спину и тем самым полностью обездвизив. Пара его разъяренных ударов кулаками приходится по моим ребрам и я сдавленно кричу. Пытаюсь дернуться – но ни черта не получается. Прижал он меня намертво.

– Ну все, Везучий – рычит Лютер – ты доигрался, твою мать.

-2-

– Слезь с меня! – едва могу выдавить я, с трудом втянув смешное количество воздуха – дышать не могу!

– А тебе и не надо – цедит Ричи, присев на корточки рядом. Наклоняет голову, чтобы видеть мое сплющенное давлением Лютера лицо – тебе бы сдохнуть, чертов ублюдок, чтобы больше не приносить нам проблем. Думаю, сейчас со мной согласятся уже все хоплэты.

Он демонстративно поворачивается вбок:

– Да, детка?

С трудом могу видеть Сью. Она скрестила руки, ее недовольный взгляд уперт в меня. В нем смесь ярости и тотального разочарования:

– Какого черта, Лаки? Какого черта ты опять сбежал?! Что с тобой не так, придурок?

– Да подождите! – уже хриплю и вновь дергаюсь – слезь с меня! Воздух!

Видимо, в итоге Лютер решает, что пока не плохо подержать меня живым, потому что все же неохотно встает и рывком поднимает меня на ноги. Все еще держит за шкурку, как долбанного пса. А Ричи весь напряжен – если вдруг что, готов прийти на помощь компаньону и отмутузить меня.

– Я..

– Заткнись, кретин! – предупреждает Ричи и с размаху бьет меня по уху. Боль резкая и на мгновение в голове слышу звон. Очевидно, в этот раз он приложился куда сильнее, чем когда раздавал мне затрещины.

Теперь же ему никто не мешает.

Дергаю головой, но Лютер не дает мне упасть или двинуться с места. Он кивает Ричи и тот перехватывает меня. Скручивает руки за спиной так, что что-то хрустит и я стону сквозь сжатые зубы.

Сам же Лютер выходит вперед и глядит меня, презрительно сощурившись. Никогда еще не видел его в такой ярости. Он резко показывает пальцем мне за спину, на трап, и шипит:

– Я не бросаю тебя туда, в этот чертов трап прямо сейчас, только потому, что без твоей долбанной руки часы не показывают время. А мне чертовски важно узнать, что будет, когда таймер обнулится. То есть через – он резко хватает и больно сжимает мое запястье, глядя на дисплей – 3 часа и 26 минут.

Так же резко вновь отталкивает мою руку, будто что-то чертовски противное:

– Я должен знать, что показывает дисплей. Но как только время выйдет, клянусь богами, я лично затолкаю тебя сюда и с удовольствием буду смотреть, как тебя шманает на куски, обносок недоделанный!

Они что, до сих пор не заметили, что я сам только что оттуда вышел? Их что, не парит, что меня не покромсало и что случилось? Они совсем тупые? Собственные правила затуманили им бошки и заставили забыть, ради чего все это вообще родилось – ради главной и единственной цели найти чертов выход из этого Ада?

– Ты не понимаешь?! – с таким же раздражением бросаю ему в ответ – Я могу пройти через него! Опять добраться до туда и что-нибудь еще посмотреть! Составить эти ваши схемы! Я смог пробраться через лазеры! Я был в секторе А, услышь меня! Я уверен, что смогу помочь и вам туда перебраться!

– Где ты точно был, как и остался – это в полной заднице, Везучий. И теперь тебе уж точно из нее не выбраться.

Он будто не слышит меня. Напрочь оглох, идиота кусок. Но вот Лютер глядит за мою спину – теперь на Ричи, и бросает ему:

– Следить за ним. И не подпускать к трапу. Головой отвечаешь.

Теперь вновь мрачно смеряет меня взглядом, и наклоняется к самому лицу. Так, что между нами остается расстояние не больше, чем между влюбленной парочкой:

– Не думай, что если тебе каким-то хрен знает каким удачливым образом фортануло один раз – то ты сможешь постоянно метаться по трапу, как между мирами. Тебя покромсает там к чертовой матери. И мне насрать. Но мне нужны

твои часы – поэтому ты не зайдешь туда, пока я не пойму, что именно они отсчитывают.

Мое негодование берет вверх. Я вновь дергаюсь, и, перейдя на крик, повторяю:

– Да поймите же вы, придурки долбанные! Дело не в часах! И не в том, что я нарушил ваши идиотские никому не всратые правила! Дело в Секторе А – только там может быть выход! Они хотели чтобы мы вошли в эту дверь, они говорили код!

Секундное молчание. Хоплэты растерянно заткнулись, переглядываясь. Лютер подозрительно щурится и чуть склоняет голову вбок:

– Кто – они?

– Я же говорил, этот хрен долбаная подсадная утка! – взбешенный голос Ричи за спиной. И вновь удар по ребрам.

– Заткнись, Ричи! – кричу я одновременно от боли и негодования – я не знаю, кто они. Но я вспомнил.. это смутно.. люди в халатах с респираторами на лицах.. один из них все повторял 3659. Он говорил, что я должен обязательно запомнить и что это код.

– И ты молчал об этом? Интересно, о чем ушмарок еще молчал? И почему только он помнит человечков в халатах с волшебными кодами?

– Этот код подошел к двери трапа с той стороны! – пытаюсь перекричать провокации Ричи – кто бы это ни был, значит они хотели, чтобы мы туда зашли или не говорили бы

код! Если выход и есть – то только там!

– Ага, как же.

– Там была табличка! Про эксперимент! Уверен, во вне случилось что-то ужасное! Какая-та катастрофа, таблички ржавые – значит, это было давно или типо того, я не знаю, но какой-то эксперимент..

– О, пустился во все тяжкие – едко рассмеялся Ричи и теперь долбанул меня по спине, вволю отрываясь – свою лапшу на уши другим вешай, ублюдок.

Лютер перехватывает меня и теперь Ричи выходит вперед и наклоняется ко мне:

– Я тоже че угодно могу наболтать, зная что туда – кивает на трап – в своем уме никто не сунется. Но вот что я тебе скажу: если это был побег от нас, потому что по обнулению таймера случится какая-та херня и ты об этом в курсе – то ты чертовски облажался что вернулся. Потому что теперь я лично, мать твою, глаз с тебя не спущу, пока твои стебанные часики не пробьют все нули.

Я забиваю на этих двоих придурков и теперь смотрю уже на остальных хоплэтов, что молча наблюдают за нами. Надеюсь, хоть в них пробудить рассудок:

– Вы не понимаете?! Я смог зайти в сектор А! Мы все сможем! *Трап можно пройти* – я помогу! Ало, проснитесь! Вы не понимаете..

– Одно я точно понимаю – перебивает меня Ричи смачным ударом по челюсти. Я кашляю и выплевываю сгусток

крови на пол под ноги.

– Понимаю то – продолжает он – что ты, долбаный хрен, уже дважды за три дня нарушил данные тебе условия. Ты срать хотел на все, что тебе говорят. Запираешь Немую в сральнике, убегаешь от Сью, лезешь, куда тебе строго, на фиг, запретили. Решил, что ты чертов бог и можешь так вот появиться из неоткуда и творить все, что тебе вздумается! Но вот что я тебе скажу, ублюдок – в этот раз тебе это с рук не сойдет. Не надейся больше на то, что все опять покивают головками и скажут «Везучий же не знал, Везучего надо простить». Ты нарочно ее – показывает на Лин – запер в сральнике. А почему? Потому что она напомнила, что выходить тебе, ушлепку, за Зону нельзя и что она поднимет тревогу. Теперь ты все знал, Везучи й! И все равно дал деру. На этом твоя удача закончилась, кретин.

Последний удар приходится по виску. Мою голову откидывает, а перед глазами тут же возникает куча черных точек.

Только за счет того, что Лютер крепко вцепился в мое тело, я повисаю в воздухе, а не падаю плашмя.

Слышу его голос:

– Тащите в холл. Глаз не спускать. На сегодня работа для всех закончена. Будем ждать там таймер.

И когда меня волокут по коридорам обратно в Зону, понимаю лишь одно – лучше бы я заблудился к чертям в коридорах сектора А, пытаясь найти выход, чем вернулся обратно к этой стае сумасшедших.

Дотасив до холла, меня бросают не на один из ковров, а на голый пол. Я сильно ударюсь спиной, потому что ноги подкашиваются, а мягко садить меня никто не собирается.

– Кто первый следит? – бросает Ричи хоплэтам.

– Вообще-то я тебя назначил – замечает Лютер.

– Я слежу всегда – соглашается тот – но с ковра. Я дебил по твоему, на полу зад морозить из-за этого кретина? Но нужен еще кто-то, кто и рядом будет. Схватить, если вдруг удумает рыпаться.

– Нашел идиотов – фыркает Сью – сам не хочешь, а думаешь кому-то задницей пол протирать охота?

– Тогда порядок очереди, как всегда – равнодушно соглашается тот и кивает на Лин – ты первая, Немая.

Та озадаченно вскидывает брови и Ричи усмехается:

– А хрена ли? Тебе не привыкать на полах сидеть. А мы на коврах привыкли. После тебя.. – он оглядывает хоплэтов – после тебя Бен. Потому что этот придурок не остановил Везучего. Не захотел пошевелить задницей тогда – пошевелишь сейчас.

– Он замахнулся на меня крышкой жестянки, я же сказал! – Бен воскликнул так правдоподобно, что на мгновение даже я поверил его наглой лжи.

– Что? – фыркаю я – вот же ты сраный трус. На себя-то по-

смотри! Я бы захотел – да не смог бы тебе ни черта сделать!

– Заткнись! – Ричи пинает меня ногой по колену, и вновь смотрит на Бена – я все сказал. Жрешь ты – стережет Немая. Жрет она – сидишь с ним ты. И так, пока часики не пробьют куранты. А я слежу за вами, кретинами, с ковра.

– Разобрались? – уточняет Стэн – я просто жрать уже капец хочу.

– Да, время обеда – соглашается Лютер.

Я и не питаю надежд, что кто-то предложит есть мне. Речь шла о чередовании обеда Немой и Бена, но обо мне никто слова не сказал. Вот и вся благодарность за то, что я чуть не поджарился там.

Тупые идиоты.

Не удивительно, что они все еще за два месяца ни к чему не пришли, кроме тупых правил и градировки трех работ, которые ни черта им не дают.

Немая садится на небольшой дистанции от меня. Подбирает ноги под себя, отпускает штаны и рукава футболки. Волосы заправляет за уши, чтобы они не падали и не мешали наблюдать за мной. Конечно, а то вдруг я решу драпануть на виду в всего Хоплеса!

– Видимо, ты нифига не подумала над тем, над чем я сказал – цежу я ей – как и остальные, дура, пытаешь цепляться за правила. А я добрался до того, до чего вы два месяца не могли! Ну правильно, зачем вам это – главное пожрать вовремя и побежать дальше гоняться за своим хвостом по кругу.

Она ничего не отвечает. Логично – она немая. Но даже не смотрит на меня.

– Знаешь, я бы сказал, что тебе не повезло сидеть со мной – потому что я намерен назло тебе не затыкаться до самой смены Бена, но ты сама виновата. Ты могла помочь мне, могла помочь себе – всем этим придуркам, у которых уже мозги расправились. Но вместо этого ты сдала меня с потрохами и они измутили меня вместо того, чтобы выслушать.

Наконец, Лин косится на меня и мотает головой.

Что это значит?

– Типо они не стали бы меня слушать в любом варианте?
– догадываюсь я.

Кивок.

– Врешь – фыркаю – если бы ты меня не сдала, они может и не успели бы увидеть, что я слинял. А когда бы я спокойно за обедом рассказал им, что видел, отреагировали бы более адекватно.

Вновь мотание.

– Ну конечно – язвительно киваю я – знаешь, до этого момента я думал, что ненавижу Ричи. Но теперь я знаю – я ненавижу вас всех. Куча баранов. И одна немая тупоголовая овца.

– *Придурак, так ничего и не понял.*

Ее голос звучит так отчетливо, что я выкатываю глаза:

– Что ты сказала?

Легкий изумленный писк на долю секунды срывается с губ

Лин. Ее лицо вытягивается от ужаса и она смотрит на меня так, словно моя кожа внезапно позеленела.

– Так ты не немая?! – не замечаю, что перехожу на шепот.

А в этот момент, как и с трапом, словно в запоздалом осознании – понимаю, что ее губы не двигались и рот не открывался, когда она назвала меня придурком.

В голове начинает твориться настоящая каша. Кажется, чувствую, как она дымится:

– Я слышал, как ты *сказала*, что я придурок! – сам не замечаю, как перехожу на шепот.

Гримаса ужаса и растерянности все еще не сходит с ее лица. Она смотрит на меня, не моргая, а ее лицо становится еще бледнее.

И тут меня, наконец, накрывает. Я хмурюсь и растерянно поправляюсь, чувствуя, что слетаю с катушек:

– Точнее, слышал, как ты об этом *подумала*...

-4-

Путник тяжело дышит.

Его пистолет разряжен – он держит в руках магазин.

Опирается рукой о стену здания.

Они потеряли четверых.

Четверо его людей теперь больше не идут вместе с ними.

Один из них был его лучший друг.

Путник долго смотрит на магазин, после чего со щелчком

вставляет его на место и перезаряжает пистолет. Снимает предохранитель. Теперь все в порядке.

Он слышит, как позади стонет одна девушка. Та, которая загнулась и упала. Вокруг нее трое людей. Они пытаются ее успокоить, утешить.. Но Путник знает, что это бесполезно.

На деле они потеряли не четверых.

А пятерых.

Только пятого ему придется навсегда взвалить грузом на свои плечи. Палец поглаживает спусковой крючок.

Путник винит себя – он должен был догадаться раньше, что там засада. Но последние дни его разум настолько отягощен Ими, и тем, что они вот-вот погибнут, что он просто не замечает очевидных вещей.

И из-за этого умирают Его люди.

Он не хочет в этом признаваться – но вполне возможно, умерли уже и Они. И он, теряя людей, просто идет навстречу горстке молодых трупов, которые бездыханно встретят его, разрезая потолок своими пустыми глазницами.

Он быстро отгоняет эти видения прочь.

Так ничего не решится.

Надо делать, а не сидеть. И нельзя откладывать то, что сделать необходимо.

Еще раз вздохнув, Путник встает и поворачивается к этим трем утешальцам и девушке. Увидев, что он встал –

девушка начинает рыдать еще сильнее, а те трое тут же отходят к остальным членам отряда.

– Роб, прошу тебя.. – захлебывается она – прошу..

– Прости, Крис. Ты знаешь, что у меня нет выбора – он направляет дуло пистолета прямо ей в голову.

Сглатывает.

– Умоляю, Роб! – она начинает стенать еще сильнее. Падает на колени и протягивает к нему руку. Пистолет приходится чуть опустить, чтобы вновь взять под прицел ее голову.

– Прощай.

Путник нажимает на курок.

Глава 8.

–1–

«Точнее, слышал, как ты об этом подумала».

Сказав это безумие в слух, я так и замолчал.

Однако, Лин не стала вновь мотать головой, пытаюсь что-то отрицать. В любом случае, у меня есть от чего обалдеть на месяц вперед. Первое – она не немая (в любом случае писк я слышал), второе – судя по всему, я либо услышал ее чертовы мысли, либо окончательно рехнулся.

И то, и то – новость на миллион.

Лин опасливо оборачивается, оглядывая хоплэтов. Но все они заняты разбиранием жестянок и долгожданным обедом,

поэтому на нас никто не смотрит. Тогда она поворачивается ко мне вновь.

Пауза затягивается.

– Не говори никому – просит она.

Я шумно выдыхаю и скидываю брови:

– Черт возьми, ты и правда болтать можешь! Мне не слышалось.

Но мы оба понимаем, что нас сейчас действительно парит совсем другое.

– То.. что я услышал. Ты правда об этом подумала? – не уверен, что хочу знать ответ, но не могу не задать этот вопрос.

Она нервно заправляет прядь за ухо.

Молчит, но по глазам вижу – правда.

Фигово, лучше бы я рехнулся. С этим мириться было бы легче.

– Но почему я это услышал?

– Я не знаю – одними губами, едва заметно размыкая их и постоянно озираясь на хоплэтов, отвечает Лин.

– Ты тоже слышишь мои мысли?

Она мотает головой.

– И я до этого не слышал. Какого черта? Так и сейчас не слышу..

И правда. Я замолкаю, но ничего подобного не слышу. Вряд ли, после произошедшего, она совершенно ни о чем не думает.

– А так?

Я вздрагиваю и подбираю ноги под себя, подальше от нее.

– Какого черта? Как ты это сделала?

Она растерянно жмет плечами.

– *Просто думаю более эмоционально и целенаправленно.*

Видимо, так они попадают к тебе.

– Перестань! – прошу я, и зажимаю руки ушами, хотя эти слова явно поступают ко мне не через уши – я так не могу! Перестань слать это дерьмо мне в голову! Я так рехнусь! Хватит!

Чуть подождав, отнимаю руки от ушей и вновь гляжу на нее.

– Не делай так больше.

– *Это единственный безопасный вариант тебе отвечать.*

Вновь раздается в моей голове. Когда я слышу ее голос в своей голове, но при этом она не открывает рта – я начинаю ощущать себя конченным психом. Даже более рехнувшимся, чем Ричи.

– Почему? Просто заговори и все – жестче нужного предлагаю я, будто это она виновата, что я вдруг обрел способность телепатии – как нормальный человек.

Она мотает головой.

– Зачем ты заставила их поверить, что немая? Зачем тебе это?

Молчит. И мысленно – и так.

– Либо скажешь мне – либо я все расскажу им. Пусть ре-

шат, что и я рехнулся – но поверь, они сделают все, чтобы заставить тебя заговорить. И в их теперешнем настроении, всем будет плевать, что ты девчонка. Как только узнают, что ты врала им – решат, что ты такой же «враг», как и я.

Она вздыхает и ее плечи поникают. Лин выглядит загнанной и напуганной, потому я чуть смягчаю тон и говорю еще тише:

– Просто ответь мне, зачем тебе это. И я никому ничего не скажу. Обещаю.

– *Я могу ответить так?*

Обреченно вздыхаю:

– Ладно.

-2-

Лин облакачивается на стену и глядит перед собой, на холщевые плэты. Взгляд бесстрастный, обычный. Я понимаю, что она ждет того же от меня – тогда со стороны, если Ричи или кто вдруг глянет, мы будем смотреться как обычно.

Никто и не подумает, что в это время у меня в голове играет, точно безумная скрипка, ее голос.

Откидываю голову назад и жду.

– *Не знаю, что тебе рассказала Сью. Я видела, ты неплохо с ней подружился – но на твоём бы месте я держалась от нее подальше. Ты просто не видел, что здесь происходило, когда мы только очнулись. Думаю, она тебе рассказала*

весьма искаженную версию происходящего – ведь она была одной из далеко не святых тогда.

Еле подавляю в себе желание резко повернуться к ней или враждебно уточнить, на каком основании она оскорбляет мою единственную подругу здесь. Но уверен, если не перебыю – она сама расскажет.

Так и происходит.

– Когда мы только очухались, то и правда не понимали, где что и почему. В общем-то, вели себя, как ты до сих пор. Причем все – включая Лютера и Ричи. Они даже больше остальных. Настолько обезумели в желании найти выход, что.. Ричи еще оставался в своем уме, а вот у Лютера сорвало крышу..

Я слушаю ее и быстро нахожу в толпе обедающих Лютера. Он стоит, как всегда уверенный, плечи расправлены. Сейчас делит банку вместе с Ричи и о чем-то говорит. Ну конечно, после моей вылазки, им есть о чем потрепаться.

– ..он решил выбраться во чтобы то ни стало. Ему стало плевать совершенно на все – он будто бы лишился не только разума, но и всего, чего можно было. Ты же знаешь про холпэта, которого порезало в трапе? И общую версию, которую всем рассказал Лютер. Все до сих пор в нее верят. Ринулся мол, побежал, а Лютер и остановить не успел.. Только вот не я. Потому что я была там, случайно увидела, что там произошло тогда на самом деле..

Взгляд Ричи отрывается от жестянки и падает на черное

окно. Видимо, краткую версию произошедшего ему уже рассказали, но он вновь недовольно фыркает и кричит так, чтобы все хоплэты услышали:

– Отлично, мать твою так! Теперь из-за двух стеганутых у нас нет окна!

Я кривлю губы:

– Его у вас и до этого не было. Это была проекция, не больше. Как ты не врубишься-то до сих пор? Или думаешь, резко наступила ночь?

– Захлопни пасть, пока я тебе не помог – рычит он.

Лютер вновь касается его плеча, недовольный тем, что Ричи отвлекся – и продолжает что-то говорить. Взгляд его сосредоточенный, поза напряженная. Очевидно, трепятся они не просто так болтовни ради.

Я едва заметно киваю, показывая Лин, что она может продолжать.

– *Я оказалась там случайно. Я, как и остальные, искала выход. Я бродила по коридорам... а потом услышала истошные крики. И пошла на них – думала, кому-то надо помочь, кто-то куда-то встрял из хоплэтов. Но когда я подошла, то поняла, что дело совсем в другом..*

«*Я выглянула из-за угла, потому что приблизившись, различила не только один голос. Их было два. Два мужских голоса.*

Лютер, пользуясь своим физическим преимуществом, схватил брыкающегося напарника и потащил напрямик к

стеклянному коридору. Дверь уже была отворена, потому трап осветился и я могла из видеть.

– Не надо! – кричал тот, извиваясь из последних сил – отпусти! Не надо!

– Нам надо проверить все ходы – заявил тот, ни капли не колеблясь – этот может быть выходом.

– Отпусти меня! Нет! Иди сам! Отпусти меня! Не надо! Но Лютер швырнул хоплэта внутрь – так, что тот отлетел на треть коридорчика вперед. Сразу после этого дверь за ним тут же захлопнулось.

А после этого появились лазеры.

Да, как только он их заметил – Лютер в спешке попытался открыть дверь, но понятное дело, ничего уже не выходило. Он запаниковал, принялся долбать по ней, тянуть на себя – однако, к этому моменту хоплэта уже порезало.

И дверь открылась сама.

Я зажала рот рукой, и сделала шаг назад, чтобы поскорее смотаться отсюда – но наступила на какую-то стекляшку. В тотальной тишине Лютер тут же это услышал и резко развернулся»

– Видел бы ты его глаза.. это были глаза безумца. Безумца, который понял, что переступил черту. И который понял, что у этого поступка оказался свидетель. Он понимал, что если об этом узнают другие хоплэты, его самого линчуют. Хотя бы из страха, что он опасен. А их большие – они бы вполне с ним справились. И вот тогда я увидела в этих гла-

зах решимость. Он был готов кинуть в трап и меня, лишь бы избежать огласки. А потом, может, сказать – что мы оба ринулись туда.. а он не успел нас спасти..

«Я ринулась обратно, но он очень быстро меня догнал. Схватил и повернул к себе, его ноздри раздувались.

– Что ты видела?! – шипел он и тряс меня за плечи, как куклу – сколько ты видела?!

И в этот момент я поняла – что чтобы я не сказала, это будет неверно для него. Хоть если я скажу, что видела все. Хоть если скажу, что видела лишь конец, где он пытался открыть дверь. Он не поверит. Не станет рисковать.

Единственный шанс – молчать.

Притвориться немой. Ведь что может рассказать немая? Ничего. Даже если что-то видела. А до этого нас было так много и все так много кричали, что я и правда особо не раскрывала рот.

Это зародило во мне надежду.

– ОТВЕЧАЙ!

Он тряс и бил меня по щекам, но я молчала, пытаюсь разыгрывать из себя немую. Махала руками, показывала на рот. В общем, что угодно. Даже когда его удары были болючими – я молчала. Слишком свежа была картина, как он без раздумий запихнул хоплэта в трап.

В итоге мои жесты и общее молчание донесли до него суть:

– Ты че, немая?

Я активно закивала.

– Упасть не встать.. – его глаза застекленели. Он начал думать.

Потом вновь спросил:

– Сколько ты видела?

Я просто замотала головой.

– Короче, чтобы ты не видела – это была случайность. И она остается между нами, поняла? Или.. случайность ведь может повториться»

– Немому доверять куда проще. Лютер бы никогда не пошел на такой риск, если бы знал правду. А немого легко контролировать. Он никогда не сболтнет на ушко – а как только нашли листы и ручки, он тут же подверг из контролю. Хоплэтам он это объяснил, как экономия ограниченных ресурсов. Но мы оба понимали, в чем тут дело. Каждый день, до сих пор, он с утра и вечером пересчитывает все листы в шкафчиках. Если пропадает хоть один – я должна показать его и все, что на нем написала. Иначе меня ждут большие проблемы. Таким образом он смог полностью контролировать любое мое взаимодействие с хоплэтами. И соответственно – мои возможности кому-то что-то рассказать. А я продолжала играть. Потому что как он мне весьма прямо сказал: «случайность может и повториться».

Голос в моей голове на мгновение замолк и она опустила голову. Волосы упали на лицо Лин.

– Он нашел хороший предлог постоянно держать меня в

пределах Зоны, чтобы у меня не было возможности самой найти бумаги, которые вне счета. Кинул к чистякам, прижав тем самым со всех сторон и отобрав любую возможность бесконтрольного общения у немого с другими. Да я и не спешила ничего рассказывать – меньше всего хотелось оказаться в трапе.

– Получается, притворяться немой – твой единственный способ оставаться здесь живой? – спрашиваю одними губами и она едва заметно кивает.

Дальше продолжает вновь голосом в моей голове:

– Но даже этот случай с хоплэтом он сумел повернуть на себя. Запугал всех ребят, мол, опасности в Хоплесе поджидают повсюду и так далее. Нужен порядок, нужен контроль – иначе все мы кончим, как его непоследовательный приятель. Мы были напуганы – и большинство согласилось с ним.

– Но не все.. – вновь шепотом замечаю я, не поворачивая ГОЛОВЫ.

– Да, не все. Но этих хватило, чтобы создать группу «Лютера». Группу, которая впоследствии и стала «Лидерами». Они силой ломали всех остальных и заставляли подчиняться общему порядку. Не столько ради порядка – сколько им понравилась идея Лютера о контроле. Уж лучше быть тем, кто контролирует, чем тем, кого контролируют. А в замкнутом пространстве среди 20 людей такой итог все равно неизбежен. Они силой заставили тех, кто был из нас

не согласен – принять новое положение вещей.

Вспоминаю слова Бена.

(потому что они так решили. они же здесь большие боссы, как же. сами себя короновали..)

– Большинство несогласных отправилось впоследствии в чистяки. Собственно, с тобой пока что произошло тоже самое. Хотя, ты и сам вытворял – но, по большому счету, уже понял, как у нас тут все работает. Не делаешь так, как хотят они – отправляешься в чистяки. Продолжаешь перечить – тебя избивают, пока не станешь согласным и смиренным.

Я украдкой гляжу на Ричи и Лютера. Они оживленно болтают, склонившись друг к другу. Остальные уже доедают, но все еще не смотрят на нас:

– Но причем здесь Сью? Если хоплэта убил Лютер, и кроме тебя этого никто не знает, то почему Сью «не святая»?

– Ричи и Сью стали первыми, кто поддержали не только идею Лютера, но и его насильственные методы. Так что не удивительно, если она рассказала тебе солнечную историю о том, как Лютер великодушно взял всех под свое крыло, помог обособиться и коллективно искать выход, а все сказали ему «спасибо» и возвели в ранг бога. Ложь. Она, Ричи и Лютер – стоят во главе этой шайки. И действуют в ее интересах.

Голос замолкает, и когда я думаю, что Лин закончила, в моей голове звучит еще одна фраза, несколько озадаченным

ТОНОМ:

– Так что я даже удивилась, когда ты сбежал от нее, нарушил правило, а она тебя отмазала от Ричи с Лютером. И потом еще раз. Это было странно.

Наверное. Но сейчас меня волнует не это.

– Окей – шепчу я, опустив голову, чтобы шевеление моих губ не могли увидеть остальные – даже если так, и всё здесь далеко не розовые сопли. Но в любом случае – их цель искать выход. Почему они не хотят, чтобы я провел их через трап? Сектор А – возможность найти выход.

– Только ты в это веришь. Лютер, как и я, собственными глазами видел, как того паренька изрезало, как шпинат в пару секунд. Через трап пройти нельзя. Поэтому и я тебя заложила – не потому что хотела вставить палки в колеса, а потому что понимала, что ты новенький и не отдаешь себе отчета, с чем имеешь дело. Тебя бы просто покромсало там – потому даже гнев Ричи с Лютером за твой побег ничто по сравнению с тем, что ждало в трапе. Я до сих пор не приложу ума, как ты выбрался оттуда живым. Думаю, Лютер тоже списывает это не больше, чем на твою фатальную удачу. Он не верит, что ты сможешь проделать это снова – или тем более, протащить туда всех нас, и найти выход. Для него твои слова об этом – не больше пустого звука.

– Даже если не верит – почему хотя бы не попробовать? Проверить мои слова?

– Этим они поставят свое Лидерство под сомнение. Если какой-то новенький так легко может направо и налево нарушать правила, и его будут слушать, и не будут наказывать – то почему тогда должны повиноваться все остальные? Он не станет давать шанс «ради галочки» – напротив, уверена, они затерроризируют тебя до талого, чтобы на твоём примере показать, что бывает в случае нарушений. Чтоб остальным неповадно было.

– Хочешь сказать, если бы он верил в возможность пройти через трап – то дал бы шанс?

– Не знаю. Что касается этих двоих, очень сложно о чём-то говорить наверняка. Лютер хочет найти выход, как и мы все. Но он слишком заиклился на своей «власти» в этих четырёх стенах, и порой начинает забывать, что главная цель выбраться, а не удержаться в узде хоплэтов. А ты ставишь эту «узду» под сомнение который раз.

Лютер, запихавший паренька в трап. Ричи и Сью, которые насильно заставляли хоплэтов признать их правила. Прочая белиберда.. все это должно было взбудоражить мой мозг – но почему-то даже толком не отпечаталось.

Все это фигня – потому что важно оно лишь в контексте Хоплеса. Как только выберемся – это станет не больше, чем пылью. А я сидеть здесь не намерен. Потому меня все еще больше одолевает проблема – как заставить Лютера поверить в мои слова, чтобы мы могли исследовать сектор А.

Но, конечно, изредка мои мысли касаются и Сью. Выхо-

дит, она довольно во многом нарочно искажала правду.. но при этом и правда выгородила меня при явном нарушении.

Сейчас я испытываю к ней довольно противоречивые чувства, потому решаю отложить эти мысли на потом.

Среди всей этой бурды, мимо проносится вдруг мимолетная, но очень важная деталь.

(..он с утра и вечером пересчитывает все листы в шкафах. если пропадает хоть один – я должна показать его и все, что на нем написала. иначе меня ждут большие проблемы..)

– Твой лист – не поднимая голову, быстро шепчу я – на котором ты сегодня писала мне, что поднимешь тревогу. Когда я закрыл тебя в кабинке,

(смываю лист в другом толчке, а ручку бросаю за унитаз)
то смыл его в унитаз..

– Значит, он это заметит, когда вечером их пересчитает.

– И что тогда?

Слишком большая пауза. Наверное, Лин пыталась собраться, но когда она заговаривает, ее голос в моей голове все равно звучит намного тише и робче:

– Не знаю. Прежде я всегда могла предоставить ему исписанные листы.

Я не нахожусь, что на это ответить.

Как бы не хотел – но теперь при всем желании не смогу достать лист, уплывший далеко в канализацию и, наверное, уже давно растворившийся в воде.

Вместо того, чтобы сказать хоть что-то, опуская взгляд на часы. Ведь именно из-за них они все меня пока что терпят, а точнее, держат подле себя.

«01:12:04»

Молча чуть поворачиваю дисплей в сторону, чтобы Лин тоже могла увидеть время. Ее пряди на лице чуть колышутся, когда она это делает.

– *Еще час.*

Киваю.

Спустя пару минут к нам подходит Бен. Судя по его довольной роже – он опять сожрал у кого-то чуть больше, чем надо. Объял очередного хоплэта, не сумевшего отстоять свое добро. Но рожа недостаточно довольна, насколько могла – конечно, ведь теперь он в немилости у Лидеров.

Хотя, разве ему не насрать, как он сам говорил?

Он много чего говорил. Включая и десять минут назад. Довольно скользкий тип.

– Можешь шуровать, Немая – великодушно заявляет он, падая рядом со мной по другую сторону на пол – я поел. Твоя очередь. Как доешь – тоже шуруй сюда. Хрена ли я один буду сидеть. Ричи сказал, по очереди – но мне вот это вот бегать туда-сюда.. Сколько там осталось?

Косится на мои часы:

– Час.. ну час вместе и отсидим. Годно?

Лин едва заметно кивает и встает. Поправляет штаны и идет к шкафчикам, где стоит уже открытая банка. Очевидно, кому-то дали на двоих, он съел свою половину – а это ее. Хотя, подозреваю, там намного меньше. Если дать хопл-эту банку и сказать «ну половину оставь» – в лучшем случае останется треть, а то и четверть.

Ну хотя бы столько.

Мне вообще ничего.

Какое-то время мы сидим молча, после чего Бен заговаривает – так же едва слышно, чтобы никто, кроме меня, его не услышал.

– Не злись, Везучий – однако, голос его равнодушный, словно он открыл рот просто для того, чтобы открыть – я ж тебе, дебилу, сказал, не буду я подставляться из-за тебя. А меня как потрянули за печенки – мне и пришлось ляпнуть первое, что в голову пришло. Иначе как я еще мог тебя пустить? Ну типо.. Ты захотел в трап – ты пошел. Я за это отхватывать не обязан. Верно? Верно. Все по-чесноку. Я тебе в сообщники не заделывался.

– Мне плевать – отвечаю почти искренне – сомневаюсь, что твое балаболство сделает мне еще хуже. Они и так в бешенстве.

– Это да.

– Поесть мне не дадут?

Бен издает глухой смешок:

– Если тебе че и дадут, Везучий, то вряд ли тебе этого шибко захочется.

– Как остроумно. Ха-ха-ха – закатываю я глаза.

– Да ладно – перебивает он – вот часы оттикают, и если всё лады, то на ужин может че и перепадет. Они же из-за часов парятся. Думают, ты деру дал, чтобы слинять от них и дело с концом. Затеряться, так сказать. А если подозрения не оправдаются – они быстро остынут.

Если он и прав – то максимум на половину.

Отчасти, дело в часах, конечно. Но как верно сказала Лин – на мне они отгуляются по полной, чтоб другим неповадно правила нарушать было. Просто так мне это не спустят.

Да и не надо.

Просто отвалите – и дайте уйти. Сам справлюсь. Ну или не справлюсь – всяко лучше, чем здесь.

– Ну ты это реально Везучий, выходит – теперь в его голо-се скрытое любопытство – забраться в трап и выйти оттуда. Отменное везение надо иметь.

– Ага.

Потом задумываюсь. Если Бену любопытно, как так вышло – может и остальным тоже. Что, если заинтересовать всех хоплэтов, и тогда Лидерам волей-неволей придется сдаться и проверить мои слова?

– Это было не легко – я оборачиваюсь к нему – там было дохрена лазеров. Они увеличивались с каждым разом.

– И как ты? – он аж дыхание затаил.

– Само как-то.. – хмурюсь я. Да, знать бы как я это сделал, можно было бы привлечь гораздо больше хоплэтов – я будто знал, что надо делать. Руки.. ноги.. мышечная память. Типо того.

– Я так и не понял. Причем здесь память и лазеры? Говорю, как живым остался?

– Я их типо.. уворачивался от них. Ото всех. И так до двери добежал. Потом код ввел и попал в сектор А.

– Да ну тебя – разочарованно отмахивается он – я думал расскажешь, а ты опять это дерьмо в уши вливаешь.

– Я правду говорю!

– Ага, ты же у нас этот, неуловимый, кошкам тебя драть, перелопатил лазеры, ну как же.

– А что по-твоему тогда там было?

– Думаю, система не сработала. Ну или типо того..

– Сам объяснить не можешь.

– А ты можешь? – возмущенно фыркает Бен – «уворачивался от них». Если так, тогда я построил Хоплес! Уворачивался от лазеров.. – продолжает возмущенно бормотать он – а че сразу не от метеоритов..

Но едва я собираюсь ответить, как нас перебивает Ричи с противоположного угла холла:

– Какого долбанного хрена вы там трепитесь?

Очевидно, они уже доболтали с Лютером и теперь он может отвести, наконец, свою душу на мне. Что и делает – мед-

ленными, ленивыми шагами идет в нашу сторону. Подходит и пинает в ногу Бена:

– Я разрешал трепаться с нарушителем? Я тебя сюда лясы точить что ли посадил, или охранять этого ушмарка? Если б вовремя жопой подвигал – он бы не сбежал.

Теперь переводит взгляд на меня. Нагибается, хватает запястье и выворачивает нарочно сильнее, чем требуется для того, чтобы глянуть время. Я сжимаю зубы, но не собираюсь издать и звука.

Ведь именно этого этот кретин и добивается.

В итоге он поворачивает до тех пор, пока терпеть становится невозможно и я с криком дергаю рукой. Он удерживает ее, усмехается, но перестает поворачивать.

– Ага, остался час. Понятненько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.